

Карлфрид граф Дюркхайм

О двойственном происхождении человека

О КНИГЕ

Введенный в рамки функционера, растущего и развивающегося по собственным законам «потребительского и производительного», человек Запада сбился с внутреннего пути в том смысле, что теперь мятёж глубинных слоев его души начинает вынуждать к всемирно-историческому перевороту его духовного развития. Впервые за всю историю «империя, существующая не в этом мире», превращается из предмета просто веры в источник познаний (опыта), которые требуют трезвого восприятия, которые до сих пор девальвировались представителями далеких от веры естественных наук и далекими от опыта представителями веры как субъективные ошибочные источники объективного познания и действительной веры. И теперь прозрачность становится для трансценденции, являющейся для нас имманентной, смыслом духовной тренировки. Человеческая зрелость не есть привилегия восточной мудрости.

ОБ АВТОРЕ

Карлфрид граф Дюркхайм родился в 1896 году в Мюнхене, с 1914 по 1918 год принимал участие в военных действиях первой мировой войны. Обучался философии и психологии в Мюнхене и Киле. В 1923 году он стал доктором философии (кандидат философских наук), с 1925 по 1932 год работал в качестве ассистента в институте Лейпцигского университета. В 1930 году защитил докторскую диссертацию по философии. В 1932 году он — профессор философии в педагогической академии и доцент Кильского университета. С 1937 года и до конца второй мировой войны жил в Японии. Здесь произошло знакомство с Дзен-буддизмом. С 1948 года Карлфрид граф Дюркхайм работает в кругу своих коллег в Тодтмоос-Рютте (Шварцвальд) в качестве психотерапевта.

(Санкт-Петербург: «ИМПАКС», 1992)

СОДЕРЖАНИЕ

I

Тема

Вдвойне страдание — вдвойне счастье
Мировое «Я» и сущность
Между сущностью и миром
Прообраз и путь вовнутрь
Трансценденция
Знание вдвойне (Zweierlei Wissen)
Волна, лист и лоза

II

Человек нашего времени

Под сенью тяги к успеху
Хвала успеху
Отсутствие тишины
Беда времени
Становление «Я» и сущность
Удивление и страдание
Удачное мировое «Я»
Формы отсутствия «Я»
Застывший корпус «Я»
Человек без корпуса «Я»
Гармоничный человек
Совершеннолетие

III **Опыт бытия**

Требование
Звездные часы жизни
Разговор
Соприкосновение с бытием
Опыт бытия и триединство бытия
Три основных опыта
Три вида самосознания
Могущество, мудрость, доброта
Критерии подлинного опыта бытия
Качество Божественного
Излучение
Превращение
Рождение новой совести
Появление противника
Прозрачность

IV **Путь**

Опыт бытия и превращения
Инициальный путь и мистика
Смысл пути
Сопrotивление на пути
Героическое страдание
Сопrotивление как шанс
Принятие темного
Страх перед жизнью
Тень

V **Упражнения (Das Exerzitium)**

Смысл упражнения
Новое сознание
Упражнение и милость
Повторение
Двойственный смысл каждого поступка
Сформированная проницаемость
Тело, которое ты есть
Троякая совесть тела
Отношение человека к «верху» и «низу», к миру и к самому себе
Зрелость и незрелость в теле
Хара
Основополагающее упражнение
Напряжение — разрядка
О дыхании
Инь и Ян
Тренировка тела как упражнение
Преодоление робости прикосновения

VI **Призыв Учителя**

Призыв к Учителю
Психотерапия и сопровождение (ведение) по пути
Учитель — ученик — путь
Учитель

Внутренний Учитель
Реальный (истинный, живой) Учитель
Ученик

VI Медитация и медитативная жизнь

Смысл медитативного упражнения
Медитация
Медитативная жизнь
Пять ступеней

VIII Области (сферы) испытания

Будни как тренировка
Человечность
Старение
Умирание и смерть

Эпилог

Приложение

I ТЕМА

Человек имеет двойственное происхождение, небесное и земное, естественное и сверхъестественное происхождение. Все мы знаем это положение. Но кто из нас учился принимать его серьезно, серьезно, как выражение некоего предвестия, некоего опыта и некоего предназначения?

Вряд ли кто-нибудь будет сомневаться в «земном» происхождении человека. Но утверждение о том, что человек имеет «небесное» происхождение, совершенно очевидно относится к положениям, которые обращаются только к вере. Как и содержание множества других высказываний о древних истинах жизни, эта истина теряется на горизонте одного из преходящих взглядов на действительность в сумраке сферы, которая, явно принадлежа царству снов, не имеет ничего общего с «действительностью», которую мы можем воспринимать. Но это не так.

Действительность, в которой и исходя из которой мы живем, и исходя из которой мы должны были бы жить сознательно, выходит за рамки того способа видения мира, в котором осознает себя и продвигается само- и мирознание «естественного» (natürlich) человека. Положение о двойственном происхождении человека со всей точностью и простотой показывает, что существует и что существует как данное и заданное восприятию человека. Там, где человек перестает хранить в своем внутреннем мире свою истину и жить сообразно ей, он становится больным, злым и безрадостным.

В развитии человека первоначально становится действенным лишь конечное мирообусловленное происхождение и то, что с ним связано; все это воспринимается серьезно, развивается и закрепляется таким образом, что все, приходящее из бесконечного происхождения, отодвигается в тень и вытесняется. Разрешение возникающего здесь напряжения между земным и небесным происхождением человека, и притом творческое его разрешение,— не ленивое снятие проблемы, это основная тема человеческой жизни и смысл внутреннего пути.

Природе человека свойственно — и это его судьба — «вкушать от древа познания», и его рациональное осознание «Я» и мира (Ich — Welt — Bewußtsein) в этом не только развивается, но и закрепляется. При этом он отделяет себя от первобытного единства мира. Исходя из этого обособления, он находит себя в некоторой «действительности», которую он, поставленный ныне на собственные ноги, должен самостоятельно совершенствовать и преобразовывать, чтобы сохраниться. Его первоначальная сущность, в которой ему от рождения заповедано как предвестие (Verheißung), опыт (Erfahrung) и предназначение (Auftrag) быть индивидуальным образом бесконечного целого, остается скрытой от него, ибо он держится в мире как «Я» с тем, что он имеет, умеет и знает — и, однако, ничего не знает о том, кем он в сущности (Wesen) своей является. Но мощно остается в нем его собственной сутью (Kern) древнее Единое (das Ur-Eine), которое соединяет его с его вечной родиной и зовет, и одновременно побуждает обрести его снова и утвердить в своем высшем «Я».

Очень медленно освобождается человек, чтобы стать человеком, из-под власти слепой природы — развивает сперва первичное «Я», которое утверждается, устремленное только к собственной безопасности и желаниям, затем «личность» (Persönlichkeit), которая делает его осознающим свои ценности и готовым к

служению и господствует над его чувствами и влечениями. Но все, что делает человек, ставший однажды самостоятельным, исходя из себя, своей силы и своей ответственности, осенено благодатью лишь тогда, когда он сознательно или бессознательно чувствует присутствующее в его сущности древнее Единство (Ureinheit) жизни. Но по-человечески истинно творческим оно становится только тогда, когда человек открывает в нем себя самого и, рождаясь заново, освобождается от него, чтобы потом с помощью способа и языка своего человеческого Бытия и Действия в Мире (In der Welt Sein und Handeln) свободно засвидетельствовать перед ним свое высшее «Я».

Для многих такие утверждения, возможно, звучат, как совершенная «мистика». Но слово «мистический», которое еще вчера означало: необъективный, чисто субъективный, нереальный, потусторонний, не достойный серьезного внимания, привилегию узкого круга избранных,— в наши дни обретает совершенно иное звучание в людях, носящих в себе будущее. Ибо в нем начинает звучать центральная действительность нашего человеческого бытия.

Господствовавшая над нами столетиями антропология оказывается чересчур узкой. Она ограничивает целостность человека тем, чем он является в силу своих пяти чувств, своего разума, своей принадлежности к обществу и своей привязанности к светским ценностям и правилам. То, что выходит за рамки этого, есть «трансцендентное» и является делом веры. Разумеется, оно трансцендентно постольку, поскольку оно перешагивает горизонты естественного мирового «Я» (Welt-Ichs). Но именно этому нам необходимо научиться — признаться самим себе, что суть (Kern) человека сама перешагивает горизонты «Я», более того, что имманентная трансцендентность составляет его суть. И еще одно мы можем добавить сегодня: эта суть, живущая в нас трансцендентность, перестает быть только делом веры. Она вступает в круги опыта и становится знанием. Где это происходит, там расходятся духи (scheiden sich die Geister). И это знаменует собой начало новой эпохи.

Новое поколение готово к тому, чтобы открыть ворота в жизнь, исходящую из присутствия проникающего в сознание надмирового (überweltlich) бытия. Это происходит сегодня посреди этого, испорченного в своей оторванности от бытия мира. И в ожесточенном, кажущемся таким циничным реализме сегодняшней молодежи и скрывается, и обнаруживается одновременно мощь стремления, которое в тайных, зачастую неосознанных поисках готово разрушить все, что возникает на пути, просто потому, что оно кажется таким непреодолимым.

Мир воспитателей, терапевтов и духовных пастырей противостоит ныне будущему (zukunftsträchtig) поколению перед лицом проблем, к которым они никоим образом не подготовлены. Выросшие во время, когда авторитет вышестоящего лица был более или менее табу, и «духовное богатство», подлежащее передаче, было неоспоримо, ученики, вверенные им для обучения, и — как они полагали — также и для воспитания, и для образования,— не являлись действительной проблемой, ибо было хорошо известно, что нужно выучить потенциальному выпускнику и абитуриенту, потенциальному функционеру и производителю, потенциальному члену общества и носителю веры. Было предписано, что полезно знать, необходимо уметь и во что положено верить. Это время прошло — потому что для будущего поколения дело в первую очередь не в том, что ты имеешь, умеешь или знаешь, а в том, кто ты есть. Речь идет для него о том, можешь ли ты быть тем, кем ты собственно являешься в своей сущности. И что глубоко волнует эту молодежь, несущую в себе будущее, есть внутреннее предчувствие бесконечного происхождения и гнев от того, что знание о нем и доступ к нему были утаены от нее. И те, кто нес ответственность вчера, пришли к естественному требованию Современности, которая сменяет Новое Время, с пустыми руками!

Лишь немногим из «стариков» открылась их собственная сущность (Wesen) в той ее силе и определенности, которая взрывает границы их старой антропологии и освобождает их от роковых угрызений совести, которым так многие предаются тогда, когда отказываются от унаследованных и навязанных формул и штампов (Bilder) их веры. Но чаще они стоят под пронзительным взглядом молодых не просто с пустыми руками, но как пустые оболочки, не потому, что они дурны или ничего не сделали в жизни, а потому, что они, даже будучи заслуженными, законопослушными и примерными гражданами, в сущностном смысле (existentiell) не имеют ни почвы, ни корней, ни соков, т. е. не имеют понятия о своем небесном происхождении, не говоря уже о том, чтобы знать о нем и, исходя из него, чувствовать, мыслить и жить. Так восстает сегодня полное предвестия (verheißungsvoll) будущее против отягощенного прошлым настоящего. Но лишь медленно прокладывает Новое себе дорогу.

Слышал ли когда-нибудь, например, священник, принимающий исповедь, что некто признает свой грех в том, что строго следовал порядку своей общины, хотя слышал сверхъестественный (übernatürlich) зов, который призывал его выйти за рамки этого порядка и обязывал его нарушать? Разумеется, это уже решающий шаг в развитии человека, когда силами своего предметного и ценностного сознания он может развить в себе тот дух, который сделает его господином своих влечений и чувств и своего эгоцентрического «Я» и даст ему возможность служить общине и хранить ее порядок. Нарушение его — это земной грех. Но если он укрепитя в ценностном порядке мира, он может, услышав другой зов, совершить больший грех: грех против надмировой (überweltlich) жизни.

«Небесное происхождение» подразумевает, что мы не только дети этого пространственно-временного мира, но и одновременно граждане в надмировом (überweltlich) Царстве Господнем. Это звучит как религиозное положение! Но великие истины жизни, для того, чтобы быть принятыми, должны быть исполнены религиозного чувства (frommes Gemüt), ибо только оно открыто этому, то есть предрасположено к знанию, переходящему

горизонты разума, которое по своей природе скрыто (verstellt) от жизни, не постижимой разумом. Что утверждение о небесном происхождении и его истина когда-нибудь может стать в жизни человека сокровенной реальностью, что познание истины захватит его внезапно как предвестие (verheißung) и долг, захватит, опрокинет и заставит начать с самого начала, кто подозревает об этом? Нечто, чем мы являемся в сущности своей, может быть однажды постигнуто нами как пробуждение к иной действительности, так, что оно приведет к началу новой жизни. Кто из родителей, воспитателей, руководителей нашей молодежи что-нибудь знает об этом? Но ведь это так. Мы должны идти к тому, чем и кем мы являемся в нашей сущности (Wesen). Для этого мы должны умереть как дети только лишь мира и родиться заново для того, кем мы являемся в надмировом (überweltlich). Это неслыханный факт, который, однако, принадлежит к древнейшим истинам Великих Традиций и Великих (Meisterlich) Людей. К этому предрасположен человек, каждый человек в основе своей сущности призван ли он услышать это, или он принадлежит к избранным, которым позволено познать это сполна и исполнить — это другой вопрос. Но пришло время различать духов (Geister) — и давать все большему числу людей различать — для того, чтобы те, кто принадлежит этому, выросли, имея мужество освободиться от штампов и формул, в которых предшествующие ступени духа обладают частью тайны, но которые оставляют в сумерках всю истину и останавливают развитие человека, который уже подошел к сверхъестественному переживанию (übernatürliche Erfahrung) действительности, до сих пор имеющему место только в вере естественного человека.

Пришло время, когда скрытое бытие (Sein) входит в сознание человека и разрушает стены, окружавшие его в человеке и препятствующие принять его совершенно сознательно в свой опыт. То, что теперь видит человек сущностным оком (Wesensauge) отличается от того, что он различает своим природным глазом, как картина, которую открывает рентгеновский луч, отличается от картины, видимой обыкновенным глазом, который не проникает через кожу. Этот глаз не видит даже ауры, которая как свидетель участия в космической структуре вибраций (Schwingungsgefüge), окружает жизненное тело всего живого.

Новый взгляд триедин: Опыт, Предвестие, Предназначение. Человек может сказать этому «да» или «нет». В этом состоит его свобода, единственная свобода, которой он обладает. Он может принять или оттолкнуть возможность, открывающуюся ему, когда начинает видеть его сущностное око, он может открыться навстречу «невозможному» или укрыться в возможном. Он может отдаться сомнениям или разрешиться творческой верой, которая, возникая, делает невозможное возможным. Доверие к творческой силе изменяющейся, рожденной опытом бытия веры — это не детски наивное начинание, напротив, не допустить ее там, где она просыпается, значит предать наше небесное происхождение. Ибо в мире человек должен совершать Творение Господне (Gottes Werk) свойственным человеку образом.

Итак, тема определена:

Мы имеем небесное происхождение, мы дети не только мира, но и Бога и, исходя из этого, призваны к зрелости (Mündigkeit). Мы братья Христа в нашей сущности и разделяем его царство, которое вне этого мира.

Мы призваны стать личностью (Person), то есть стать такими, чтобы слово, живущее в нас, как и в других созданиях, могло прозвучать в мире. Мы призваны стать способными утвердить его надвременное присутствие и позволить принести плоды во времени и пространстве.

Мы одарены способностью не только верить в наше бесконечное происхождение, но и осмыслять, постигать его в собственном опыте и, послушные слышавшему оттуда зову, идти путем изменения, в силу которого мы сможем среди мира нашего естественного происхождения свидетельствовать о царстве бесконечного происхождения. Но все это скрыто от нас до тех пор, пока живущий в нас свет таится в темноте признающего лишь предметно фиксируемый мир духа и средневекового греховного сознания. Нам необходимо мужество увидеть свет предвестия (Verheißung), ибо каждому дано и, если он уже на необходимой ступени, задано осознать себя как дитя Бога. Для того, чтобы возрасти в душе, это чувство нуждается лишь в той рассудительности, которая разумом победит порождающие страх туманности и сможет допустить то, что голова никогда не сможет постичь, а воля — осуществить. Суметь прожить великое предвестие (Verheißung) как предназначение (Auftrag) — суть источник и смысл внутреннего пути, пути, на котором бесконечное бытие (Sein) человека становится обязывающим осознанием (Innesein) и обретает образ в нашем конечном существовании (Dasein).

ВДВОЙНЕ СТРАДАНИЕ — ВДВОЙНЕ СЧАСТЬЕ

Существует двойное страдание и двойное счастье. В этом заключается двойственное происхождение человека. Существует страдание от угроз, несправедливостей и жестокости этого мира и от неудовлетворенности тем, что не можешь справиться с этим надлежащим образом. И так же существует счастье от осознания защищенности, смысла и любви в этом мире. Несколько другое счастье и страдание человека возникают в случае его единства или неединства со своей надмировой сущностью. Существует страдание из-за разобщенности с сущностью. А также существует и счастье вследствие единства с сущностью среди свойственных миру опасности, абсурдности и одиночества, счастье в переживании полной неизвестности существования, которое преобразует и упраздняет страдание от мира. В счастье и страдании со всех сторон обусловленного мирового «Я» проявляется земное происхождение человека. В счастье и страдании, которые человек испытывает в случае единства или неединства с сущностью, проявляется надмировое происхождение человека, затаенный в нем Бог. Также существуют и два способа быть здоровым (невредимым). Один — в силу психофизического здоровья,

подлинного трудолюбия на благо мира, другой — в силу единства с сущностью даже с чувством неудовлетворенности по отношению к миру. Одному служит прагматическая терапия, будь она физио- или психотерапией, другому — инициальная терапия. Прагматичная терапия предполагает врача и физиотерапевта, лечение при помощи инициальной терапии, напротив, предусматривает собой ведение по пути, каким оно сохранилось и живо в традициях Учителя. В продолжение этой живой традиции, до сего времени сохранившейся в большей степени на Дальнем Востоке, чем на Западе, и состоит задача нашего времени: открытие заново внутреннего пути, начинающегося в «мистических» познаниях — уже не как привилегии отдельных и задачи небольших тайных обществ и эзотерических кружков, а как широко распространенное движение всех тех, которые для этого уже созрели.

Познание страдания на самом себе в качестве истинного страдания, обязательно как настоящее и значительное страдание человека, означает поворот в восприятии, оценке того, что собственно и означает «человеческая жизнь», потому что только тогда, когда это страдание принимается всерьез, обнаруживается, что человеческое бытие подразумевает под шансом, предвестием и предназначением. Стремление к успеху, возводимое в абсолют, становится роковой ошибкой. Осмысление значения внутренней жизни может действовать как вспышка, которая освещает лежащий во мраке непосредственный жизненный ландшафт человека таким образом, что это требует коренного преобразования жизни: до сих пор человек видел лишь то, как сильны его страдания от мира; в страдании от неединства со своей сущностью он может вдруг понять, что корень этого страдания таится в вытеснении его божественной сути.

МИРОВОЕ «Я» И СУЩНОСТЬ

Пока человек закреплен в своем естественном мировом «Я» вплоть до центра своей структуры существования, все имеет свои границы, свой смысл и свое значение относительно этого «Я»: горизонт реального, вещи, ценности, человек и сообщество, а также и Бог. Концентрация жизни в мировом «Я» правит человеком нашего времени. Однако то, что центр, в котором в общем все закреплено и к которому все в конце концов и сводится, то, что первоначальная ось, вокруг которой все вертится, не есть мировое «Я», а есть заповеданное нам от рождения в нашей сущности надмировое бытие, которое трансцендирует горизонт «Я», превратилось в предмет веры или со временем вовсе стерлось из памяти. С признанием все изменяющегося опыта сущности тем образом, которым мы участвуем в надмировом бытии, новое время открывается каждому, кто открывает для себя этот опыт, а сегодня и для всего поколения.

Для христианина это может означать, что человек существует не только как обусловленное миром (мирообусловленное) «Я», то есть лишь в «плоти», по и в «духе», что означает — как необусловленная сущность, относящаяся к империи другого мира. Основное содержание каждого опыта — это событие души, в этом бесконечная тайна, духовно произносимое слово в нас, то есть Христос становится очевидным как средоточие сознательной жизни. И тогда это уже является не предметом веры, а плодом (результатом) все изменяющегося опыта, в котором надмировое бытие возвышается над преисполненными страданиями порядком существования. С этой перемены и начинается новое время. Человек, в котором еще не произошла перемена, как только он сумел преодолеть свою примитивную натуру, рассматривает себя как самостоятельный субъект, представляющий себе «объективным» в своем познании и автономным в своих действиях. Он обращает пережитое в факты. То, что он воспринимает, становится для него объектом, предметом мышления, целью его желаний, данных для его пользования и заданных (предоставленных) ему для самовольного оформления. Все для него становится предметом или противником, и кто-то другой, и Ты, и Бог. Все воспринимается как хорошее или плохое, в зависимости от того, может ли человек с точки зрения собственного представления решать, что реально,— хорошее или плохое.

Если же однажды человек пробивается к своей сущности, преодолевает границы своего «Я» и рождается заново от сути, заблуждение в том, что он господин, которому все подчинено, исчезает. Если он становится тем, чем является с точки зрения сущности, то он чувствует себя подчиненным другому, более Великому, который сохраняет его на пути через все беды и обусловленность мира, направляет его и призывает и делает его по-новому свободным и могущественным по отношению к миру. По сути дела он всегда был и остается им, является им в своей сущности, в своем божественном происхождении, от которого ему никогда не избавиться, и остается также в затаенном своего мирового «Я». Вопрос лишь в том, когда он откроет себя в нем, поскольку с точки зрения сущности сознания он «является» тем, кто он есть, лишь таким образом и в тот момент, когда он становится обращенным внутрь самого себя. В процессе обращения внутрь сущности человек познает себя как гражданин двух миров: этого, ограниченного и обусловленного пространством и временем, и другого, надпространственной и надвременной необусловленной действительности. Обе стороны относятся к целостности человека. Познать же их и допустить, выстрадать их противоречивость, в конце концов осуществить их интеграцию и именно через это стать полным (завершенным) индивидуумом, в этом и заключается предназначение и смысл внутреннего пути.

МЕЖДУ СУЩНОСТЬЮ И МИРОМ

Природный человек создает для себя в своем определенном и ограниченном пространством и временем

бытию условия, которые обеспечивают его существование в мире, но в то же время подвергают опасности проявление сущности. Навыки и силы, которые нужны человеку, чтобы счастливо существовать в мире, другие по сравнению с теми, в которых он нуждался для восприятия своей сущности. Развитие мировых сил препятствует сотворению и совершенству его жизни из сущности. Привязанность к миру угрожает единству человека с самим собой. Так происходит осуществление нашего образа бытия при обстоятельствах, чья сила порождает вечное напряжение между жизненным телом, обусловленным извне судьбой, и формой сущности, которая ему присуща и задана для необусловленного и чистого проявления. Тело судьбы — есть продукт мира. Сущность относится не к этому миру. Так, жизнь — это вечно продолжающееся столкновение между заданной нам от рождения надмировой формой сущности и нашим теперешним, сформировавшимся в условиях мира телом судьбы, в которое прежде всего из сущности проникает то, что допускает мир. Тесное сосуществование тела судьбы и формы сущности является темой человеческой зрелости с самого детства.

С утра до вечера мир призывает нас наружу. Сущность, продолжая, зовет нас изнутри и вовнутрь. Мир требует от нас знание и умение; сущность — чтобы мы все время забывали с достижением зрелости то, что узнали и смогли. Мир требует от нас, чтобы мы все время что-либо делали. Сущность требует от нас, чтобы мы лишь допускали, чем мы сами являемся. Мир понуждает нас непрестанно к результату и держит нас в напряжении, чтобы мы достигли чего-то постоянного, завоевали положение и удерживали его. Сущность требует от нас, чтобы мы, обращенные к ней, нигде не задерживались, чтобы мы не сделали ошибки, определившись и остановившись. Мир побуждает нас к говорению и беспрестанному действию. Сущность требует, чтобы мы молчали и сами делали бы дело, не делая. Мир вынуждает нас думать о гарантиях. Сущность приободряет нас в том, чтобы мы все время решались на что-то новое. Мир покоряется нам, когда мы его фиксируем и постигаем. Сущность открывается нам, если мы ее не определяем и содержим в себе непостижимое. В мире мы ищем защищенности. Подъемная сила сущности хорошо проявляет себя, если мы можем расстаться с тем, что нас сохраняет и удерживает. Только в том случае, если мы все время оставляем то, что нас делает в мире богатыми, сущность будет вновь и вновь нас одаривать. В мире мы ищем застрахованное бытие и огражденность от боли. Созревание из сущности проходит через опасность и боль, вырастает из страдания и приносит свои плоды только при умирании (VI).

У человека два предназначения: придать миру изображение в труде и достичь зрелости на внутреннем пути. Мир требует от человека, чтобы он добился в нем признания и нашел свое место, чтобы он проявил себя в мире надежным и способным к сотворению, находясь на службе у общества и вечных ценностей. Настоящее в нашей сущности бытие требует в случае необходимости воспрепятствовать каждому требованию со стороны мира и занимать позицию, противоположную обществу. В конце развития, обусловленного лишь зовом сущности, стоит человек, который не только освобожден от мировой зависимости, но и от давления всех мировых обязанностей. Освобожденный от всего мира, вошедший в бытие, он прекратил быть человеком среди нас. Что-то от стремления туда остается в каждом человеке. Это восточная тоска. Западная воля к жизни противопоставлена этому. Она проявляет себя в мире, но может также и потеряться в нем. Христианская жизнь охватывает и связывает восточную и западную точки зрения, так как она хочет, чтобы человек воспринял свое небесное происхождение, но выражал бы его среди мира своего земного происхождения. Внутренний мир тогда не выведет из мира наружу и вообще не является враждебно настроенным по отношению к Внешнему, так как он подразумевает Внутреннее всего, также и Внутреннее мира и всех вещей. Опыт единения с бытием в сущности есть противоречие с Бытием в Мире до тех пор, пока Внутреннее не становится видимым также во Внешнем. Закрепленность в сущности не находится в противоречии с требованиями мира, а как раз является предпосылкой для удовлетворения им правильным, то есть свойственным сущности способом. Только из контакта с сущностью в нас сам мир может быть воспринят в своей сущности. «Не мог бы глаз воспринимать свет солнца, он никогда бы не смог его увидеть». Но око солнца заповедано нам от рождения, это — око неба. Мы должны учиться, чтобы его раскрыть. Око неба видит насквозь мир, отражающийся в нем на небо в оке земли. Но око земли проектирует его из мира, и делает из бесконечности, присущей ему, далекий для него небесный купол.

ПРООБРАЗ И ПУТЬ ВОВНУТРЬ

Никогда человек не хочет только жить, чтобы пережить. Он хочет жить как некто определенный в определенном образе самого себя и своего мира соответственно своей сущности и осуществить себя до конца. И знает он это или нет, в сущности он всегда хочет стать таким, чтобы быть в состоянии выразить присутствующее в его сущности надмировое бытие, и это несмотря на всю обусловленность своего мирового существования. Где в нашем воспитании и ведении человека ведется об этом речь?

Из заповеданной ему от рождения сущности человек узнает никогда не ослабевающее давление, обязательство, поселившееся в его совести, и вечное стремление к преобразованию своей сути в совершенно определенном образе, в котором присутствующее в его сущности бытие может неизменно появляться. Но это было бы возможным только, если бы в полном резонансе находилось то, чем человек является в силу своего божественного происхождения, т. е., исходя из сути, и чем он хочет быть в мире, и то, чем он становится как существо сознательное под влиянием условий мира и должен оставаться им в любом случае и только им может быть.

То, что находит свое проявление во всем изменении и становлении как давление, долженствование и стремление к определенному образу в качестве индивидуального и постоянного фактора, как бессомненная реальность, и есть присущий нам в сущности прообраз. Прообраз — это наша сущность, понимаемая как безошибочно ведущая нас к определенному жизненному образу, обязующая и определяющая основное стремление, формула становления, однако одновременно понимаемая и как заповеданный от рождения человеку путь. Сущность — это в большей степени путь вовнутрь (Inweg), чем прообраз. Это тот путь, на котором каждый в определенном порядке может реализовывать свою жизнь в ее истинном виде. Сущность человека есть заложенный в нем от рождения путь, его истина и его жизнь, это как предвестие и предназначение; осуществление его есть смысл человеческого существования (X, 1).

ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ

Мыслящие люди нашего времени стали более сдержанными, произнося слово «Бог». Не потому, что они больше ничего не знают или не хотят знать о Боге, а именно в том случае, когда они вновь начинают предчувствовать что-то о Боге. Именно тогда каждое слово, как бы улавливающее тайну, делающее ее «чем-то» или «кем-то», представляется им слишком незначительным, несоответствующим, даже абсурдным. И таким образом в игру вступают другие, нейтральные слова, например «трансценденция».

Что мы подразумеваем, говоря здесь о трансценденции? Мы подразумеваем то, что непостижимым образом перешагивает за горизонт нашего естественного знания и чувствования, нечто непонятное, пронизывающую всю нашу жизнь сущность всех сущностей, сверхъестественное, находящееся вне противоречий, бытие. Мы имеем в виду жизнь, Великую жизнь, которая с другой стороны есть жизнь и смерть. Мы имеем в виду все воодушевляющую сущность, в которой мы индивидуальным образом принимаем участие в нашей собственной сущности, жизнь, из которой мы вышли, в которой существуем, • в которой и только из которой мы можем стать действительно собой, жизнь, которая снова забирает нас назад и заново рождает и которая хочет быть нашим жизненным источником, смысловым центром и истинным происхождением в нас и посредством нас в качестве реальной персоны и стать очевидной в нашей жизни, т. е. в нашем познании, изображении и любви в мире.

Мы говорим об этом трансцендентном не на основе переданной веры, а на основе опыта, в котором нас затрагивает безо всяких сомнений совершенно другое измерение. Это опыт, в котором бытие касается человека, имеет с ним связь, освобождает и обязывает человека в своей сверхъестественной полноте, закономерности и единстве. Это бытие мы узнаем со стороны «Я» как «Ты». Возможно, в рациональном сознании, в котором человек вычленяет себя самого из пережитого как испытывающего силы, его уже больше ничто не трогает. В непосредственном переживании, однако же, все, что мы переживаем со стороны «Я», предстает перед нами в виде «Ты», также и трансцендентное. Если мы сливаемся как переживаемое «Я» с пережитым, все теряет свой характер с точки зрения «Ты». Так это становится в рациональном восприятии «Чем-то» — в единении мистического переживания это становится ничем. Но потом властью пережитого звучит голос Великого «Ты».

Если мы в непосредственном переживании познаем трансценденцию как «Ты», почему же тогда просто не говорим о Боге? Так как для воистину постигающего и ищущего нашего времени обновление религиозной жизни бывает затруднено, а часто даже подвергается опасности, если подаренный нам сегодня первоначальный опыт божественного тотчас заключается в слове, которое вызывает в сознании теологические понятия или религиозные формулы, опустошение которых привело к кризису веры в наше время. Поэтому мы говорим обоюдно о другом измерении, о сверхъестественной жизни, о божественном бытии, о надпространственном и надвременном реальном, абсолютном, о Великой жизни, или пишем слово жизнь большими буквами, но имеем этим в виду всегда одну лишь бесконечную тайну, которая содержится в нашей сущности, отдавать себе отчет в коей и чьими служителями и свидетелями быть и есть предназначение человека (XI).

Это судьба человека, что, приходя к сознанию самого себя, он лишается защищенности в бытии. Но это шанс, страдая от разлуки, заново открыть то, чем он, по сути дела, является, а именно дитя бытия с более высоким уровнем сознания. Взрослея, человек теряет из памяти свою первоначальную родину. Достигнув зрелости, он вновь обретает ее на более высоком уровне. Он обретает ее вновь, настолько волнуясь от тайны своей сущности, что он ее воспринимает, и потом ему заново раскрывается его небесное происхождение неким освобождающим, обязывающим образом, образом, который может осчастливить по-родному. В этом восприятии сегодня и состоит дело. Однако для этого человеку необходимо новое сознание. Необходимость этого нового сознания сегодня ощущается все острее. Именно в атмосфере, становящейся все более деловой и официальной, события, значительные с личностной точки зрения, приобретают большое значение. Они должны были по достоинству привлечь внимание. Однако мы отдаем себе отчет в том, с какой молниеносной быстротой также и лично искреннее переживание переносится на уровень по-деловому регистрирующего и упорядочивающего сознания и вследствие этого лишается своей плодотворности. Таким образом «непредметное» сознание остается неразвитым и запрещается человеку его наиглавнейший инструмент для продвижения по внутреннему пути. Найти этот инструмент — соответствующее сущности сознание — является задачей человека в начале его внутреннего пути.

ЗНАНИЕ ВДВОЙНЕ (ZWEIERLEI WISSEN)

Существуют знания, обусловленные временем, и вневременные знания. Знания, служащие овладению миром, постоянно совершенствуются. Одно познание опережает другое. Открытое вчера, сегодня уже устарело. Но знания (учение) Лао-цзы есть такая мудрость, которая сегодня имеет такую же силу, как и во времена его жизни. Таким образом, существуют знания о мире (мирское знание, познание), которые совершенствуются в ходе прогресса и признания о бытии (сути, сущности) и пути его развития, являющиеся вечными.

Вечная мудрость человечества касается сущности человека, его внутреннего становления и его отношения к потусторонней жизни. Тут есть нечто живое и передаваемое (завещаемое) по наследству (потомству), что не зависит от времени и пространства.

Это нечто, что всегда и скрывается, и обнаруживается под покровом явлений, противоречий (противоположностей) и ступеней развития, и, что как единое целое, как ЖИЗНЬ вне времени и пространства, сверкает (просвечивает) через оболочку. Эта вечная сущность всех вещей, это вечное мерило и тайна, явственно проступающая, однако сквозь все явления для того, кто обладает третьим глазом (сущим оком), содержится в празнании и праистине, которая является у человека врожденной и приобретает бессознательно (инстинктивно), и к которой он может пробудиться, обретя особое переживание. От взора разума, даже самого острого, это сокрыто, так как он всегда смотрит в неправильное (обратное, перевернутое) направление.

Существует также обновляющееся с опытом празнание об условиях, при которых бытие сокрыто в человеке, а также об условиях, при которых оно снова в нем проявляется, становится осознанным и через человека может воплотиться в реальный образ в мире. Это знание мы встречаем в просвещенном знании мудрецов и Учителей, в основе мифов о сотворении мира у всех народов, в направляющей мудрости основателей всех великих религий и их авторитетных очевидцев.

В наше время это знание всплывает из нужды (потребности, крайности) человека, который забыл о своем божественном (небесном) начале, почти погибает из-за этого и снова открывает его (происхождение) в переживании сущности, т. е. в «трансцендентности как переживании».

Знание, имеющее временную значимость и пребывающее в развитии, соотносено с миром. Оно основывается на природном (естественном) опыте, пронизывается предметным (овеществленным, реальным) восприятием (осознанием) и выливается в естественные науки и технику, в которых человек предметно познает мир и овладевает им в соответствии со своей волей.

Празнание же, которое переживает века, и которое приходится открывать снова и снова, относится к сущности человека, к его нужде, его обету (обещанию, предсказанию). Оно основывается на сверхъестественном опыте и выливается в мудрость, где человек познает себя в бытии и преобразуется соответственно своему предназначению.

ВОЛНА, ЛИСТ И ЛОЗА

Чтобы осознать, что является частью целого, что сам является целым в образе части, нужно особое восприятие (осознание). Нужно восприятие, отличное от восприятия, при котором целое, заключенное в каждом, и в котором находится каждый, рассматривается как нечто противоположное (противопоставленное), от которого себя самого отличает, как нечто отделенное от него.

Три примера.

Если сказать волне: «Ты ведь море», то она ответит: «Это ты так считаешь». «А где же,— спрашивают волну,— начинается для тебя море?» «Сразу там, где заканчивается моя пена. Я — здесь, а море — там!»

А если затем спросить ее: «А ты сама, ты сама разве не являешься волной моря, разве ты сама не море в образе (виде) волны, разве море не является в виде волны»,— то волна, может быть, сможет «постичь» это головой, однако чтобы почувствовать (ощутить), что означает вся истина этих слов, нужно иметь восприятие (осознание), что море не находится больше только «там», что оно больше не существует реально (овеществленно) и антагонистично, как некий визави, а сохранено в непредметном восприятии. Лишь тогда волна осознает свое неовеществленное морское существование (бытие).

Лишь в этом осознании ей станет ясно, что искажено в предметном осознании (восприятии).

То же самое с листом и деревом.

Если лист имеет о своем существовании листа лишь такое представление, что он видит себя оторванным от дерева, тогда, конечно, он должен бояться наступления осени, которая засушит его, сорвет с дерева, бросит на землю, где в конце концов он превратится в пыль. Но если бы лист понял, что он сам есть дерево в образе листа и что ежегодная жизнь и смерть листа есть жизнь и смерть дерева, то у него было бы другое восприятие (осознание) жизни. Но чтобы это понять действительно изнутри, опять-таки нужно упорядоченное восприятие, которое позволяет воспринимать самого себя в своей сути (сущности) и раскрываться как виду (образу) чего-то целого, что живет в нем. Когда же лист ощутит себя как дерево в образе листа, только тогда он без испуга и протеста вместе с другими листьями пройдет путь становления и ухода в небытие, а само дерево продолжит жизнь в вечном «умри и воскресни» (в вечной смене жизни и смерти).

То же относится к винограду и лозе. «Да,— говорит виноград,— я расту на лозе». «Я — виноград, а там, где кончается мой черенок, начинается лоза». Он говорит так, когда он воспринимает действительность, как непроснувшийся человек, только по схеме: «Я есть я» и «это есть это». Но однажды виноград могло бы осенить

изнутри, что лоза есть и в нем, а он в ней, что она часть его, что он сам есть лоза в особом образе винограда и что его собственная сущность, источник его жизни, его корни и его дом есть лоза, т. е. то целое, частью которого он является. И лишь только тогда, когда он действительно осознал бы это, у него появилось бы чувство собственного достоинства, соответствующее его сущности. Но для этого как раз нужно другое восприятие. Человек имеет двойственное начало: божественное (небесное) и земное.

Но лишь только тогда, когда он, подобно волне, осознавшей себя частью моря, подобно листу, осознавшему себя частью дерева, и подобно винограду, осознавшему себя частью лозы, осознает трансцендентно присущие ему, как целое, жизнь, смысл и родину, он будет знать о своем божественном (небесном) происхождении (начале), как опыте, предназначении, обещании и поручении, а не просто верить в это.

II

ЧЕЛОВЕК НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ПОД СЕНЬЮ ТЯГИ К УСПЕХУ

— Господин профессор, помогите мне, пожалуйста. Меня точит какой-то червь изнутри. Я не знаю, что случилось. Я абсолютно здоров, много занимаюсь спортом, денег у меня куры не клюют, на работе и дома все в полном порядке. Но меня мучает страх — я не понимаю перед чем, меня одолевает чувство вины — я не знаю, за что; и я страдаю от одиночества, хотя я и не один. Отчего это, что случилось?

Я спрашиваю его: «Есть ли у Вас какой-либо жизненный девиз, под знаком которого Вы все рассматриваете?»

Он отвечает: «О, да. Это три слова. Этот девиз развешан у меня повсюду в бюро: Успех — это все!»

Я переспрашиваю: «Итак, успех — это все?» Он снова повторяет это с гордостью, смешанной с упрямством (упорством), но теперь уже и с некоей долей неуверенности. Я продолжаю спрашивать: «Вы никогда ничего не слышали о внутреннем (духовном) пути, который предназначен человеку не менее, чем какое-то явное (очевидное, видимое) дело? Вы никогда еще не слышали о необходимости и благодати духовного совершенствования, о духовной (внутренней) зрелости, без которой нет внутреннего покоя (мира)?»

При этих словах лицо моего пациента омрачилось, он сделал рукой движение, как бы защищаясь и, в то же время, выражая отрицательное отношение к моим словам, и произнес: «Вы имеете в виду в конечном счете религию или еще нечто духовное? Мой дорогой, но у подобных мне на это нет времени, с этим не создать машин и не добиться успеха в жизни».

Это типичный ответ, вскрывающий всю катастрофичность положения (ситуации). Такие люди, зачастую дельные, умелые, образованные, порядочные, честные, доброжелательные, одержимы такой манией успеха, т. е. манией, определяющей возможность жить только под знаком успешных достижений (карьеры), что они серьезно думают, что должны совершенно избавиться от своей внутренней жизни (сущности).

Результатом является чудище успеха, погоняемое только требованиями света (мира), которое из-за односторонности своего образования являет собой карикатуру того, чем, собственно говоря, должен быть и чем все больше должен становиться человек: единством тела, духа и души. Если можно было бы нарисовать такого человека, то его следовало бы изобразить с огромной головой, раздутой грудью, стальными конечностями (суставами), движущимися совершенно механически, которые работают несогласованно и как будто управляются чьей-то сильной волей. А в середине, где должен быть направляющий, регулирующий и одухотворяющий центр, там было бы совсем немного, да собственно говоря, пустота, в которой, заключенное (закованное) в кольчугу, прозябает робкое (трусливое) и легко уязвимое «Я»!

Человек же, отвечающий этому изображению, остался ребенком, несмотря на все то, что он имеет, знает или умеет. Внешне это взрослый человек, но внутренне он незрел, несдержан и полон иллюзий. Он беспомощен против сил судьбы и в конце концов его жизнь терпит крах, потому что он совершил насилие над собой (преступление по отношению к себе). Из-за недостатка воздуха для его заброшенной сущности возникают тогда те чувства непостижимого страха, вины и пустоты, которые испытывают сегодня многие из тех, кто, казалось бы, судя по внешним признакам, достиг вершины своего расцвета. Другие, кто не видит его души (внутренней жизни), могут завидовать его фасаду. Но за ним живет несчастный человек, душевные страдания которого и недостаток внутреннего покоя (тишины) не меньше, чем несчастье, исходящее от него, являются платой за то, что он остался незрелым, потому что он не воспринял самого себя в своей сущности. Он ничего не знает о своем божественном (небесном) происхождении (начале) и связанными с ним предназначением и смыслом. Все разговоры об этом для него пустой звук. Действительностью является лишь то, что имеет значение в мире (свете).

Средством для этого служит успех (достижение, свершение)!

А разве успех не нужен?

ХВАЛА УСПЕХУ

Только в свершении (успехе) человек учится выполнять требования жизни, требования «мира», природы и общества.

Только что-то совершая (добиваясь успеха), человек может устоять в жизни и жить осмысленной жизнью. Только на основании своих свершений (успехов) он может справляться с трудностями жизни, ставить себе на службу силы природы. Только благодаря своим свершениям (достижениям) человек формируется и доказывает свою пригодность в качестве полезного и бескорыстного члена общества! Каждое свершение (каждый успех), важное для мира (света), свершение, которым человек служит делу или обществу, вынуждает его пренебрегать своим эгоистичным (себялюбивым, корыстным) «Я» и ориентировать свое поведение (образ жизни) согласно объективным требованиям и масштабам. Только так человек становится личностью, т. е. надежным носителем и хозяином доверенных ему миром ценностей.

При всей критике голого успеха, речь никогда не должна идти о том, чтобы подвергнуть сомнению принцип успеха как таковой или умалить его значение для воспитания закалки и формирования человека.

Но условием того, что принцип успеха останется благодатным и врачующим, является то, что он не должен стать единственным жизненным принципом, не должен стать абсолютом, а должен укладываться в совокупность человеческой жизни. Если он становится центром совокупности (целого), то он оказывает ужасное действие, и человек заболевает. Но в этом виноват не принцип, а человек, одержимый лишь мыслями об успехе и забывающий о своем духовном становлении и своей духовной зрелости. Не принцип успеха портит человека, а человек — принцип.

Достижение (свершение, успех) в миру может служить потустороннему следующими тремя способами:

1. Создавая нечто, что будучи делом (поступком), произведением (творением, изображением, образом) или организацией излучает нечто потустороннее.

2. Создавая или распознавая условия, при которых человек может развиваться и жить в соответствии со своей сущностью.

3. Тем, что его исполнение стоит не под знаком того, что при этом получается (выходит) в мире, а под знаком того, что при этом «выходит» для свершающего.

Внешняя мера любого успеха (достижения, свершения) есть результат, т. е. то, что при этом «выходит» (получается).

Внутренней мерой должно быть то, что получает человек для себя в процессе подготовки и осуществления свершений, т. е. для своего внутреннего (духовного) роста.

ОТСУТСТВИЕ ТИШИНЫ

Человеку в наши дни недостает тишины, тишины внешней, но еще в большей степени тишины внутренней, т. е. того состояния духа, которое делает его способным познавать, сохранять и излучать (распространять) тишину (покой) и во внешнем шуме и натиске жизни. Существует особая тишина как состояние, которая не имеет ничего общего с «шумом или не шумом», даже больше того, для нее внешний шум может быть задним планом (фоном), на котором выделяется то внутреннее, что не может быть нарушено никаким шумом. Это истинная тишина (подлинный покой). Она есть состояние духа, состояние души, при котором (от которого) шум мира превращается в («шумовые эффекты») «шумовую кулису», перед которой внутренняя тишина полностью создается и осознается.

Существует тишина (покой) жизни и тишина (покой) смерти. Тишина смерти там, где нет больше никаких движений. Тишина жизни там, где ничто не сдерживает (останавливает) движения превращения.

Эта тишина (покой) есть плод внутреннего (духовного) пути.

Редкими стали люди, от которых исходит тишина (покой), потому что у них внутри тишина. На место тишины, приходящей из упрочения (прочности) в сущности (в сути) пришел наигранный «покой», внешнее «приостанавливание себя». Внешний покой, являющийся результатом самодисциплины, есть, однако, нечто совсем другое, чем тишина, свидетельствующая о внутреннем состоянии духа, которому для того, чтобы существовать (быть), не нужно никакого усилия воли. Он является также чем-то совсем иным, чем «непоколебимое спокойствие» флегматика, под которым не бьется больше жизнь. Конечно, есть «толстокожие люди» и есть люди, у которых все находится в гармонии с природой, которая как по волшебству устраняет все разногласия. Первых недостаточная сентиментальность и привлекательность избавляют от излишнего (ненужного) волнения. У вторых беспокоящее (мешающее, лишнее) впечатление, которое волнует других, как и внутренний импульс растворяются в сочувствии (удовлетворении) еще прежде, чем они достигнут окружающих.

Силу, глубину и сияние имеет только та тишина (тот покой), в которой проявляется присутствие сути (сущности), которая в бытии существует по ту сторону противоречий. Подлинная тишина — это сила, происходящая из нашего божественного происхождения.

Там, где она исходит от человека, она оказывает уничтожающее (растворяющее) и одновременно регулирующее (упорядочивающее) воздействие. Она возвращает тех, кто окружает этого человека, без лишних слов к самим себе.

Под знаком сути (сущности), который выражается в ней, успокаиваются волны волнения (возбуждения).

Зло (плохое) рассеивается, вопросы разрешаются как бы сами по себе. В подлинной тишине можно услышать голос жизни.

В человеке живет тайное знание того, что подлинная тишина, по которой тоскует душа, есть нечто большее, чем просто благотворное отсутствие шума, большее, чем простое равновесие между покоем и беспокойством и (высокими) запросами тела, также нечто большее, чем простая предпосылка для всего живущего в духе или условие душевного здоровья. Это есть знание того, что подлинная тишина, в принципе, есть нечто большее, чем предпосылки и условия успешной жизни, что она (тишина) скорее равнозначна познанию (опыту) самой свершившейся жизни. И в наше время предшествующий (древний) опыт человека не утрачен полностью, и человек всегда, когда он поистине счастлив, затихает (замолкает), и наоборот, там и тогда, когда может по-настоящему затихнуть, на него нисходит подлинное счастье.

Люди различны в своей восприимчивости к тишине и в своей готовности принести ей жертву. Они различны в этом из-за различий по возрасту, по степени зрелости, по характеру. Перенесший жизненные испытания человек ближе ей, чем тот, кто не прошел еще школу страданий. Обращенный ко всему внешнему дальше от нее, чем тот, кому дарован внутренний (духовный) путь. Крестьянин знает о тишине больше, чем поглощенный городской жизнью человек, но тот, кому жизнь отказала в естественной (природной) тишине, зачастую в своей тоске по тишине и по более глубокому ее пониманию (восприятию) намного ближе к ней, этой тишине, чем тот, кто, будучи единым с природой, наслаждается ей как чем-то самим собой разумеющимся.

Повсюду в мире крестьянин проверяет чужака, который впервые переступает порог его дома, с помощью «теста на тишину». Не по его первым (вступительным) словам измеряет он его человеческую ценность (значение). Шумные жесты и каждый пристальный взгляд вызывают у него подозрения. Отвернувшись в сторону, он вслушивается в молчание, исходящее из атмосферы, которая окружает незнакомца. Это есть говорящая аура субстанции, которая окутывает человека, к которой он обращается с вопросами, тихие колебания, которые исходят от человека, по ту сторону его дела и слова.

Искусство всех мастеров (учителей) заключается в том, чтобы (проверять) испытывать других не тем, что он умеет или высказывает, а испытывать мерой и качеством тишины, исходящей от данного человека, проверять его на равновесие и внутренний порядок (духовный), на степень и стадию душевного развития.

Как однажды сказал мне Сатоми Такахаси (Satomi Takahaschi), философ из Сэндая: «Зрелость? Что это... — помолчал и, спокойно улыбаясь, ответил: — Широкая тишина».

Великий искатель Сёрен Кьеркегор (Soren Kierkegaard) считает: «Когда его молитва становилась все более благоговейной, у него становилось все меньше и меньше слов. В конце концов он совсем умолк. Он умолк и стал слушателем, что является, возможно, еще большим контрастом к говорящему. Сначала он думал, что молиться значит говорить, но затем он понял, что молиться значит не просто молчать, но слушать. И так оно и есть: молиться — не значит слушать свою речь (не слушать, как ты сам говоришь). Молиться — это значит умолкнуть (притихнуть), молчать и с нетерпением ждать, пока молящийся не услышит Бога (глас Божий)» (I).

БЕДА ВРЕМЕНИ

Лишения (беды), которые претерпевает сегодня человек, будучи «наследником нового времени» («современности»), основаны прежде всего на том, что осью жизни, вокруг которой все вращается, не является больше божественное существование (бытие), присутствующее в сути и сознании человека, а сам человек, ограниченный миром своего «Я».

Смыслозадающим центром не является более то целое, что вторгается в жизнь и царит в ней, не является более Бог, а является человек, считающий себя в силу мощи своего разума самостоятельным (независимым) и самоценным в силу своей способности к служению, требующему самоотречения (отречения от собственного «Я»).

Это, однако, означает секуляризацию всей жизни, обмирщение чувства бытия из-за потери прочной связи с трансцендентальным.

В той мере, в какой жизнь человека ограничивается до разумно узнаваемой и организуемой структуры, от бесперебойной работы которой зависит все благополучие, человек становится деятелем (функционером) независимо от того, служит ли он «высшим ценностям» или «обществу». Он становится носителем разумно (рационально) понятной, измеряемой и количественно оцениваемой деятельности и достижений (успехов).

Это обезличивание жизни означает нечто большее и нечто другое, чем необходимое в каждом обществе исключение только индивидуального и личного «Я», нечто большее, чем просто требование обезличенного успеха (достижений), имеющее место в каждом организованном обществе. «Глубинная личность», не воспринимаемая разумом, не принимается больше всерьез и исключается как определяющий фактор. Она превращается в ничто; так как реальностью в нашем человеческом мире может стать только то, что мы принимаем всерьез. Исключение личности означает, что не принимается во внимание тайна личности и что отрицается трансцендентная глубина, суть (сущность).

Так жизненно важная целостность человека лишается своей сердцевины (ядра) и своего центра, так как в своей сердцевине человек есть нечто, что выходит за его рамки.

Особой чертой (тенденцией) заблуждения относительно человеческой целостности является преувеличение (чрезмерное акцентирование) мужской, активной, фиксирующей, констатирующей, различающей,

упорядочивающей и очерчивающей (ограничивающей) деятельности человеческого ума (духа), по сравнению с которой проигрывают растворяющие, принимающие, связующие, укрывающие и преобразующие женские силы.

С этим связано чрезвычайное сужение перспективы: преломляясь через призму мужского (осознания) восприятия, предметно фиксированного и направленного на владение, на обеспечение (сохранение) и успех, логос (божественный разум) низводится до рации, космические силы до психофизических «осязаемых» влечений, любовь до некоего подобия плена, и все, абсолютно все, даже человек, становится «объектом», которым можно манипулировать.

Но решающим является приобретенное тем самым отрицание трансцендентной глубины нашего личного бытия и препятствие для его проявления (выражения) в мире (свете). Предметно (реально, овеществленно) неуловимое существо (суть, сущность), тот образ, в котором в нас присутствует потустороннее бытие, выходя из которого мы только подлинно и существуем, и" к провозглашению которого мы, каждый по-своему, и предназначены, от осознания (понимания) которого зависит вся наша зрелость, это существо в каждом из нас принесено сегодня в жертву миру «Я». Там, где над восприятием действительности царит рация, там все, что не входит в его рамки или выходит за них, также и вся «трансцендентальность» неудобны или ирреальны, и отнесены в царство недействительного (нереального) и в область голой веры, фантазии или метафизических умозрительных рассуждений.

Когда человек думает, что он действительно может познать что-либо или воздействовать на что-либо только своим природным даром без связи (контакта) со своей сутью (сущностью), то эта его мысль либо цепенеет, либо рассыпается, так как ему не хватает дыхания созидательно-искупляющей сверхъестественной жизни, оплодотворяющей всю реальность (действительность) мира.

Созревание человека, благо его труда (дела), его подлинная свобода и совершеннолетие зависят от того, что он ответственно осознает (воспринимает) свою суть (сущность), т. е. допускает индивидуальное провозглашение потусторонней жизни, присутствующей в его мирском теле, и не рвет связующую их золотую нить и в своей мирской жизни.

Ситуация, когда человек думает, что может самовольно перепрыгнуть через свою суть, и, когда восприятие действительности, в котором нет места трансцендентности, становится для него истиной в последней инстанции, такая ситуация означает верх человеческой незрелости, несвободы и несовершеннолетия. Неизбежно он все больше погружается в страдания, которые вытесняют его суть (X).

СТАНОВЛЕНИЕ «Я» И СУЩНОСТЬ

Проблема становления «Я» — это основная тема человеческого бытия. От приобретения верного «Я» зависит верное (правильное) отношение человека к миру, к самому себе и к трансцендентности. Но как вся психология, в конечном счете, ведет к действенным результатам только в том случае, когда она опирается на метапсихологическую основу (точку зрения), также существует перспектива правильно увидеть проблему приобретения верного мира «Я» и проблемы его ошибки только в том случае, когда ко всей проблеме подходят под знаком потусторонней, т. е. трансцендентальной, натурализации и назначения человека.

В начале и в конце, в происхождении (истоках, корнях), на протяжении всей жизни присутствует трансцендентальное «Я есть» («Я есмь»).

За всем, во всем и надо всем существующим человек предугадывает (предчувствует) великое «Я есть» всей жизни, как «тишину божественного бытия», из которого появляется вся жизнь и куда она снова уходит: создание (творение) — избавление (искупление, спасение) — создание без конца. Понятое таким образом великое «Я есть» подразумевает нечто всеобъемлющее и всеисчерпывающее, чье «слово» свойственно всему сущему и придает ему реальную форму, а человеку одновременно и реальное восприятие, и в силу этого восприятия и этой формы стремится проявиться в мире в человеческом образе.

Каждому существу предопределено прожить «Я есть» божественной основы преимущественно своим способом (образом) так же, как и человеку предназначено прожить в образе, обусловленном своеобразием этого человека. Тематика человеческой жизни характеризуется формами и стадиями становления его восприятия (его сознания, осознания).

В них великое «Я есть» пытается различным образом сказать «Я есть», заявляет о себе, таясь сначала, чтобы затем однажды выйти в страдании человека, как всепреобразующий (преображающий) свет. В пророческом (полном предчувствия) «Я есть», имеющем всеискупляющую и всепреобразующую глубину, заключается и великая медитация как упражнение (навык) в превращении.

Человек, приходящий к своему природному (естественному) самосознанию (чувству собственного достоинства), говорит не «Я есть», а «Я есть я!». «Я» в формуле «Я есть я» является центром природного (естественного) человеческого восприятия, само собой разумеющимся условием и составляющей целостности полновесной человеческой жизни. Оно является базой мирообусловленного самосознания и центром миросоогнесенного самосознания и центром овеществленного (предметного) видения мира человеком. Пока это «Я» отсутствует, человек связан с космическим порядком (правилами), сокрыт в нем, но одновременно и подвержен воздействию власти (сил) жизни и не является еще субъектом. Как в раннем детстве не может быть и речи о собственном восприятии «Я», об осознании «мира», так этого не может быть и там, где примитивный

человек живет в тесном единстве (целостности) со своим сообществом и природой. Тесно связанный с окружающей средой, он выживает, только являясь частью целого, защищающего его и предъявляющего к нему определенные требования.

«Я есть я» характеризует восприятие установленной идентичности (тождественности).

1. «Я есть я и я хочу им остаться», т. е. устойчивость «Я» во всех превращениях.

2. «Я есть я», свой собственный, мне предопределена собственная форма, т. е. особенность моего бытия в отличие от других.

3. «Я есть я и сохраняю (охраняю, защищаю) себя от другого („Ты“)", т. е. соблюдаемая (сохраняемая) уступчивость и противоположность «Я»-бытия относительно другого (V).

В процессе становления восприятия человеком этого «Я», т. е. пока он определяется этим восприятием, человек выходит из первоначального и слишком противоречивого единства жизни. Из своего «Я есть я» человек, который всегда чувствует себя единым целым со своим телом (нутром), познает жизнь в противоречии, в противоречиях между «Я» и миром, между здесь и там, между раньше и потом, между наверху и внизу, между небом и землей, духом (умом) и природой и т. д.

Пока человек полностью идентифицирует себя с этим «Я», он будет все воспринимать только в категориях этого «Я» и все будет принимать всерьез. Все, что не укладывается в систему времени и пространства, тождественности и причинности, не может восприниматься серьезно.

Если это «Я» уничтожается и исчезает, то что же вообще здесь еще остается? «Здесь не остается больше ничего»,— говорит «западный человек», идентифицированный (отождествленный) с этим «Я». Мудрость же Востока гласит, что лишь только тогда и появляется (расцветает) действительность, которая не принадлежит этому миру (не от этого мира). Но от имени «Я» единственно подлинной действительностью объявляется только та Действительность, которая перешагивает все границы этой действительности, т. е. трансцендирует, находится по ту сторону пяти великих вопросов: «Что? Когда? Где? Откуда? и Куда? Откуда мы знаем о ней? Из опыта, в котором носителем восприятия не является фиксирующее «Я», а является форма восприятия, которая верно (страстью) чувствует, сохраняет (защищает) и делает плодородным (плодотворным)! Это и есть восприятие, в котором суть (сущность) входит в понимание (осознание). Но чем больше человек укрепляется в мире своего «Я» и на своих позициях, тем больше углубляются противоречия между «Я», сжимающемся в своем желании сохраниться и в порядке восприятия, и сутью, постоянно стремящейся к превращениям.

Своей сутью (сущностью) человек индивидуальным образом участвует в бытии так же, как своей маленькой жизнью, ограниченной рождением и смертью, он участвует в Великой Жизни, не ограниченной пространством и временем. «Суть» — это способ, с помощью которого бесконечное начало человека присутствует в его конечности, обусловленной «Я». «Суть» — это способ, которым бытие в человеке стремится в определенном виде (форме, оболочке) проявиться в мире. Так суть есть принцип образования (создания), есть предопределенный человеку внутренний (духовный) путь к образу, который предназначен ему. Этот образ мира будет всегда образом «Я». Но в своем настоящем (реальном) мире «Я» суть может проявиться только в той мере, в какой человек при всей условности мира, остался для нее (сути) прозрачным (транспарентным) «душой и телом» или снова стал таким. Таким образом, существует удачное «Я» и неудачное «Я». Удачным является «Я» человека только в той мере, насколько оно не мешает (не препятствует) прозрачности для проявления сути в жизненном образе, соответствующем ей, а способствует и в определенной мере гарантирует ее (прозрачность). Однако обычное развитие человека, как осознанного существа, влечет за собой то, что образующееся под влиянием условий мира «Я», будучи подчиненным сознанию, которое все сковывает (связывает), создает статический порядок и, чтобы выжить, расширяет позиции, это «Я» стоит на пути создания (препятствует) образа, соответствующего сути, в никогда не кончающемся преобразовании. Участие в живой полноте, законности и единстве жизни, требующей вечного преобразования, мучительно искажено из-за такого сознания (восприятия), и все же только имея такое сознание, и благодаря ему, человек способен жить, развиваться и сохраниться в (этом) мире.

Порядок восприятия (осознания), имеющий центром «Я», означает прежде всего перспективу жизни, в которой скрывается Большая жизнь. Этот порядок восприятия (осознания) имеет природное начало, он оттесняет поначалу божественное начало на второй план. Это вызывает специфические человеческие страдания. Однако как раз в своей телесной ограниченности эта форма восприятия (осознания) становится причиной того, что рано или поздно в человеке просыпается тоска по изначальному единству жизни. И однажды она создаст фон, который поможет выделить и воспринять как «Совершенно другое» возникающее бытие, которое взрывает границы мира «Я». Без образования мира «Я», подчиненного противоположностям, нет и плодотворного «опыта» сверхпротиворечивой трансцендентности. Осознать ее снова после спада, открыть ее снова как источник жизни, как источник (корень) толкования, как спасающий очаг (как спасающую родину), который не относится к этому миру, а затем сделать его очевидным в центре бытия — есть назначение человека, есть тайный нерв всех человеческих устремлений, всех его поисков счастья, исполнения и мира: что этому противоречит — есть источник беды (лишения, нужды). Один только факт этого желания, этой тоски и поисков уже означает опыт действенной силы, многообещающей и царящей всюду, которая как неоспоримый факт переносится из области голый веры в трансцендентность, в область непроверяемого знания, конечно, только для того человека, который способен без страха перед наказанием разорвать оковы и границы сознания, определенного только предметно,

способен разрушить застывшую картину мира, созданную с его помощью.

Тоска по избавлению от страдания из-за ограниченности сознания (восприятия), укрепленного только в мире «Я», заставит однажды человека вспомнить (задуматься) о своеобразии структуры восприятия (осознания) ограничивающей его «Я»-действительности. Это раздумье есть условие предчувствия пути, который, выходя из скорлупы «Я», и через серьезное восприятие опыта, в котором говорит бытие, ведет к интеграции с бытием, а также есть условие предчувствия пути, ведущего к образованию «Я», которое служит бытию, а не противостоит ему. Потому что в конечном счете это правильное (верное) «Я» является самым важным. Речь идет не о разрушении всякого (каждого) «Я», а об освобождении от неверного «Я» и о создании мира «Я», прозрачного для сути (существа).

Противоречие между «Я», связанным с миром и привязанным к нему (любящим его), и сутью (существом), связанной с бытием, образует противоположность, неизменно присущую человеку, которая живет в диалектическом процессе, где человек постоянно заново должен осознавать свое укоренение и обратную связь в бытии, чтобы снова и снова сохранять себя в мире как «Я», несущее в себе бремя бытия. Соответствующая бытию действенная сила человека в мире зависит как от все нового осознания своей связанности в бытии, так и от решительности соблазну полностью «раскрыться» в мире или в бытии, и от готовности с ответственностью самостоятельно свидетельствовать в мире о бытии. Человек призван продолжать дело Господа (Бога) человеческим образом и в своем человеческом мире, т. е. человеческим способом (образом) заставить потустороннее существование (бытие) принять образ в мире. Это — смысл и его самостоятельности (независимости), и свободы, и плод его страдания из-за его «измены» (отхода от веры), если он ее признает и начнет новую жизнь.

Сила первичного мира «Я», его основное желание (стремление) и его принцип есть фиксация (установление). Человек становится «Я», когда он думает: «Я есть я», — т. е. когда он констатирует свою практичность, свою идентичность с самим собой. Лишь этим самым он завоевывает свою «Позицию», свой «уровень» (положение, «Stand»). На этом «Я»-уровне (Ich-Stand) образуется «мир» как сопротивление (противостояние, Widerstand), а затем от каждого уровня фиксированный «противоуровень» (Gegen-Stand). «Мир» с собственной позиции (точки зрения) означает предметную (общественную) и саму по себе независимую (самостоятельную) структуру установленного (констатируемого). Прежде жизнь присутствует как «окружающая среда» только в комплексной тесной связи с переживающим эту соединенность, а не мир, пришедший на смену ему.

Человеку необходимо найти свое прочное положение в своем «Я» и найти объективно установленный (определенный) мир. Но для него будет губительно (окажется роковым), если он в одиночку попытается в нем обосноваться и навечно «окопаться». Направленность на действительность, практически или теоретически несомненную и существующую независимо от человеческого субъекта — вот лейтмотив человеческой жизни. Во все времена ему противодействует другой, в котором человеческий субъект ищет избавления от своих страданий в мире (IV).

УДИВЛЕНИЕ И СТРАДАНИЕ

Есть два источника, из которых возрастает, развивается и завершается человеческий дух. Один источник — это удивление (изумление), другой — страдание. Конечно, в каждом человеке действуют эти обе движущие силы. Нужно, однако, научиться отличать своенравную (упрямую) действительность одной силы от другой, распознавать опасности их односторонности для того, чтобы затем их можно было правильно понять (рассмотреть) и продуктивно соединить друг с другом.

Удивление задает вопросы: «Что это? Какая здесь взаимосвязь? Откуда это? Что следует из этого?»

Задавая подобные вопросы, человек противопоставляет себя другому человеку, выдвигает противостоящее ему на первый план своих интересов, будь это для познания, освоения, оформления (формы) или завершения. В противоположность этому спрашивающий, следовательно, должен отойти на второй план. Пораженный удивлением отступает перед удивительным, как только оно становится достойным познания. Где, напротив, страдание становится движущей силой духовного движения, там задающим, решающим и направляющим фактором жизни становится сам человек, пораженный страданием. Значение противостоящего другого состоит не в том, что оно представляет само по себе, а в том, как оно способствует (раскрывает) или угрожает, заманивает (соблазняет) или причиняет боль, вызывает сомнение или подтверждает. И в этом значении оно все больше становится поводом для проникновения в независимую от мира глубину собственного внутреннего мира, т. е. проникновения внутрь.

Тот, кого затронуло (коснулось) удивление, соотнесен с действительностью, существующей независимо от него. Охваченный страданием видит во всей действительности только то, что касается его, так как центром движущей действительности является он сам. В удивлении, как и в страдании, непостижимая (загадочная, неисповедимая) жизнь в человеке стремится к осознанию самой себя. Из удивления она получает образ в предметно узнаваемом восприятии «головы», ищущей ясность из страдания — понимающее, правильное восприятие «сердца», ищущего избавления. Из одного вырастает призывание к восприятию и оформлению реальности, которую человек представляет себе независимой, функционирующей или создаваемой, как обще-

принятую (действительную), т. е. объективной реальности, освобожденной от всех шлаков чувствующей субъективности. Из другого вырастает призыв к созреванию субъекта, который свободен от всяческих иллюзий, выдумывающих объективный мир, и чье духовное становление, которое никогда не останавливается, беспрепятственно мирится с бесформенным опасным миром, находящимся в постоянном преобразовании. В одном случае — это биография (жизнь), осененная представлением субъекта, освобожденного, в конце концов, от всей деятельности мира, а в другом — напротив, представление перспективы, очищенной от всякого субъективного переживания, представления реальности, существующей сама по себе, т. е. реальности, понятной с онтологической точки зрения; реальности, которую надо доказать, которой надо верить. Дух при этом направлен на нечто, что существует дольше всего остального, что противостоит бренности (непостоянности), будь это потому, что оно образовано (сделано) из «мрамора», т. е. из вечного (непреходящего) материала, или будь это потому, что является верным как «образ» (структура, творение), или потому, что оно по своему содержанию произведения искусства или познания олицетворяет вневременной (вечный) смысл и претворяет в жизнь вечную ценность. Сам мир, если бы он отвечал своей высшей идее, был бы хорошо отрегулированной, прочной, бесперебойно функционирующей структурой технически освоенных условий и бесперебойно функционирующих организаций и человеческих отношений, что создавало бы законченное целое (законченную целостность). Здесь царит конечный образ мира (Endgestalt), который в своей безоблачной гармонии блещит, в конце концов, в свете вечности, избавленной от какой-либо бренности. Быть соотношенным (связанным) с ним и есть тогда и движущая сила, и признание (Legitimation) всего развития в идеального (состоявшегося) человека. Ибо тогда сбывается (свершается) полнота человеческого бытия в служении такому конечному образу.

Напротив, в модели жизни, исходящей из страдания, противоположность объективной реальности, а именно, собственный субъект в его наибольшей глубине есть истина в последней инстанции. Не нечто, освобожденное от всякого сознания (осознания, восприятия), а сознание, освобожденное от всякого нечто, т. е. от власти противостояния (предметов, Gegenstände), является здесь многообещающим мотивом человеческой жизни. Не нечто, что, будучи объективно подлинным, смещается (сменяется) человеком и недоступно человеческому переживанию, а наоборот, самое глубокое в душе, что как суть всего сущего раскрывается только глубочайшему опыту субъекта в более высоком восприятии (осознании), и что придано этому опыту, и что, становясь опытом, наполняет смыслом человеческое существование, означая наивысшую свободу, избавление и глубочайший мир. Там, где глубочайшее переживание (событие) само является опорой (оплотом) наивысшей действительности, представление о том, что объективный мир, т. е. мир, далекий от переживаний (событий), есть последняя действительность, является безумным представлением (бредовой идеей). Там, где ищут восприятия (осознания), не замутненного больше ничем предметным (реальным, объективным), там происходит фиксирование какого-то нечто, т. е. как раз образование естественного предметного восприятия. Это и есть начало заблуждения. Там, где это восприятие приживается абсолютно, возникает основное заблуждение человека.

Духовность, нацеленная на предопределенность (на нечто постоянное), и страдание, зывающее к избавлению, всегда держат человеческую жизнь в напряжении. Там, где одна из движущих сил не допускает другую, там человеческой жизни грозит опасность погибнуть или стать бессмысленной. Неправильный путь и страдание, вызванное им, являются поистине предпосылкой для осознанного нахождения истинной правды и праведного пути, в конце которого происходит интеграция духовных сил, выросших из удивления и страдания. Преобладание тоски по избавлению (спасению) характеризует восприятие (ощущение, чувство) жизни, присущее странам дальневосточного региона (Дальнему Востоку). Преобладание же направленности на «объективно подлинное» определяет лицо западной цивилизации. Носителем христианского мышления является представление о жизни, которое устраняет (уничтожает) противоположность, избавляя (спасая) и одновременно созидая (сознательно творчески). Здесь познание и форма (Gestaltung) объективного мира служат бытию, проявляющемуся как субъект в страдающем человеке, а оно (бытие) в свою очередь становится тем фактором, что придает смысл и определяет форму (формирование) всех преобразований (превращений) в мире. По этой «интегральной» жизни, предназначенной человеку как личности, и следует, в конечном счете, и судить, и измерять все ступени становления.

Удивление и страдание — движущие силы человеческого духа (разума)! Сначала удивление появляется (проявляется) как сила, которая в человеке претворяется все больше в рациональном познании и овладении предметно (реально, объективно) понимаемого мира. Страдание появляется в противопоставлении сначала как необходимость, которая в конце дает человеку право ради своего избавления (спасения) мало ценить мир, жизнь (die Welt). И, однако, это человека не устраивает. Как только человек начинает видеть не только свои очень личные страдания, но и страдания своих страждущих ближних, он вынужден воспринимать мир и считаться с этим миром, миром, который следует разумно (рационально) познавать и которым надо овладевать. И конечно, исходящие из удивления вопросы по развитию разума (рацио) и подчиненной ему далекой от чувств (бесчувственной) объективной действительности ведут к следующему: как прафеномен (Urphänomen) удивление в начале и в конце является выражением той лишенной всякого рацио «сверхдействительности», которая проявляется в нашей «действительности ума (головы)» не меньше, чем в нашей «действительности сердца», наполненного страданием. Жизненные импульсы, даваемые удивлением и страданием, совершенно очевидно, имеют одно нечто общее: служить освобождению и избавлению (спасению), которые человек везде и всегда вымалывает у своих Богов. Но, может быть, ему лучше было бы однажды понять, что смысл его жизни, протекающей в

удивлении и страдании, должен быть скорее тем смыслом, что освобождает заключенное в нем божественное начало из плена, куда его бросило земное начало человека.

УДАЧНОЕ МИРОВОЕ «Я»

Удачным мировым «Я» можно бы считать лишь ту форму «Я», в которой человек находит свое счастье и свободу как слуга и очевидец (участник) бытия. Это была бы живая фигура (живой образ), которая остается прозрачной для сути и при всех условиях живо колеблется вокруг оси самостановления, соответствующего ее сути, которая со всей своей независимостью обладает способностью к метаморфозам (превращению), однако в любой форме остается проницаемой и при всей проницаемости сохраняет свою форму. Эта проницаемая форма и проницаемость, заключенная в форму, и есть, в конечном счете, смысл всей духовной (умственной) тренировки. Удачный мир «Я» выполнил первую функцию становления «Я», т. е. завоевал независимость и силу претворения, основывающиеся на естественных инстинктах (наклонностях, стремлениях) и на способности к разумному познанию, и перешагнул на уровень (ступень) личности, открытой (доступной) для «ценностей». Кроме того, человек с удачным миром «Я» нашел контакт (соприкосновение, связь) с сутью (сущностью). То, чем он является по своей сути, а не только то, что он имеет, может и знает, дает ему надежду, что он справится со страданием, и веру в широкий (распространенный) смысл, т. е. во всю полноту и порядок жизни, лежащие в основе всего. Благодаря единству бытия, защищающего (спасающего) его в самой сути, он, несмотря на все противоречия, чувствует себя единым «с миром». Конечно, и в удачном «Я» человек живет в мире, ориентируясь на то, что для него является несомненным (установленным). Но он сможет справиться с никогда не прекращающейся изменчивостью, а также брэнностью жизни в этом случае, если он не полностью отождествлен с волей сохранить «Я», а в своей сути (исходя из сути) остается доступным для вечного превращения (преобразования), свойственного жизни, и к которому относится как зарождение, так и уход (умирание).

«Смерть — плата за грех», — не означает тогда, что ты должен умереть потому, что ты грешил, а означает, что смерть, как ужас (испуг, страх), есть ответ тому, кто каким-либо образом отделяется от других, это ответ на то, что он из желания остаться противится умиранию (уходу), которое также является частью жизни, как и зарождение.

Для человека с удачным «Я» жизнь организуется не в кружении вокруг позиции (положения) в мире, а в стремлении к прозрачности для потусторонней сути и для превращений (метаморфоз), требуемых ею.

Удачное «Я» не является противоречием для сути (сущности), а является инструментом ее проявления в мире.

Удачное «Я» означает форму человеческого существования, в которой человек может поведать миру о сути.

Итак, человек, имеющий удачное «Я», живет не только благодаря своему «Я». Хотя он живет как «Я», соотношенное с миром, характеризующимся временем и пространством, существует он, однако, на основе сути (сущности), которая выходит за рамки «Я» и его бытия в мире (In-der-Welt-Sein). Центром его мирской организации восприятия, доказывающего его земное начало, является, видимо, реально (объективно, предметно) фиксированное «Я», однако это охвачено целостностью становящегося «Я», центр которого находится в божественном начале «Я», первично узнанного в стремлении продемонстрировать суть, которая ставит «Я» на службу бытия.

Из-за зависимости от «Я»-принципа развитию человека грозит вторая опасность. Мир «Я», где слишком преобладает «Я», препятствует образованию жизненного центра, рупором которого является целостность жизни. Статичная природа «Я» затрудняет доступ к сути и затрудняет дыхание Великой жизни. Там же, где образовалось недостаточно «Я», там отсутствует форма, образ, без которых существо не становится «человеком» и не способно жить в мире.

Если человек остается обязанным своей сути (связанным со своей сутью), то его жизнь «разыгрывается» из таинственной глубинной гибкости (эластичности) вокруг устойчивой и одновременно подвижной оси (стержня) превращений, которые никогда не заканчиваются. Это превращение нельзя обнаружить в неудачном (неудавшемся) «Я», так как оно либо постоянно помнит о «положении» (позиции) и находится в твердой (жесткой, застывшей) раковине (скорлупе), либо колеблется во все стороны без формы и направления и постоянно близко к распаду. Сутти (сущности, существу) недостает содержательности (содержания), которая исключает как неволю в жесткой раковине (скорлупе), так и угрозу распада. Двумя способами переживает (испытывает) человек трансцендирование (Transzendierung) мира своего «Я» в нечто более широкое, а именно: путем вторжения бытия как логоса и путем расширения из-за притока космических сил. И то, и другое предопределено в истинном смысле в становлении личности.

Приобщение к космическим силам или к силам логоса, распространяющимся над миром «Я», само по себе безлично и безличностно. Земные силы — предличностны (vorpersönlich); силы духа — сверхличностны (überpersönlich). Человек может, пренебрегая (перешагивая) своим личным (природным) «Я», найти приют в этих обеих силах и может действовать, исходя из них обеих, не будучи уже сам личностью в наивысшем смысле этого слова, или не выдавая себя (не добавляя) как личность. Человек может быть затронут (охвачен, задет) как силами Земли, так и силами духа, его маленькое «Я» может забираться (восприниматься), да просто поглощаться попеременно

обеими силами так, что он предстает как бы без «Я» и творит (действует, воздействует) не только будучи в упоении и восторге, но и в своем каждодневном ответственном деле [например, как целитель или духовник (пастырь)]. И все-таки даже такой, вероятно, очень полезной (плодотворной) деятельности он не отдает себя целиком. Он сам, как этот единственный в своем роде индивидуум, подлинный лишь в своем тысячекратном относительном (условном) теле (Leib).

Неотъемлемый от своей личной судьбы, зависящий от своего счастья и своей беды, от своей надежды и своего страха, он сам, как человек, не совсем присутствующий в действии исцеления (Heil-Wirken), не совсем присутствует в нем. Каждый настоящий учитель, каждый врач, каждый терапевт знают то особенное странное изменение (скачок), которое происходит в его отношениях с порученным ему человеком в тот момент, когда ему не остается ничего другого, как только самому открыться этому человеку, и тогда, переставая быть официальным лицом, он встречается с другим таким же человеком, как и он сам. Во всей опасности, которая связана с этим, он знает и чувствует: лишь теперь он доходит до другого, поистине от личности к личности (от сердца к сердцу) (Ср. Н. Trüb, *Heilung aus der Begegnung*. Stuttgart, 1953).

Конечно, чтобы это стало целительным, дающий и ведущий должен сам проникнуть в центр (суть, середину) личности. Очень нелегко осуществляется это первое, собственно говоря, личное участие как раз там, где человек, будучи в союзе с космическими или духовными силами, одновременно лишается своего «Я». Тогда он живет, любит, творит и действует, исходя из центра (середины) земных или небесных сил, но не из центра своего «бытия в мире» (In-der-Welt-Sein) как личности. Он действует, и, возможно, охотно (с желанием прийти на помощь), но предличностно (vorpersönlich), как иной знахарь, или безличностно, как иной священник. «Человек, рассматриваемый как целое, т. е. идеальный (совершенный) человек, является не только промежуточным звеном между Небом и Землей, между Природой и Духом, а иногда то тем, то другим, но он есть единение и того и другого в просвещенном (просветленном) осознании» (XIII).

ФОРМЫ ОТСУТСТВИЯ «Я»

Существует два неправильных развития «Я». В одном случае человек пропадает (теряется) в «Я»-скорлупе (раковине), которая становится неподвижной (неизменной, застывает). В другом — человек пропадает (совершает насилие над собой) потому, что он не смог создать завершенную (закрытую, замкнутую) форму.

ЗАСТЫВШИЙ КОРПУС «Я»

Неправильная форма «застывшего» «Я» является результатом «сугубо индивидуализма» («Eigenläufig-geworden-sein») фиксирующего «Я»-принципа. К свойствам сути «Я» относится способность констатировать (устанавливать), удерживать (сохранять) установленное и утверждать самого себя в чем-то постоянном: в практической сфере каждодневной жизни, в царстве теоретического познания и в формах этического поведения.

Цепко (жестко) держится человек, заключенный в скорлупу мира своего «Я» и застывший в ней, за все внутреннее и внешнее, что было им когда-либо завоевано, и страдает от всего того, что подвергает сомнению свою стойкость (опору) в кажущейся объективной надежности «позиции», идет ли речь о теоретической «мировоззренческой», о практической, «полезной» или об этической позиции. И таким образом, он не может избавиться от забот и страха. Он страдает от противоречий между жизнью и его собственными представлениями о себе и мире, о том, каким должен быть мир, но он не умеет этому сопротивляться иначе, как все упрямее, назло всем противоречиям, прятаться (окапываться) за своей «точкой зрения», защищать ее зачастую от лучших воззрений и действовать, исходя из своей «системы». Познавая или действуя, он всегда исходит из своих твердых убеждений о том, какова действительность и какой она должна быть. Допустимым для него, в конечном счете, является только доступное пониманию (Begreifbare) и совершенное (идеальное), так как «оно является завершенным». Поэтому такой человек постоянно раскладывает все по полочкам, классифицирует, проверяет, вносит уточнения, защищает, констатирует и пытается «сделать» все еще лучше и приносит в жертву педантичности своей этической точки зрения предназначенную ему полноту жизни.

Тяга к совершенству есть симптом человека, упрямого в застывшую скорлупу своего «Я». Он постоянно раздражается, что мир не соответствует его представлению о том, каким он должен быть. Полный яда из-за несправедливости судьбы или отчаявшийся из-за собственной неполноценности, он рано или поздно скатывается к нигилизму, в пучине которого гибнет его вера в Бога. «Ничто не имеет смысла». Жизнь течет по-другому, не отвечая его твердым представлениям о всемирном и всезнающем Боге. Так он отвергает свою веру. Человек, замкнутый в круг своего «Я», не может знать, что его вера начинается лишь там, где кончается понимание от «Я» (исходящее из «Я»), он также не знает, что смысл за пределами смысла и бессмыслия (Unsinn) и что смысл может появиться лишь там, где человек терпит фиаско в эгоцентрическом или только рациональном толковании границ смысла и, наконец, бессмыслия и воспринимает (принимает) это крушение (фиаско).

В прагматичном отношении к жизни заключенность в «Я»-скорлупе выражается в преисполненном страха стремлении к беспорной (гарантированной) безопасности. Так как такому человеку недостает изначального доверия к жизни, которое является проявлением (выражением) присутствия бытия, то ему не остается ничего другого, как только защищаться силами своего «Я». Таким образом, его чувство собственного достоинства

основывается исключительно на том, что он может, имеет и знает. Человек, погруженный в мир своего «Я», постоянно занят тем, что укрепляет (расширяет) и охраняет свои позиции. Он постоянно озабочен не только своей материальной обеспеченностью, но и очень чувствительно относится к признанию своей личности и своему фасаду (внешней стороне). Всегда, когда он чувствует себя задетым, он цепенеет (упорствует) или «кисло» реагирует, т. е. он внутренне сжимается. Однако он никогда не отваживается реагировать так, как ему хотелось бы. От слабости или от нежелания испортить впечатление о себе он выдавливает из себя ответ на обиду мира. Также мало дает он волю изначальным порывам. Таким образом, не выпущенная на волю «нагрузка» («заряд») давит ему на грудь и постепенно создает тот имеющий отношение к действительности страх, который в отличие от ужаса перед чем-то определенным является проявлением недопустимой «экспрессии», т. е. депрессии, и чем больше он замыкается и застывает в своей скорлупе, тем больше грозит ему взрыв или крах (катастрофа, крушение).

В социальном отношении человек, замкнутый в своем «Я», как эгоистичен, так и эгоцентричен. Он не умеет любить.

Ему трудно думать о другом, так как все, в основном, для него вертится вокруг него самого. Он не может открыться и отдаться другому, потому что он должен постоянно защищаться (беречься), т. е. он в своем самосознании не чувствует опоры в сути. Так как ему недостает тесной связи с сутью, то он боится при любом увлечении (отдаче) полностью потерять себя. Уклоняясь от единения с другими, он не является и частью несущих и хранящих сил общей жизни. Замкнутый наглухо для любого подлинного контакта, он не является частью (не участвует) тех надличностных (*überpersönlich*) сил великой природы и духовного разума (духа), которые открывают нам подлинные контакты через непосредственное прикосновение. Человек, плененный своим «Я», закрыт и чужд своей собственной глубине. Он отгорожен от своей сути и от обновляющей его полноты, от придающего всему смысл порядка и от сил единения, отгорожен бытием живым в его сути и превосходящим весь порядок существования (бытия). Так как он допускает лишь то, что не нарушает его «позиции», которой он упрямо (своенравно) придерживается, то он недоступен не только силам, дружелюбно устремленным к нему из мира (извне), но и собственным движущим и формирующим силам, т. е. почти стерилен. Так как ему недоступна (запрещена) интеграция с основой сути, он останавливается, не преобразуется и не может созреть. И даже никакой успех в мире не может помочь ему преодолеть свою внутреннюю беду. Напротив: успех только все больше загоняет его в тупик, так как удачи, приписываемые только своей собственной силе, укрепляют и делают выше стену, которая отделяет человека от его сути. Это объясняет также кажущийся необъяснимым тот факт, что признание миром не приносит «хорошему» (человеку) длительного счастья (благодати), что у удачливых людей страх, недоверие и пустота часто возрастают в той же мере, в какой эти люди победно шествуют по жизни и «возвышаются», вызывая восхищение и зависть у других. Чем выше они поднимаются, тем больше становится опасность, что здание их мира (мироздание), не имея достаточной опоры, рухнет. Не хватает внутренней почвы (опоры), не зависящей от условий мира. В мире прочно лишь то, что уходит корнями в надмирность (потусторонность — *überweltlich*).

ЧЕЛОВЕК БЕЗ КОРПУСА «Я»

Человеку для того, чтобы жить в мире (на Земле), необходима форма, соответствующая ему и миру. У человека со слишком большим «Я» — эта форма есть форма отвердевшая и замкнутая. Ничто не проникает вовнутрь, а то, что находится внутри, не может выйти наружу. Человек в этой форме недоступен миру и непрозрачен для своей сути. Противоположной, неправильной формой является та форма, в которой человек слишком открыт. Все может войти в эту форму, но удержать он ничего не может. Человек, у которого слишком мало «Я», не создал вообще никакого сосуда с прочными стенками; не образовалось ни дна, ни плотных стен. Контуры здесь нельзя определить, и все беззащитно открыто. Здесь отсутствуют условия, которые нужны как для того, чтобы можно было выстоять в этом мире, так и для того, чтобы стойко защищать (воспринимать) свою суть и подтверждать (доказывать) ее в мире.

Не имеющий границ (лишенный границ) не может защищать свою «неприкосновенность» от мира. Ему полностью отказано в этом. У него нет также опоры (выдержки, стойкости) и по отношению к самому себе. Он полностью отдан во власть своих инстинктов (порывов, импульсов, движущих сил) и душевных переживаний (эмоций), не имея свободы самому принимать решения. В своей скачкообразности, в зависимости от инстинктов (влечений) и чувств он не имеет ни устойчивости (постоянства), ни определенного направления (линии).

«Я»-человек живет на основе воображаемой безопасности (уверенности) и осознания своей собственной власти (самоупорства). Для человека, который не создал (не достиг) никакого «Я», самоутверждение в существовании становится каждый раз проблемой. Состояние полного бессилия (безвластия) из-за потери себя, так как мир делает с ним все, что хочет, сменяется у него агрессивными или оборонительными вспышками (взрывами) самосохранения, которыми он, не зная меры, компенсирует испытанную беспомощность. Ему недостает также силы для порядка и формы. Его внутренний беспорядок и внутренняя бесформенность отражаются и во внешнем беспорядке и внешней бесформенности. Он страдает от неспособности оформить свою жизнь и свой мир. Он постоянно подвержен опасности приспособиться настолько, что потеряет самого себя, и поэтому все время склонен робко (испуганно) замыкаться в себе.

Порою он спасается в заимствованных формах и привыкает к особенностям, которых он педантично

придерживается и которые, однако, не имеют к нему самому, собственно говоря, никакого отношения и не имеют внутренней (духовной) жизни. Он страдает страданием непризнанного в своей сути, потому что у него отсутствует форма, которая доказывает суть тем способом, какой поддерживает «Я»-пространство в форме (Ich-Raum).

Человек «без Я» не отдается осознанно и с решимостью, а живет и страдает в состоянии постоянной бесформенной и безудержной увлеченности. Он любит и ненавидит без всякой меры, так как ему недостает собственного мерила. Ему не хватает также продуманной (превосходящей) дистанции. Чудом является то, что как раз такой человек из тайного страха быть преданным (выданным) или отвергнутым постоянно уходит в напряженную оборону, за которую он судорожно цепляется, в то время как «Я»-человек полностью выпадает из своей застывшей формы не только случайно, а время от времени сам пытается убежать из своей ледяной тюрьмы в приносящее облегчение опьянение (дурман, упоение).

Как человек, заключенный в скорлупу своего «Я», подвергается опасности внезапного взрыва и неожиданной гибели (смерти) из-за своего очерствения (закоснелости), так и человек, у которого слишком мало «брони», подвергается опасности неожиданного «перекоса» и оцепенения (онемения), которая полна гнева (злости, яда) и сдерживаемой агрессии.

Трагичным для человека с маленьким «Я» является отношение к силам (связь с силами) сути и бытия, которые стремятся в нем воплотиться в жизнь. Они врываются в него, хотя часто приносят ему чувство глубокой радости (блаженства), не могут, однако, укорениться в нем (пустить корни). Пережитое улетучивается из-за неспособности допустить, чтобы оно стало внутренним (духовным) образом (Gestalt). И так он постоянно отвергается (бросается) из света в тьму, из радости в глубокую печаль. Слишком пассивный и открытый снаружи и внутри он очень поддается и внутри и снаружи и счастью, и боли (беде), но ни то, ни другое не оставляет в нем ни постоянного, ни формирующего (воспитывающего) следа. Счастье рассеивается, и несчастье не дает плодов. Человек с печальными (грустными) глазами!

Несправедливо поэтому видеть в сохраняющейся форме человека только опасность окостенения (оцепенения). Она с детства человека является тем сосудом, который дает человеку способность защищать (беречь) тайну своей глубочайшей сути (сущности, ядра). Скорлупа является не только крепостью, защищающей человека в мире, но и ларцом (сундуком), который хранит его святую середину. Человек без скорлупы создал не слишком много, а как раз слишком мало «Я» и оставлен на произвол силам, действующим извне и изнутри. Они с разрушающей властью проникают в него, и он не может противостоять им, или они чрезмерно богато одаривают его, но он не может удержать этот дар (подарок) и выходит всегда пустым. Если же однажды у него происходит настоящая встреча со своей сутью, то он с глубокой радостью впервые ощущает свою вечную (вневременную) суть. В то время как «Я»-человек чувствует себя в опыте бытия неожиданно освобожденным и превращается в открытого и любящего человека, человек с бедным (маленьким) «Я» находит в этом опыте замкнутую и устойчивую форму, вырастающую из сути.

То, что здесь схематично описано в нескольких словах как контраст двух форм неудачного «Я», в действительности намного сложнее. «Слишком многое» и «слишком малое» чаще всего неодинаково выявляются во всех сферах жизни, а распределяются по частным (частичным) областям. Так может существовать человек, имеющий слишком много «Я» в одном отношении (смысле) и слишком мало — в другом.

Эти противоречивые формы проявления «слишком многого» и «слишком малого» могут быть обусловлены физическим состоянием или особенностями развития, как например, снами в детстве, ошибками в восприятии, этической или религиозной идеологией или различными табу (запретами). Закрепленные невротически, они вызывают те болезни или страдания, которые затем препятствуют развитию, отвечающему сути, и вызывают необходимость психотерапевтического лечения (воздействия), основанного на глубокой психологии.

ГАРМОНИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Есть еще третья неправильная форма «Я», неприятие (строптивость) которой по отношению к сути очень часто упускается из виду, так как она «гармонична»; прежде всего эта форма «Я» не приносит страданий и поэтому действует в соответствии с сутью. Гармоничный человек!

Гармоничный человек не застывает в скорлупе, приносящей страдание, и не испытывает мук, лишаясь границ. Он ни напряжен, ни рассеян, он умеет приспособливаться и хорошо вписывается в любую ситуацию, причем всегда так, что это приятно и ему самому, и другим. Он умеет гибко защищать (загораживать) уют своего внутреннего состояния от любого вторжения как извне, так и изнутри и, так как он никогда никого не задевает, то не любит, чтобы и его задевали. Чего ему не хватает, так это глубины. Резво плещется он на поверхности. Но его открытость и преданность лишены сердца. Он любезен, но необязателен и без любви. Он выдает себя за отзывчивого человека, но ничего (никого) не подпускает к себе.

Он выдает себя за твердого, уверенного в себе человека, а сам живет в вечном компромиссе. У него для всего под рукой есть решение (ответ), которое ему самому немногого стоит. Он — любезный эгоист, одаривает всех, не отдавая себя; создается видимость, что он все принимает и воспринимает, но при этом он не сомневается и не рискует. Никогда не отдает он себя целиком, и когда он исчезает, то не остается щемящей пустоты. Создается впечатление, что он живет как будто бы в гармонии со своей сутью. На самом деле едва ли он ощущает ее когда-

нибуть. Постоянно приспособливаясь к миру, автоматически обуздывая для безопасности свои собственные порывы, он сторонится того, что холодно или слишком горячо, что по-настоящему темно или слишком светло; в тепловатой полутемной, полусветлой среде (Medium) скользит он, как бы без трения, по поверхности жизни. Его лицо складывается в серьезные или веселые морщинки, его голос становится то глубоким (низким) и полным значения, то звонким; он становится таким, каким его хочет видеть другой, и всегда «приятный», он всегда — желанный гость. Он появляется, не причиняя боли, и уходит, ничего не теряя. Но однажды и для него происходит миг, когда его втайне охватывает страх.

Ему становится жутко, как гладко все идет, и он чувствует, как он полон и пуст, и как-то виноват. Такой человек должен когда-нибудь научиться, как отдавать свое сердце, так и ставить себя, и рисковать. И для человека такого типа, когда пробьет его час, встреча с сутью будет самым жестким опытом, так как она не является для него, как для двух других типов, блаженным избавлением от длительных страданий, а является подлинным страданием после столь длительного гармонического существования; страдания из-за необходимости отказаться в угоду сути от гармоничной формы, приятно раскачивающейся и хорошо приспособленной к нему. Но, если этот человек отважится на прыжок (скачок) потому, что однажды ему станет «дурно» в приятной игре волн, то опыт сути может развиваться в особое счастье, так как он может найти в нем как собственную суть (ядро) и вместе с ней шанс к подлинной форме, так и подлинное снятие границ и, благодаря этому, впервые получить шанс настоящего контакта с «Ты» (Ш).

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

С бедами нашего времени может справиться лишь тот, кто помогает начать преобразование, которое освобождает его из плена мышления, пронизанного «Я», и для освобождения делает его способным к движению, которое означает стать совершеннолетним, т. е. несмотря на все внешние обстоятельства наставляет его на путь истинного самовоплощения, свидетельствующего о его сути. Речь идет о человеке, который, слившись со своей сутью, т. е. будучи связанным с надмирной (потусторонней) жизнью, став зрелой личностью, обрел высшую, т. е. не зависящую от мира, свободу, потому что в нем и через него действует потустороннее (надмирное) бытие.

«Личная зрелость» есть большее условие, чем солидные знания и умения, означает больше, чем моральная надежность, больше, чем обращение в религиозную веру.

Дошедший до зрелости знает, имеет и умеет не больше, чем незрелый человек, но он есть нечто большее, чем незрелый. Совершеннолетие человека, которое основывается на зрелости, несет с собой не только больше свободы в выборе решений для действий в мире, но означает подтверждение (удостоверение) собственной сути и трансцендентного порядка, вплетенного в нее, и там, где прегражден путь свободе действий в мире. Благодаря своей укрепленности в сути совершеннолетний может делать не только то, что он хочет, потому что он хочет делать только то, что может (что разрешено), а может быть тем, кто он есть. Он может и смеет быть тем, кем он хочет и должен быть в своей основе, т. е. по сути, от Бога. Суметь быть в мире тем, кто ты, собственно говоря, есть, т. е. соответствовать своей сути, есть основное страстное стремление (желание) человека. В нем есть и действует божественное (небесное) начало человека. Соответствовать ему и быть способным свидетельствовать о нем в мире земного начала, признавая и любя, и означает суть совершеннолетия.

Итак, что же означает совершеннолетие человека?

Стать совершеннолетним означает взвалить на себя ярмо той свободы, в которой человек отказывается от своего упрямства (Своеволия), но вбирает в свою волю то, что он узнал в своем глубочайшем опыте как перспективу и стремление своей потусторонней (надмирной) сути. Совершеннолетие означает надежность в истинном использовании личной свободы. Совершеннолетним является человек, который обрел свое укоренение в вере в трансцендентности как знании, которое утверждает (доказывает) во все новых испытаниях.

То он обретает зрелость, продуктом которой является сама жизнь, которая отвечает его назначению — свидетельствовать в этой жизни (в этом бытии, существовании) о потустороннем бытии.

Совершеннолетним человек является в той мере, в какой он стал личностью, которая в силу обязывающего решения для осуществления своего трансцендентного опыта способна и намерена (готова) повиноваться услышанному ею зову, чтобы выразить вечное внепространственное бытие, каковым личность является в своей сути, в бытии, определенном во времени и пространстве. Этот признак бытия полностью претворяется только в историческом бытии. Человек, ставший подлинно совершеннолетним, есть потустороннее (надмирное) бытие, ставшее действительным (weit-wirklich) в состоянии человека.

Потусторонняя жизнь в совершеннолетнем человеке проявляется в постоянном «умри и воскресни (стань)» его мира.

Свобода человека, ставшего совершеннолетним, означает больше, чем та духовная свобода, что делает человека способным преодолевать по своему желанию, воле свое маленькое «Я» и свои первичные порывы (инстинкты); она также больше, чем свобода возвышаться в своей верности абсолютным ценностям над всем относительным в мире и превосходить мир в областях науки, искусства и философии. Свобода сути личности оправдывает себя (показывает себя) прежде всего там, где человек принимает вызов своей исторической судьбы, принимает свои страдания, не перепрыгивает «духовно» через неприемлемое, а выдерживает его и в страдании считает это воротами в другое измерение.

Совершеннолетие оправдывает себя там, где грозящее уничтожение и бессмыслица (абсурд) обстоятельств превосходят меру естественных сил, и человек противостоит искушению предать собственную суть, уступая или спасаясь в утешительных иллюзиях (мечтах).

Несовершеннолетие проявляется там, где человека устраивают любые средства, чтобы сохранить себя; там, где он ради беспрепятственности предпочитает «плохой мир доброй ссоре», где он оправдывает ложь, нарушающую общепринятые правила, с преданностью, не имеющей жизненно важного значения; там, где он злоупотребляет своей религиозной верой, чтобы укрыться в мнимом смирении (покорности), короче говоря, везде, где человек делает выбор в пользу гармонии внешнего против вызывающих волнение сил глубины, в пользу существования в «горизонтали» против подчинения «вертикали». Совершеннолетним человек является в той мере, в какой постоянно имеет мужество проходить через тайны (неизвестности) жизни и, допуская и серьезно воспринимая обязующую тишину, из которой к нему взывает глубина, всегда готов видеть реальность этого мира без прекрасной пелены и без страха воспринимать ее такой, какова она есть.

Открытый миру, благодаря тесной связи со своей сутью, он без притворства и без предубеждения входит в любую ситуацию. Привычное он видит другими глазами. По отношению к себе там, где он считает себя зависимым, остерегается иметь твердые предлоги; там, где он должен связать себя чем-либо в мире, он сохраняет свободу своей сути, принять на

Человек, ставший совершеннолетним, своего исторического существования тем, что назначение (призвание), обязующее только его жизненных ситуаций. Затем становится «засвидетельствовать в бренном (временном) потустороннее. Последнее не значит овладеть (естественной) или судьбоносной относительной ответственности в познании и действовании (So-sein) во всей его относительности бытия). Это, однако, возможно лишь в постоянном (Leben), которая скрывается под покрывалом расцветает только в созидательно-избавляющемся человеком, в котором никогда не останутся Учителя Эккхарта (Eckehart) «бытие Бога есть (воскресни)».

Дошедший до совершеннолетия человек основанное на своем собственном опыте, а не на том, что не может выдерживать естественное (природное) — находить в себе силы, чтобы шаг за шагом утвердившийся в глубине сути, может постоянно безболезненное соответствие (согласие) не является — наивысшей ценностью. Кто исповедует противоречия и бессмыслицу (абсурд) в мире и не ожесточается от этого, а становится богаче при созревании. Да и более того, через всю несправедливость и нецелесообразность (абсурдность) этого мира просвечивает для него смысл, который находится по ту сторону смысла и бессмыслицы (нелепости) этого мира!

Совершеннолетним является не тот, кто думает (верит), что можно полностью преодолеть страх, печаль и отчаяние, а тот, кто находит в себе силы перестрадать это и справляется с этим. Совершеннолетен тот, кому необходимость (беда, нужда), которая сама выходит из остающейся опасности мира и его несовершенства, постоянно дает новый повод для распознавания своей незрелой идентификации с тревожащим, скорбящим и отчаявшимся «Я», и благодаря своему соприкосновению (связи, контакту, ощущению) позволяет снова слиться со все сохраняющей основой.

Так его личность, постоянно исполненная и обновленная спасительной глубиной и созидательной силой сути, может выдержать, сформировать и справиться во всей своей слабости с жизнью в мире под знаком нарастающей (поступательной) прозрачности для трансцендентности.

Но откуда берем мы право говорить о сути и потустороннем бытии, как о чем-то само собой разумеющемся? Это право — опыт!

III ОПЫТ БЫТИЯ

ТРЕБОВАНИЕ

Чем неизбежнее в сознание современного человека, обремененного думами о будущем, входит божественное начало и исходящие из него смысл (толкование) и предопределение в качестве предсказаний (обещаний) и предчувствий, тем настойчивее становится требование о точном указании причин, которые дают человеку право вообще утверждать существование какого-либо различия между двумя действительностями (реальностями) — действительностью по эту сторону мира (weltlich) и потусторонней действительностью. Если это не должно быть делом только веры, будь это выражение или результат подмены трезвой оценки действительности субъективными желаниями, страстного стремления или даже доверия к священному писанию, то должен быть указан (дан) опыт, опыт особого рода, опыт, который дает нам возможность с таким же правом, каким опыт наших пяти чувств позволяет нам утверждать наличие материального осязаемого мира, утверждать существование другого, неземного измерения. Это утверждение не должно опираться только на неопровержимый и описываемый опыт, а должны быть критерии достоверности такого опыта. Нужно иметь возможность указать отличие законного (подлинного) опыта от таких переживаний, как психическая проекция, последствия от употребления наркотиков, видения (фантомы), истерические галлюцинации. Далее мы приводим сначала два примера переживаний (событий), в которых речь идет об опыте бытия или соприкосновении (контакте, связи) с ним: типичное воспоминание о детстве (детское воспоминание) и одна из бесед, которые ведутся сегодня тысячами.

ЗВЕЗДНЫЕ ЧАСЫ ЖИЗНИ

Перед началом консультации одна дама (ей было около 35 лет) на протяжении нескольких бесед рассказывала мне свою жизнь. В конце третьей беседы я схватил из этой истории определенное мгновение, кажущееся незначительным событием (переживание, пережитое) из ее детства.

«Скажите, пожалуйста... Вы рассказывали во время первого приема, как Вы однажды с Вашей матушкой были в церкви... и тут... так сказали Вы „свет очень странно (своеобразно) проник сквозь пестрые стекла церковных окон“. Когда Вы это говорили, то Ваш голос, как мне показалось, звучал по-особому (был неуверенным?). Подумайте, было ли там что-либо необычное (особенное)».

«Нет,— сказала женщина,— почему... это было просто прекрасно... но (и казалось, что пережитое вновь медленно оживает в ней) это было прекрасно особым образом... гм..., да, это меня тогда странно (своеобразно) затронуло (тронуло)... это было очень странно. Это длилось одно лишь мгновение и тут я, как это лучше выразить, как бы вошла (попала) в совсем другое. Да, теперь я вспоминаю, мне вдруг стало тогда так спокойно, светло и тепло на душе».

Она замолчала, а затем с изменившимся, несколько растерянным выражением нерешительно спросила: «Вы считаете, я должна к этому относиться серьезно?»

«Да,— сказал я,— я думаю, да, даже очень серьезно, и подумайте, пожалуйста, еще до завтра о том, не было ли в Вашей жизни еще таких мгновений».

На другой день женщина пришла снова. И когда подоспело время, я спросил ее: «Ну, вспомнилось ли Вам еще что-либо?»

«Да, господин профессор... я подумала, это еще дважды случалось в моей жизни». Снова ее взгляд ушел в себя, а затем она продолжала: «Один раз это было в лесу. Мне было тогда 16 лет. Отчего это тогда наступило, я не знаю. Я остановилась на мгновение. Прошел дождь, солнечный луч упал на кусочек мха... и снова было это... совершенно такое же! Я совершенно потерянно смотрела на мох, а ощущение было такое, как будто меня всю омывает и омывает. Дрожь прошла по всему моему телу, а затем стало совершенно тихо во мне... и все же не во мне. Затем неожиданно что-то треснуло в подлесе, я прислушалась (насторожилась) — и все вдруг исчезло». Женщина замолчала.

«А еще?» — спросил я.

«Да, это я помню еще очень хорошо. Это было однажды в трамвае. Напротив меня сидела старая женщина. И она смотрела на меня, т. е. она смотрела, собственно говоря, сквозь меня и тем не менее на меня, т. е. ее взгляд попал в глубину меня, и... тут что-то ворвалось в меня, как теплый луч, который все растворил во мне и вновь соединил... Это было так хорошо. И после этого я ощущала в себе такую силу, как будто бы со мной никогда ничего больше не может случиться и как будто бы все, все в порядке».

«И чем же, думаете Вы, совпадают эти три события»,— спросил я женщину. «Очень просто,— сказала она,— это ведь каждый раз было совершенно то же самое». И вдруг она вспыхнула и сказала сдержанно и как-то глубоко растроганно: «Теперь я знаю, что Вы имеете в виду».

С этого дня жизнь этой женщины изменилась. Она не только трижды «пережила» это нечто, но и познала пережитое в его важности и в подлинном его значении (но и познала важность и подлинное значение пережитого). Она начала допускать (вбирать) в себя действительность (реальность), которая, будучи большей реальностью, повсюду пронизывает нашу маленькую реальность, для которой мы, однако, обычно замкнуты, но которая до основания изменит нашу жизнь, если мы по-настоящему откроемся ей, допустим ее к себе, позволим ей нести нас и прорасти в нас (III).

РАЗГОВОР

— Что я могу сделать, чтобы то, что я пережил, вернулось, нет, больше, чтобы я мог остаться связанным с тем, что я тогда пережил.

— Что ты пережил?

— Этого я не знаю — я знаю только, что это было огромно (сильно). Во мне все еще продолжает дрожать (трепетать).

— Прекрасно? Хорошо?

— Совершенно за границей понятий «прекрасно» и «хорошо». Было просто «это»!

— Что это значит? (чем оно определяется)

— То, от чего оно зависит. Сильно (огромно), неопишуемая полнота (избыток чувств) — свет — любовь — все в одном!

— Итак, событие!

— Намного больше, чем просто событие (переживание). «Переживание» — это звучит так «субъективно». Это нечто намного большее. Это было присутствие; присутствие, я не знаю, чье, но присутствие, которым меня удостили.

— А ты?

— Я стал вдруг совсем другим, совершенно свободным, самим собой и во мне (в себе), и одновременно связанным со всем. Я больше ничего не знал и одновременно знал все, я был заряжен какой-то силой и чрезмерно счастлив. Я был какое-то мгновение совершенно самим собой, нет, вообще больше не было «Я», и все-таки я был «Я», даже намного большим «Я», чем когда-либо.

— А что ты делал перед этим?

— Ничего. Это обрушилось на меня, как гром с ясного неба, захватило, одолело меня, полностью опустошило, наполнило меня, загнало меня в меня, уничтожило меня и снова вывело меня и возвысило надо мной. Т. е. это совершенно невыразимо.

— А ты был смущен, сбит с толку; мир вокруг тебя, каким был он?

— Сбит с толку? Вовсе нет. Ясность была, как никогда. Больше того, я видел то, чего еще никогда не видел.

— Что?

— Я видел внутри вещей, сквозь них, до их «ядра». Я не могу этого описать. Все имело совсем другой смысл. Все было точно тем, чем оно было, и одновременно много большим, совершенно чем-то другим и как раз благодаря этому совершенно самим собой.

— А ты?

— Точно так же. Абсолютно нечто другое, совсем другой и как раз в этом самим собой.

— А теперь?

— Да, а теперь! Теперь я ищу кого-нибудь, кто мне это все объяснит. Нет, зачем объяснять, подтверждать, «снимет» с меня это, и более того, поведет меня. Я знаю, это лежит в этом направлении.

— Что?

— Смысл. Предназначение. То, для чего мы вообще здесь. Мне нужен кто-то, кто это «знает» и...

Тысячами ведутся сегодня такие разговоры. Повод для них всегда одинаковый: вторжение потустороннего бытия в наше осознанное существование, оно может быть пугающим, обещающим (предвещающим), обязывающим, во всяком случае достаточно веским, чтобы побудить человека, которого оно поразило, принять его всерьез и искать кого-нибудь, кто бы помог ему выйти из трудного положения.

Событие, которое дает повод для таких разговоров, может иметь разную глубину (значимость) — это может быть прикосновение или переживание огромной силы. Так различают ощущение бытия (соприкосновение с бытием) и опыт бытия (XII).

СОПРИКОСНОВЕНИЕ С БЫТИЕМ

Как серебряный поток тянется через годы весть о людях, которые, будучи как громом пораженные, познали однажды другую действительность, которая одним ударом вызволила их из беды, или вывела их на другой уровень, обрушившись на них обещанием (предсказанием). Потрясающий опыт потустороннего (надмирового) бытия, вторгающегося в их привычное существование.

Не всегда это самые яркие и незабываемые, хотя и потрясающие или блаженные, мгновения нашей жизни, когда бытие входит в сознание, опираясь на которое мы всегда живем. Существуют менее значительные минуты и часы, когда мы неожиданно для себя ощущаем себя перемещенными в особое состояние, в котором непонятое нами бытие касается нас. Совершенно внезапно на душе становится как-то странно (своеобразно). Мы ощущаем себя в настоящем, абсолютно точно здесь, и все же мы не направлены (ориентированы) на нечто определенное. Мы чувствуем себя странным образом «круглыми», «замкнутыми» в себе и одновременно открытыми таким образом, что раскрывается большое богатство (избыток, изобилие). Мы как бы парим и в то же время уверенно и ровно движемся по земле. Мы как будто отсутствуем и все-таки абсолютно присутствуем, мы как будто

опустошены (безжизненны) и, однако, полны жизни. Мы погружены в самих себя и одновременно до глубины души близки всем. Мы отрешены от всего и одновременно участвуем во всем, мы всему обязаны (со всем связаны) и не привязаны ни к чему. Мы ощущаем на себе непонятное управление (руководство) и одновременно свободны. Мы чувствуем себя свободными от всех вещей и притязаний, бедны на Земле (в мире), а внутри полны до краев, сильны и богаты. В такие минуты мы чувствуем себя пронизанными чем-то драгоценным, что одновременно является очень хрупким (легко бьющимся). Так получается, что непроизвольно начинаем двигаться осторожно, боимся остановиться и очень пристально посмотреть на то, что с нами происходит.

Праздник говорит нам, что здесь нельзя нарушить теплый полумрак бодрствующей души лучом нашего фиксирующего сознания, который замораживает все живое. Там, где нас касается (соприкасается с нами) бытие, мы всегда как будто бы слышим голос мистиков: «Видеть (смотреть), как будто бы не видишь; слушать, как будто бы не слышишь, чувствовать, как если бы не чувствуешь, иметь, как если бы не имеешь!»

Но удивительное (чудесное) проходит. Оно вдруг исчезает. Достаточно оказывается того, что мы удивляемся и спрашиваем: «Что это?» И оно исчезает. Что бы не происходило, извне и изнутри, и что бы не заставляло нас насторожиться, наше сознание (восприятие), которое только что было похоже на большую чашу, не спрашивая и не констатируя, просто вбирает все в себя, превращает в острый как стрела луч, который все пережитое пригвождает, как нечто определенное, и мир, еще недавно как зачарованный и странным образом сплетенный с нами, возвращается к своему обычному порядку (на круги своя). И тогда, обедневшие и предоставленные самим себе, мы снова противостоям старому миру. Только что почувствованное улетучивается как мечта (сон)! И все же это была не мечта (сон)! Это было проявление подлинной собственной действительности, которая на какой-то момент смогла взойти (расцвести) в нас потому, что мы были открыты и свободны от оков, в которые нас заковывает наше обычное сознание. В таком опыте нечто превышает наше обычное восприятие (сознание) и мы узнаем нечто, что имеет трансцендентную природу. Даже пусть этот опыт очень короток, может быть он длится только какую-то долю секунды, но тем не менее он вводит с настоящей очевидностью ту жизнь в сознание, которая бессознательно оказывает решающее влияние на все наши обычные «Я» — мир — переживания (Ich — Welt — Erleben). Что за обстоятельства связаны с этой большей жизнью, которую человек чувствует (угадывает) в такие моменты, становится явным (ясным) только в Великом опыте бытия. Подлинность соприкосновения с бытием (Seinsföhlung) нужно понимать, исходя из опыта бытия. Исходя из этого понимания, оказывается обратным значение даже мимолетного соприкосновения с бытием для движения вперед и работы (VI).

ОПЫТ БЫТИЯ И ТРИЕДИНСТВО БЫТИЯ

Об опыте бытия, как опыте божественного бытия, трансцендентности, потусторонней (надмирной) жизни можно только говорить, потому что он настолько радикально отличается от всего земного опыта по качеству переживаний и по своему влиянию (воздействию), что его надо отделить от всех других видов опыта как потусторонний (надмирный) опыт. Такой опыт — это как раз то, что дает нам право говорить о божественном начале и о царстве нездешнего мира, об области веры (которая может продолжать существовать неприкосновенно) и вплоть до области неоспоримого знания. То, что это знание движется не на рационально (разумно) фиксируемых и объясняемых фактах, а на личном опыте, содержание которого не поддается предметному (объективному) восприятию, не вызывает подозрений, а является условием его важности и актуальности (действительности). Это не мешает видеть, узнавать и «удерживать» порядок в том, что есть личный опыт. Где бы нас не коснулось (затронуло) то измерение, которое определенный опыт дает нам право называть потусторонним (надмирным), оно везде имеет триединый характер. Обнаруживается также, что триединство, входящее в сознание, определяет все живое (живущее) и является тем самым ключом к пониманию всего человеческого вообще.

Одним из свидетельств такого триединства может служить следующий рассказ о пережитом.

Над моим письменным столом в Токио висел один из богемских пейзажей Каспара Давида Фридриха (Caspar David Friedrich).

Японец, исповедующий дзен (цзен), взволнованно стоит перед ним, а затем задает мне ошеломляющий вопрос: «Он прошел?» (проскочил, вне опасности — War der durch?). «Что Вы имеете в виду?» — спросил я. Не раздумывая, он ответил тремя вопросами: «Боялся ли он смерти? Не видел ли смысла также и в бессмыслице? Не жил (был) ли он под знаком всеобщей любви?»

Больше не бояться смерти, видеть смысл, который находится по ту сторону смысла и бессмыслицы (абсурда) этого мира, и проповедовать любовь, которая не имеет больше ничего общего с симпатией и антипатией, — это признаки (знаки) мудреца (мыслителя), познавшего (превзошедшего) мир.

Итак, японец не мог объяснить взволновавшую его прозрачность произведения искусства иначе, как знаком того, что художник нарисовал этот пейзаж в состоянии просветления (озарения), т. е. в состоянии человека, который воедино слился с реальностью (действительностью) надпространственной и вечной сути, и с позиции естественного «Я», т. е. непросветленного (неозаренного) имеет ту парадоксальную установку на жизнь, при которой человек не боится больше смерти, не испытывает отчаяния из-за несправедливости мира и одухотворен любовью, которая больше не зависит от условий (обстоятельств). И то, что это «прошел ли» (Durch) было наполнено тройным смыслом (значением), вовсе не случай, вовсе не личное мнение, а свидетельство

универсальной структуры жизни вообще.

О бытии, как потусторонней (надмирной) жизни, которая вторгается в нашу земную жизнь и пронизывает всю ее, мы не смогли бы ничего сказать, если бы не встречались с ней в нас самих и во всем живом в трех «видах», т. е. в ее триединстве. А сознание триединства бытия, «составляющего» суть нас и всех вещей, есть условие и ключ к познанию, форме (образу) и завершению, имеющих силу, к кому бы или к чему бы они не относились. В каком же смысле можно говорить о «триединстве»?

Все, что живет, хочет жить и живет силой, которая дает способность жить и сопротивляться превратностям жизни, т. е. выжить.

Все, что живет, не только живет, но и стремится обрести определенную форму (образ, облик). Оно не только как-то держится в этом существовании (Dasein), но и ищет определенно «так-существование» (So-sein). В образе (форме) и в том, что ей соответствует, живое имеет свой смысл. Все, что живет, живет и завершается не только силой жажды жизни и стремлением к определенному образу (форме), а силой, утверждающей единство и учреждающей единство, которая не дает распадаться всему живу тому (всему, что живет), связывает с целым, в котором оно участвует.

В этом триединстве, которое отличает жизнь всей жизни этого мира, обнаруживается (проявляется) потусторонняя ЖИЗНЬ, божественное бытие, которое царит и в нас, и во всем живом, в триединстве, имманентном ему: как никогда не иссякающая полнота бытия, как прототипный (первоначальный) порядок и законность бытия и как все покоряющее и всеобъемлющее единство бытия. В полноте бытия коренятся для человека сила, воля и любовь к этой настоящей жизни; в прообразе (оригинальности) бытия — воплощение (идея) сути и вытекающее отсюда стремление человеческого духа (разума) к осмысленной (рациональной) жизни и ее завершению в принятом (действительном) образе (форме); в единстве бытия коренится тоска души по любви, целостности и единению с самим собой, с миром и Богом.

В этом триединстве бытия, которое держит и движет все живое, коренятся также основные естественные (природные) стремления (желания) человека: жить обеспеченно и как можно «дольше», т. е. выжить, жить осмысленно (рационально) в структуре таких порядков и образований, где царят (здравый) смысл, ценности и справедливость, и жить в том целом, где он испытывает любовь и чувствует себя в безопасности.

На уровне сознания (восприятия) естественного «Я» основные стремления жизни означают волю (желание) выжить, т. е. волю к обеспеченной (гарантированной) жизни, стремление к осмысленной, т. е. праведной жизни, отвечающей собственной сути, и тоску по единению.

Расхождение с этими тремя основными стремлениями является причиной основных бед человека: страха перед смертью, отчаяния из-за бессмыслицы (абсурда) и безутешности одиночества. Человек страдает, если под угрозу ставится его жизнь, его смысл и защищенность в мире. Он страдает от этого «естественно» в той мере, в какой он идентифицирован с миром своего «Я», и не познал еще себя в своей сути, где бытие в своей полноте, законности и единстве представлено таким образом, который дает возможность испытать то, что есть жизнь, смысл и единство, и то, что противоречит им, совершенно иначе, чем в том случае, когда человек заключен в «Я». Да, именно беды (нужда, лишения), которые человек испытывает там, где основным стремлением жизни, понимаемым в смысле своего «Я» (Ichsinn), грозит опасность, т. е. основные беды существования человека становятся вратами познания бытия и образуют условия и фон «Великого опыта», т. е. опыта измерения, которое лежит по ту сторону бед и вызволяет человека из этих бед (X).

ТРИ ОСНОВНЫХ ОПЫТА

Опыт бытия — это такой опыт, который, вероятно, когда-либо выпадал на долю каждого из нас, но к которому мы чаще всего не подготовлены и поэтому не понимаем его значения и попусту тратим. Эти блаженные мгновения освобождения (избавления) часто выходят из величайшей беды (нужды), доводящей нас до черты. И именно эти «граничные ситуации» (предел) там, где человек переступил порог, могут привести к встрече с тем, что находится «по ту сторону».

В соответствии с тремя бедами (нуждой, лишением, необходимостью) человека существует в нас три основных опыта потустороннего, осознание которого внезапно (молниеносно) вызволяет нас из земной беды.

«На Земле мы боимся»..., но многие пережили, когда смерть совсем близко, например, во время ночных бомбежек, во время тяжелой болезни или в других ситуациях, когда грозило уничтожение, что как раз в тот момент, когда страх достигал своего апогея, когда смерть была неизбежна и рушилась естественная внутренняя защита, тогда, если человек добровольно смирялся и принимал, пусть даже только на долю секунды, неприемлемую для нормального человека ситуацию (с точки зрения «Я», которое всегда хочет остаться, он совершал абсолютно парадоксальный поступок), он молниеносно абсолютно успокаивался, неожиданно освободившись от всякого страха, и чувствовал, даже больше того, знал, что есть нечто и оно живое, и оно недоступно ни смерти, ни уничтожению, и не имеет ничего общего с тем, что на Земле называется «смертью». В одно мгновение ему стало ясно: «Если я когда-нибудь выберусь отсюда, то буду раз и навсегда знать, откуда и куда я должен жить (с чего начинать и как жить?)». Человек не знает, что это такое, что он переживает, не знает, кто это, в ком он на мгновение узнал себя, но он вдруг ощущает себя совсем другим и совсем в другой силе. Он не знает откуда и не знает зачем. Он знает только: «У меня есть сила, которую нельзя уничтожить». Здесь бытие

коснулось человека. Оно вошло в его сознание, т. е. бытие смогло стать сознанием, потому что естественное «Я» уступило и разбилась скорлупа, в которой он обосновался (устроился), и которой одновременно защищался (загораживался) от бытия.

Опыт, в котором человек в испытании (переживании) присущего (имманентного) ему по ту сторону смерти теряет страх, есть опыт, который дает человеку повод говорить о потустороннем (надмирном) бытии.

Вторая большая беда этой жизни порождает абсурд и нелепость, если она выталкивает человека за пределы отчаяния, которое еще можно было терпеть и доводить до порога безумия. Так например, в тех случаях, когда с человеком обращаются не по-человечески, а он не может защититься, когда он узнает (испытывает) такую меру несправедливости, которая стала уже непереносимой, когда он связан (привязан к) с человеком или увяз в обстоятельствах, которые просто-напросто нелепы (бессмысленны, нелепы, абсурдны). Здесь также, с точки зрения естественного, может быть парадоксальное событие — человек однажды делает то, что, придерживаясь своей обычной позиции, сделать не может: принимает неприемлемое. Некоторые испытали, что в тот момент, когда они уступали, говорили «да» абсурдной, но неотвратимой ситуации, им неожиданно открывался более глубокий смысл; смысл, не имеющий ничего общего со смыслом и бессмыслицей нелепостью) этого мира. Неожиданно человек чувствует себя перенесенным (поставленным) в непостижимый для него порядок. Ясность освещает его. Нельзя сказать, через что идет эта ясность (прозрачность), на (в) чем и для чего она. Это совершенно необъяснимо, но человек пребывает просто «в потусторонней (надмирной)» ясности, как перед этим «в потусторонней силе».

Существует еще третий опыт такого же ранга, а именно там, где человек, ввергнутый в абсолютное одиночество, может быть из-за потери близких спутников жизни, из-за исключения из своего общества и т. п., впадает в скорбь (печаль, грусть), которая превышает меру отпущенной ему выносимой безутешности. И если ему потом будет даровано осуществить неосуществимое и хоть на миг покориться действительности таковой, как она есть, т. е. снова принять неприемлемое, тогда может случиться, что он почувствует себя подхваченным как бы невидимыми руками, объатым любовью и скрытым в тайне, которая не может выдать, кто его любит или кого он любит. Так же, как раньше он находился в состоянии силы и ясности, так теперь он просто укрыт (спрятан) в потусторонней (надмирной) любви, и тем самым участвует в потустороннем (надмирном) бытии, превосходящем все его прежние представления о бытии (существовании), зарождающемся в нем, все воспринимающим и хранящим (IV).

ТРИ ВИДА САМОСОЗНАНИЯ

Триединство бытия, стремящееся в нас проявиться, есть исток (исходность, начало) человеческого опыта. Так как осознаем мы это или нет, но мы узнаем самих себя и мир всегда и везде в этих трех аспектах.

То же самое относится и к нашему самосознанию. В соответствии с триединством бытия, осознаваемом нами, существуют три формы самосознания. Бытие как полнота жизни выступает в виде самосознания силы (Selbst-Kraftbewußtsein), бытие как законность в нас в виде самосознания ценности (Selbst-Wertbewußtsein) и бытие как все связующее единство выступает в виде самосознания «Мы» (Selbst-Wirbewußtsein). Каждый раз, однако, самосознание означает нечто иное, в зависимости от того, укоренился ли человек в «Я», обусловленном миром и с ним соотношенным, т. е. считает «Я сам — мир» (Ich-Welt-Selbst), или он укоренился в абсолютной сути, превосходящей мир, т. е. имеет «Я», обоснованное в его сути, и это значит, что он присутствует только в своем земном или божественном начале, как это могло открыться ему в опыте бытия. Если человек укоренен только в своем мире «Я» (Welt-Ich), тогда его самосознание силы (Selbst-Kraftbewußtsein) зависит от того, что он имеет, знает и умеет, самосознание силы, основанное на сути, от того, кто он есть. Оно оправдывается как раз тогда, когда человек, с точки зрения мира, ничего больше не имеет, не знает и не умеет, и как раз тогда, когда ему угрожает уничтожение, он чувствует себя прочно обосновавшимся в другой жизни, его нельзя уничтожить в том, кто он есть. Это может быть даром Великого опыта.

Самосознание ценности (Selbst-Wertbewußtsein) «Я»-мира зависит от оценки человека другими людьми. Самосознание ценности, основанное на (в) сути, абсолютно не зависит от этого. Оно узнается как раз там, где мир отвергает человека, не понимает или презирает его. Это основа царской (королевской) независимости.

Самосознание «Мы» у человека с «Я»-миром (Welt-Ich) зависит от наличия надежных контактов, фактической связи с «Ты» и защищенности в обществе. Защищенность в «Мы», основанная на (в) сути, т. е. подлинное самосознание «Мы», познается как раз в моменты отторжения от мира, безутешной покинутости и в одиночестве. Как раз на фоне одиночества в мире ощущает человек, обретший основу (почву) в сути, свою принадлежность к некому надмирному целому, защищающему его, при этом человек охвачен любовью. Это тоже может быть непроходящим даром Великого опыта (XI).

МОГУЩЕСТВО, МУДРОСТЬ, ДОБРОТА

Опыт бытия есть опыт такого измерения, в котором человек превзошел и преодолел существование во времени и пространстве (raumzeitlich) со всеми его бедами. Человек испытывает себя в своей сути и благодаря ей в надмирной (потусторонней) силе, в мощи, о которой он никогда и не подозревал, в ясности мудрости, которая

ставит вопрос о смысле в совершенно другой плоскости, он одновременно познает себя (испытывает) в любви, которая затем изливается в доброте, полностью независимой от условий, симпатий и антипатий, от добра и зла, в том, что она (доброта) объемлет. Надмирная (потусторонняя) мощь, мудрость, доброта — разве это не те три великие «качества» («Свойства»), которые все религии приписывают своим Богам? К такому выводу с удивлением, наводящим ужас, может прийти тот, кто обнаружит эти три свойства в себе. Конечно, но высказать подобное разве не есть субъективизация и психологизация божественного или это опасная наглая заносчивость, поднимающая здесь голову? Ни то, ни другое! Это есть выражение того опыта, что мы в своей сути сами участвуем в божественном. Только до тех пор, пока человек остается прикованным к чересчур человеческим барьерам своего объективного (предметного) восприятия с центром в «Я» и к вытекающему из этого восприятия онтологическому понятию действительности, в круг которого входит и занимает определенное место непредметное (необъективное, нереальное) знание (познание), а не априорное и не сверхпредметное (потустороннее), как фактически все познается, до тех пор утверждение, что в основе он сам участвует в божественном, кажется человеку значимым. Как раз это участие в божественном бытии и надлежит познать и принять, и это не является признаком наглой заносчивости, а есть признак подлинного смирения.

Смирение имеет две стороны: одна, нам всем хорошо знакомая, гласит: «Не хотеть казаться больше, чем есть!» Другая, часто забываемая, говорит: «Не хотеть быть меньше, чем есть!» Это рассуждение и утверждение просто-напросто искажает смысл Великого Послания (Große Botschaft) и глубочайший опыт человека, когда его отождествляют с его «Я», оторванным от бытия, и когда его объявляют далеким от Бога и небожественным вплоть до самой его основы вместо того, чтобы признавать его право на божественность его сути и тем самым на царственность его человеческого бытия как основы характера. Ошибочным предположением неопытного человека является то, что познание нашей божественности якобы делает его «заносчивым» («высокомерным»), напротив, как раз оно-то и позволяет нам ощутить бесконечную дистанцию и провести различие между тем, чем стал человек под воздействием условий мира и тем, что он есть в сути своей (выраженный в своей сути) и чем он окончательно должен быть. Но никакая неправильная форма становления «Я», при которой человек, чуждый сути, упрямо стремится к владению (к собственности), к своей значимости и власти (силе), не может лишить его основы (ядра, стержня, сердцевины). Поэтому подлинное чувство вины и осознание грехов существуют не только по отношению к миру и человеку, но и в большей степени из-за неверности (предательства) этой сути (т. е. человек предает свою суть).

Поэтому осознание грехов и чувство вины могут создавать образ человека только там, где ответственным за создание образа недостает опыта бытия, чтобы установить мир «Я» (Welt-Ich), а даже и испытав это однажды, они не отваживаются признать это из страха перед наглой заносчивостью.

Мы должны освободиться от вводящей в заблуждение традиции, которая из страха перед опасностью заносчивого превосходства избегает гордого самосознания, царственной, в своей основе, сути, и теоретически рассматривает человека в неверной антропологии, которая, будучи слишком узкой, практически навязывает человеку чувство неполноценности. Человек, выросший в этой отрицательной традиции, который имел Великий опыт и осознал себя совершенно другим, также боится признаться, что он в этом опыте и благодаря ему приобрел ранг человека, который выше ранга человека, не имевшего опыта, или человека, которого не преобразовал опыт. Более высокий ранг? Разве это заносчивость? Это будет заносчивостью (высокомерием) только в том случае, когда тот, кто познал свою суть, и это «Больше», которым он теперь обладает, приписывает миру своего «Я» и засчитывает в свою пользу. Если же он отважится признать свое «быть больше» как личность подарком (даром) сути, то он правильно распорядится выпавшим ему на долю и сможет помочь тем, кто ищет это в себе, найти его. Грешен будет тот человек, который стоит в стороне от того, чем он в своей сути является от Бога, если он познает это, но не хочет допустить мысли об этом; но не грешен тот, кто воспринимает это с ощущением счастья, и как призвание с чувством собственной ответственности пытается выполнить то, что он переживает как предсказание (обещание), свойственное нам всем как детям и гражданам царства, принадлежащего не этому миру.

В качестве борются две силы: стремление сути проявиться в мире и самоволие «Я», которое в своем желании сохраниться, в своем восприятии ценности, в своей боязни боли и в потребности наслаждений сопротивляется желанию сути.

Поэтому прорыв к сути в опыте бытия также может иметь две стороны: избавление от тройной беды, которая приходит к человеку из его «Я», поставленного в центр, так как из-за этого человек терпит страх, отчаяние и безутешность в мире и от мира. С другой стороны, прорыв к сути может быть, очень просто и без особой нужды, светлым опытом обещания из сути, свойственного нам в нашей сути. Часы милости, опыта (познания) милости, однородной с нашей сутью. Мгновения всеохватывающего превращения! Совершенно неожиданно, совершенно без всякого повода человек чувствует, что он как будто бы стал совершенно другим и все вокруг — люди и вещи освещены другим светом, и свет этот идет из другой сути (середины, основы).

Важно осознать эти обе возможности: возможность опыта бытия, как поворота (перемены) беды; и опыта бытия, при котором как бы безо всякой причины, просто как подарок, суть входит в сознание, святясь как луч из другого мира, который освещает все другим светом (заставляет все засветиться другим светом). Совершенно непредвиденное вторжение представлено уже в соприкосновении с бытием, которое однажды дает нам возможность почувствовать дыхание бытия. Если всмотреться повнимательнее, то, конечно, обнаружится, что такому поразительному соприкосновению с бытием чаще всего предшествуют периоды страданий, когда человек

должен пожертвовать частью хорошо охраняемой собственности «Я» (Ichbesitz); предшествуют дни, когда он почти ломается на чем-либо неприемлемом; ночи слез, печали или страданий из-за бессмысленности или вины этого мира. Впереди добродетели Боги поставили тяжкий труд (пот) — перед входом в свое «царство» — оставление «царств» жителей этого мира.

КРИТЕРИИ ПОДЛИННОГО ОПЫТА БЫТИЯ

Опыт бытия (познание бытия) — это событие (переживание) той действительности, которая превышает природное (естественное) «Я» и объем этого понятия (понятливость), они связаны с действительностью парадоксально. Этот опыт изымает открывающуюся в нем сверхъестественную действительность из области голый веры и прибавляет ее в качестве особого знания к знаниям человека. Такие события происходят чаще, чем о них знают (чем кажется). Но лишь человек определенного уровня настроен на них и чувствует себя в действительности, открывающейся в этих событиях, в основе своей, как дома и чувствует себя обязанным им. Но что дает уверенность, что здесь получены поистине действительные знания и что человек не стал жертвой иллюзий и проекцией субъективных желаний и надежд? Каковы критерии того, что такой опыт есть действительно опыт другого измерения, т. е. действительный опыт (познание) бытия?

Существует пять таких критериев:

1. Характер его качества, который нельзя спутать ни с чем другим,
2. Особое излучение, сопровождающее его,
3. Превращение (преобразование, метаморфозы),
4. Рождение новой совести,
5. Появление противника (врага, дьявола).

КАЧЕСТВО БОЖЕСТВЕННОГО

Каждый опыт бытия и даже каждое соприкосновение с бытием имеет специфическое качество переживания Божественного.

Божественное — есть качество переживания (события), которое всегда, хотя может быть и очень нежно, дает почувствовать присутствие царящей во всем ЖИЗНИ через пелену непосредственно данного и совладающего в первую очередь сознанием. Оно затрагивает и объемлет нас, как своеобразно (странно) касающаяся нас аура, которая сквозь стену строго очерченного мира фактов вносит в сознание нечто, что распространяется на мир фактов и в нем говорит из сути всех вещей. В той мере, в какой человек останавливается на познанных вещах, в какой он в малых или больших связях фиксирует действительность (реальность) мира (Welt-Wirklichkeit) и перемещается в его устройстве (порядке), перестает он думать о никогда не фиксируемой колеблющейся реальности мира. Другими словами в его сознание не входит чудодейственная сила, постоянно расширяющая его основу, поддерживающая его жизнь, одухотворяющая и обновляющая, сила целостности жизни, присутствующая во всем. Но так как именно присутствие этого всеобъемлющего целого в форме и языке своей индивидуальности составляет ядро (основу, суть) каждого человека, то оно может, особенно, если оно слишком долго оставалось в тени, вдруг революционно и освобождающе войти в свет сознания и придать всему новое освещение.

Божественное есть качество, которое безошибочно и несомненно свидетельствует о присутствии другой действительности в сознании человека. Нет слов, чтобы дать ей название. Ее нельзя никак классифицировать. Она разрывает (выходит за рамки) любое слово, любое понятие, любой образ; она не является превосходной степенью особого чувства, направленного, прекрасного или доброго. Это нечто совсем другое, нечто, что может присоединяться ко всем чувствам мира (.Welt-Gefühle), настроениям, свойствам, вообще ко всему содержанию с условием, что они прозрачны как раз для совершенно другого, что не поддается описанию, что трогает нас в свойствах (качестве) божественного.

Божественное пронизывает содержание каждого религиозного опыта. В немецком языке этому нет названия. Слово «священное» («das Heilige») не совсем соответствует. Вероятно, все священное божественно, но не все божественное священно. Во французском языке есть два понятия: «saint» и «sacre», «sanctum» и «sacrum». Нам следовало бы говорить: священное (святое) и сакральное.

В нашей традиции священное (святое) связано с личностью: с личностью Бога, Христа, Божьей Матери, со Святым Духом или святыми. Создается видимость, как будто бы отход человека нашего времени от традиционной веры и тем самым от присутствия святых напугал его, и он не может допустить ни вообще Божественного, ни сакрального. Мы должны восстановить объективность (непредвзятость, естественность) относительно к переживанию Божественного, и даже больше, представить ему надлежащее ему место в иерархии познаваемых свойств (качеств).

Понятие «Божественный» шире, чем понятие «сакральный». В нем звучит амбивалентность (двойственность, противоречивость) трансцендентного, т. е. и темная трансцендентность. Ужасное, жуткое, таинственное, дьявольское тоже имеют Божественное свойство (качество).

Свойство (качество) Божественного может быть присуще всему. Его можно испытать (узнать) в природе, во встрече с человеком, в танце, в эротике, в искусстве [например, в те определенные моменты, когда слова

«Прекрасно» (schön) недостаточно]. Святое (священное), как определил Р. Отто (R. Otto), является одновременно ужасным и пленяющим (Tremendum und Fascinosum), что и трогает нас в нем. Это есть нечто, что нас, как говорит К. Г. Юнг (C. G. Jung), одолевает и силами притягательного, а также опасного, выводит нас из обычного пространства нашего «Я»-мира или увлекает (манит) в другое измерение, трансцендирующее горизонт нашего «Я», где нас ожидает нечто, что может уничтожить или спасти, пленить или освободить.

Но то, что трогает (затрагивает) нас в Божественном, всегда как-то возвышает нас.

Тревожная (жуткая) амбивалентность Божественного пронизывает сферу Учителя, провозвестника, посредника обещанного (предвещаемого), а также и разрушителя всего того, что становится у него на пути. Опасность висит в воздухе, опасность быть уничтоженным как старое «Я», но именно поэтому воздух полон и предсказанием (обещанием) нового бытия. И таким образом, инициальный путь, направленный на Божественное, постоянно сопряжен с опасностью и полон обещаний (предсказаний).

Божественное относится к основным свойствам детского переживания. У маленького ребенка жизнь еще целая и безраздельная, она присутствует как нераздельное целое. Если затем предметное восприятие (осознание) и его центр — «Я», осознавшее самого себя и свой мир, начинает просыпаться и расти, то единство в периферийном (краевом) сознании (восприятии) (Randbewußtsein), несущее одухотворяющее свойство (качество) переживания, которое и позднее продолжает жить во многих людях и вспоминаться ими как «блеск» (сияние) детства. Пока неразвито предметно-рациональное сознание (восприятие), которое создает факты (поступки и вещи Tat-Sachen), фиксирует в понятиях и ориентируется на их порядок, то решающим остается все переживание целиком, как у «примитивных людей», но пронизанное чем-то чудесно всеобъемлющим. Дальнейшее развитие предметного, создающего факты, рационального сознания (восприятия) происходит с потерей того настроения, о котором затем вспоминают как о волшебстве детства.

Но вдруг осознание (восприятие) простреливается как ударом молнии, что одним взмахом превращает окружающую среду в мир, отвечает на важный вопрос: «Что же это такое?», фиксирует пережитое и называет его; т. е. создает факты, при этом здесь может расцвести нечто, что как область открытий само может иметь божественное сияние. Так ребенок переживает попеременно два чуда: на фоне еще недифференцированного целого — чудо «мира», предметно возникающего, постепенно и одновременно с «Я», «мира», с волшебством всего, что, о чудо, есть в нем, с другой стороны, на фоне разумно (объективно) устанавливающегося мира, как многообразия фактов, он «instandlich» переживает чудо всеобъемлющего целого в божественном качестве (свойстве) ауры, пронизывающей все его переживания (X).

ИЗЛУЧЕНИЕ

Тот, кого коснулось бытие и кто отозвался на него, и прежде всего тот, кто как раз находится в опыте бытия, и кто впоследствии влеком (движим) им, имеет особое излучение.

В излучении проявляется сила, которая переходит горизонт нашего обычного сознания (восприятия). Нимб святых это не изобретение (выдумка) набожных художников. То, что люди большой прозрачности обладают излучением, которое может возрасти до конкретных световых явлений, есть неоднократно подтвержденный факт. То, что, чтобы его увидеть, нужен особый взгляд (глаз), так же мало умаляет его реальность, как свойства (качества) смысла (разума, чувства) умаляет то обстоятельство, что оно нуждается в нечто, что воспринимает его, чтобы оно вообще существовало. Но чувство, которое делает нас способными к восприятию этого особого качества (свойства), можно развивать. Для работы на этом пути, однако, важно научиться отличать излучение равного света, берущего свое начало в земных (мирских) настроениях, в радости или страдании этого мира, от другого, источник которого можно распознать в касании дыхания или в овеивании дыханием другого измерения.

То, что свет, имеющий трансцендентальное начало, превосходит нашу обычную остроту зрения, как определенные частоты колебаний превышают нашу нормальную способность к слуховому восприятию, известно (верно, очевидно).

Но для восприятия этого света нужно не только количественное увеличение обычной силы восприятия, но и создание качественно другого потенциала восприятия.

Там, где этот потенциал образуется, он представляет некую другую ступень восприятия. Существуют люди, слепые и глухие к бытию; так же как и люди, которые могут воспринимать такое излучение, и люди, не могущие этого, они не воспринимают ни своего, ни чужого излучения. Есть очень умные люди, глухие к бытию, и есть люди недоразвитые в умственном отношении, но обладающие большой восприимчивостью к бытию.

Дифференцированность души есть нечто иное, чем отточенность разума.

Так же как божественное качество (свойство) не есть превосходная степень обычного качества (свойства) чувства, так и свет излучения из бытия не есть оптический феномен (явление) в обычном смысле. Это — аура, которая, свидетельствуя о присутствии другого измерения, одновременно указывает на определенный уровень человека и, чтобы воспринимать его, предполагает наличие определенной прозрачности. Для того, кто способен ощущать эту ауру, в присутствии человека, пронизанного бытием, меняется «Воздух». Общая атмосфера, как свет и цвет, как звук, запах и тактильно осязаемая среда, имеет особый характер и прозрачна особым образом. И наоборот, воздух вокруг очень материального человека, т. е. его аура, непрозрачный, какой-то пастозный, часто

душный и немного грязный, беззвучный, без колебаний (сотрясений), духовно пустой, без одухотворяющей силы и имеет порой сочную полноту, но без глубины.

Излучение (Strahlung) есть нечто иное, чем «лучеиспускание» (Ausstrahlung) или «сияние» (Strahlen).

Существует приятное (блаженное) излучение, которое исходит от молодых людей, например излучение от молодой девушки, которая еще ничего не знает о зле (фальши) и шествует по жизни непосредственно и чисто. Но эта наполненность жизнью, о которой она не подозревает, которая присутствует только как обещание (предсказание), и составляет это излучение. Такое сияние сильнее всего там, где констатирующее сознание начинает ткать пелену незнания вокруг созерцающей души и где при приближающемся помрачении (затмении) бытие начинает светиться особым образом. Там, где упрочняются знания о мире, в котором все пережитое превращается в установившийся порядок вещей, блекнет свет из сути, так как бытие в «осмысленном» существовании прячется и затирается, и теряется в предметно понимаемом (воспринимаемом) мире, там взрослый (der Erwachsene) живет зачастую как доросший (Erwachsene) до света бытия. В дневном свете его восприятия мира померк свет звезды его сути.

Все вещи и существа имеют свое лучеиспускание (Ausstrahlung): растения, цветы, деревья, камни, все вещи, а также и люди. Такое лучеиспускание есть нечто вроде эманации пылевидной субстанции. Ее характер зависит, соответственно, от условий, так же как и атмосфера, исходящая от какой-либо вещи. В этом смысле все вещи, все существа и помещения в зависимости от обстоятельств имеют свое особое лучеиспускание. Так у живого оно иное, чем у мертвого, у старого — чем у нового, у больного — чем у здорового. И каждый цвет также имеет свое, своего особого рода лучеиспускание. И с этим соответственно связано и настроение, также и настроение помещения, настроение уютной гостиной отличается от настроения лаборатории. Люди обладают различным по тонкости ощущением этих многообразных видов лучеиспускания (Ausstrahlung).

Излучение, которое с прозрачностью, имеющейся в соприкосновении с бытием или в опыте бытия, входит в «суть», есть нечто особое (особенное). В нем нас касается сама жизнь, всегда по-другому (на другом языке), но всегда с одинаковым звучанием (тоном, тембром). Оно всегда имеет характер особенной чистоты, свежести и глубины. Как будто бы здесь проявляется вечная ясность бытия, которой изначально присуща прозрачность. Вероятно, самым трогательным примером этого является процесс преобразования (просветления) на лице только что умершего (усопшего). На нем есть свечение, как отсвет бесконечности. Блеск (сияние) сути уходит от него. И затем потрясающий переход к подлинной смерти, к трупу. Умерший рушится, сжимается (усыхает), погружается в себя (труп больше не является человеком). Прозрачность исчезла, и восковое, застывшее безжизненное тело лежит, как чудовище, такое не может больше отвечать ни внутреннему, ни внешнему голосу (миру).

И при распаде от него исходит запах тления.

Преобразование (просветление) есть выражение непосредственно познанного присутствия бытия благодаря прозрачности, проявившейся в полной мере в умирании (смерти).

Излучение, в котором заговаривает бытие, нельзя локализовать, оно находится по ту сторону всякой предметности (объективности). Его нельзя воспринимать со знанием, которое констатирует и удерживает. Так человек, охваченный рациональным сознанием, например, врач, который просто констатирует смерть, «не видит» преобразования, он, вероятно, говорит о «смягчившихся чертах», об «умиротворенном выражении». При этом он остается на поверхности конечного и относительного (условного). Для него закрыты глубина бытия, данного и отрешенного от всего относительного, величие Божественного, что становится здесь событием. Излучение бытия открывается нам только во встрече сути с сутью (существа с существом).

Так мы чувствуем себя, где бы оно нас не коснулось, затронутыми в самой своей основе чувствуем, что оно обращено к нам, чувствуем себя призванными в нашей истинной сути, призванными и присутствующими.

Но существует также и темное излучение. Это нечто другое, чем отрицательное лучеиспускание человека, несчастного, озлобленного, с плохим настроением или сходящего с ума от страха. Существует темное излучение трансцендентального характера. Это нечто ужасное, что там, где что-то злое, уничтожающее, имеющее потусторонний характер носится в воздухе, просто-напросто дьявольское, полное желаний все разрушить, сверхмерно злорадно ухмыляющееся «нет», которое глумится над всем, что излучает (есть) свет, т. е. сила, смысл, любовь. Это разрушающее излучение есть у людей, вещей и помещений, оккупированных (занятых) темными силами.

На инициальном пути важно развивать орган для отрицательного излучения, который показывает отрицательную трансцендентальность, также как и орган для положительного излучения.

Человек на этом пути должен прежде всего научиться распознавать свое родство с отрицательной трансцендентальностью. Тайную силу притяжения Зла. Дьявол (враг, противник) в нас, это — принцип, который ставит под сомнение или уничтожает жизнь в ее триединстве, как силы, смысла и единения (единства). У человека (есть) дьявол в теле. Только тогда, когда он это осознает, он может стать силой, которая хочет Зла, но творит при этом Добро!

Но существует также фальшивое (поддельное) сияние, исходящее не от сути, а от «Я», которое соблазнительно встало на ее место. Это фальшивое сияние исходит от дьявольски сверкающего света, который ослепляет, но не светит. Его сияние часто очень похоже на подлинное излучение. И все-таки это нечто абсолютно другое. Надежное различие подлинного и люциферского (дьявольского) предусматривает присутствие из сути. Человека, которым овладел мир «Я», легко можно ввести в заблуждение фальшивым светом, так как он всегда

имеет нечто притягательное и подкупающее для «Я»-мира. Но это холодный свет. В нем нет сердца. Он освещает человека вспышкой как обещание. Но это обман. Он лжив (ложен), плоский и за ним ничего нет.

Фальшивое сияние обнаруживается у людей, которые изначально каким-то особым образом рождены быть носителями света сути. Но так как они сами поставили себя на место проглядывающего (разгаданного) бытия, то оно не может пробиться (проникнуть). Пространство между ними и их сутью не урегулировано. Оно закрыто (заставлено) их самоуверенным, честолюбивым, властолюбивым «Я».

Так человек остается невыполненным (несостоявшимся) и его «сияющий» взгляд имеет нечто сверкающее и одновременно впитывающее (всасывающее). Через кажущуюся полноту мы ощущаем бедность (нищету) и пустоту, через наигранную близость и теплоту — нелюбезный холод дистанции и дрожь (озноб) безутешной изолированности, через требующую доверия настойчивость — смертельную опасность, убийцу в личине друга.

И несмотря на все это, такие люди с гипнотизирующим взглядом, со сверкающими зубами и располагающим выражением лица и прежде всего с их фальшивой улыбкой часто являются соблазнителями (совратителями) от природы (от рождения) (X).

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Что могло бы быть сильнее для доказательства «пережитого», чем то, что оно кардинально преобразует человека и одним взмахом заставляет его увидеть мир по-другому, начать новую жизнь и делает способным кардинально отличаться от того, как человек жил до сих пор.

Что могло больше заслужить оценку «действительно», чем то, что преобразует человека, испытывающего страх, в человека, который больше не боится смерти, из человека, приходящего в отчаяние от бессмысленности и несправедливости мира, в человека, который через весь абсурд ощущает более высокий смысл, из человека, погибающего в безутешности своей покинутости, в человека, который в ней испытывает (узнает) Великую безопасность (защищенность). Как можно отказать в характере действительности, а именно, в характере потусторонней природы тому, что порождает подобное преобразование в сверхъестественное поведение, познание и переживание?

Другое измерение, трансцендентальная действительность проявляется в жизни не только как избавитель от беды, как потусторонняя (надмирная) полнота и сила, освобождающая нас от страха уничтожения, как потусторонний (надмирный) смысл, избавляющий нас от абсурда, как все связующее единение (единство), спасающее нас от безутешного тотального одиночества. Оно проявляется также как действительность, внезапное возникновение которой «сбивает с ног» того, кто живет только как «Я»-мир и довольствуется порядком смысла и ценностей этого мира. То, что кажется человеку прочным и придает ему уверенность, оказывается в основе своей построенным на песке, то, что на первый взгляд кажется таким рациональным, не выдерживает испытания, оказывается в основе иллюзорным, а защищенность в обществе или союз с другим человеком поставлены под сомнение, и не скрывают ли они в правде суть и не симулируют ли исполнение того, что в основе является бегством от истиннейшего назначения (призвания).

Чистая совесть оказывается фасадом (личиной), за которым скрываются трусость (робость, нерешительность), ложь и вина. Ценности, которым старался следовать человек (не только эгоист), подвергаются в своей сути сомнению не только потому, что твердые позиции и так уж противоречат ему и неизбежно влияют на причины совершившегося, но и потому, возможно, что он упустил основное требование (желание) бытия стать очевидным в мире путем постоянного преобразования бытия в его триединство.

Человек должен своими силами выдержать (выстоять) существование, придать ему смысл, иметь (создать) и сохранить свою общность (свое общество). Но точно в той мере, в какой он хочет установить и застраховать себя в определенной форме, у него появляется, как только он открывается бытию, рано или поздно резкое ощущение своих все опрокидывающих требований (притязаний). Для христианина решающим критерием того, что раскрывается в опыте бытия, в меньшей степени есть опыт избавленности от бед этого мира, чем призвание к «наследованию» (преемству), т. е. к деятельному (активному) раскрытию для присущего нам «царства, не принадлежащего этому миру». На Земле (в мире) он боялся уничтожения, принимая на себя смерть, а теперь он узнает царство, где нет смерти. В то время, как он принимает на себя абсурд, муку глубочайшей несправедливости и бессмысленности, т. е. принимает для мира «Я» («Я»-мира) неприемлемое, позволяет тьме сгуститься над собой, в нем появляется свет, который не принадлежит этому миру. И наконец, когда он выстрадал одиночество, последнее непереносимое одиночество, он познает избавление в «возвращении домой» в любовь бытия. Как бы ни воспринимал верующий христианин избавление человека от вины через страдания и смерть Иисуса Христа, способ понять это вытекает только из принятия всерьез (Ernst-nehmen) следующих положений: «Мое царство не принадлежит этому миру», «вы — мои братья», «я подал вам пример». Если человек следует примеру Христа в принятии неприемлемого, он познает (узнает) это царство и благодаря конкретному «подражанию Христу» испытывает избавление от последствий своего обособления (изоляции, уединенности). Он принял с рождения данную ему милость, что он является «этим» в основе своей сути, и в отказе от всех притязаний мира «Я» на выживание, смысл и безопасность познал блаженство своей сути, скрытой в надмирности (потусторонности), сути, в которой он никогда не был свободным.

Другой вопрос, как долго человек может выдержать чувство этого избавления, выпавшее ему на долю в

его опыте бытия. И еще один вопрос, насколько эта интерпретация «избавления через Христа» проходит мимо (не затрагивает) традиционно теологическое.

Поскольку она с одной стороны имеет в виду «естественного» человека, а с другой, хочет видеть только чудо, то между обеими интерпретациями нет связи (моста). Но поскольку и теологи признают «ядро (основу) человека», как нечто, что выходит за его пределы как «слово», от рождения присущее человеку, то не имело бы смысла рассматривать преобразующее переживание (узнавание, испытание) этого слова обособленно от возможностей человеческого бытия. Если допускают это, то устанавливается контакт (связь) для понимания подаренного человеку Христом (Христосом) контакта, от наличия которого зависит все для поколения, которое ищет религиозные основы своей жизни и ничего не хочет знать о «чуде» в понимании (смысле) «Я»-мира. В познавшем бытие противоречие между рассудочным человеком и верящим в чудо ликвидируется (сохраняется).

РОЖДЕНИЕ НОВОЙ СОВЕСТИ

Любой подлинный опыт бытия содержит блаженное переживание освобожденности от узости и нужды всей обусловленности (условности) мира, и тем самым содержит нечто от счастья полноты, о которой человек и не подозревал, от счастья бесконечного смысла и надмирной (потусторонней) защищенности (безопасности). Но действительно «настоящим» является только такой опыт бытия, когда он идет вместе с рождением или обновлением совести, т. е. означает не только освобождение, но непременно налагает и обязанности (обязательства), и готовит или возрождает (возобновляет) к новой жизни, проникающим и определяющим смыслом которой отныне и впредь будет «внутренний путь». Имеется в виду путь превращения в состояние, благодаря которому человек становится все более способным засвидетельствовать (подтвердить) то и служить тому, что он на мгновение пережил (испытал) в своем опыте бытия, как дающее силу, смысл и меру. Это есть обязательство к инициальному пути. Совесть, просыпающаяся при этом, есть абсолютная совесть.

Существует три вида совести: первая, детская совесть исходит из страха перед наказанием. Этот вид совести имеет большее значение, чем обычно думают. Сюда относится страх перед адом, а также страх перед последствиями плохой или лживой жизни, кармическая совесть.

Второй вид совести познается как голос целого, к которому человек принадлежит как часть (звено, член). «Бытие целого есть долженствование его членов» (ср. Психология общества. Новые психологические исследования, 1926. *Psycholog! der Gemeinschaft, Neue psychologische Studien*, 1926).

Беспорное единство с человеком, обществом, делом, идеей, произведением, существующий союз и обязательства проявляются в «угрызениях совести», как только перестают автоматически действовать под его сенью (в его смысле), как только отказываются от этого единства или «предают» его (становятся «неверны» ему). «Верность — мозг чести» (Hindenburg). Если нарушают верность, то теряют и честь, и это означает потерю своей личности (своего существования), т. е. «идентичности» как члена того круга, условием и критерием принадлежности к которому является верность.

Третий вид совести — абсолютная совесть. Она познается (проявляется) там, где более высокая инстанция вынуждает человека сделать нечто, что оставляет позади себя первый вид совести и исключает второй вид совести, требуя при известных обстоятельствах (при необходимости) неверности, предательства, скандала. В этом виде совести властно проявляется требование сути, которое отменяет все связи и обязательства этого мира: «пусть мертвые хоронят своих мертвецов». И этот вид совести полностью осознается (воспринимается) в опыте бытия, как и наоборот, где она захватывает человека, там сама свидетельствует о присутствии бытия.

В повиновении абсолютной совести речь не идет о старом конфликте между страстью (склонностью, симпатией) и долгом, а речь идет о долге, обоснованном «страстью нашей сути» относительно страсти и долга в мире и относительно (по отношению) мира. Познание (опыт) и укрепление этой совести безусловно относятся к «инициальному пути».

ПОЯВЛЕНИЕ ПРОТИВНИКА

Странно, что опыт бытия неминуемо активизирует (вызывает к жизни) дьявола (сатану). Там, где проявляется суть, возникает антимир (мир дьявола, сатаны). Дьявол — это сила, которая нарушает или разрушает угодную Богу жизнь. Чем однозначнее и безоговорочнее человек находит дорогу к потустороннему (надмирному) и начинает служить ему, тем вероятней появление дьявола, пытающегося сбить человека с пути истинного. Это не благочестивая легенда, а факт опыта, который нельзя разрешить психологически. Если человек получает благословение через свой опыт бытия, то не проходит и 24 часов, как с ним происходит (случается) нечто такое, что портит ему благодать настроения, в которое, освобождая и обязуя человека, привел его опыт. Это случается с ним извне, не как психологическая компенсация, которая по закону уравнивания (выравнивания) подчас заставляет счастье, бьющее через край, превращаться в депрессивное состояние или печальное настроение в веселость, внешне необоснованную. Удар приходит извне: нападение, обида (оскорбление), тяжелое известие, несчастный случай, кроме того, здесь всегда начинают говорить о роковом искушении. «От избытка уста глаголят». И это жаль, так как блаженная тайна живет, пока ее хранят. Нарушают молчание и выпускают ее наружу, исчезает ее благословение (благодать).

Очень распространенным примером деятельности (игры) дьявола являются наркотики. Не случайно, что в тот момент (и не раньше), когда люди на Западе, и особенно молодежь, впервые широким фронтом открылись опыту бытия, появился дьявол (искуситель) и протянул наркотики: «Смотри, ты можешь получить это более легким путем, получить прекрасное ощущение, возьми немножко этого вещества, и тебе не надо затрачивать никаких усилий, чтобы пережить это мгновение». И молодежь попадает в сети искушения без усилий получить прекрасные ощущения (переживания) и это вместо внутренней работы, т. е. не затрачивая никаких усилий, которые законным путем в процессе превращения делают возможным то, что обещают дать ощущения, связанные с наркотиками без затраты усилий, незаконным путем; расширение обычного восприятия мира в способность познать потусторонность (надмирность) в ее избавляющей (спасающей) и созидающей полноте.

ПРОЗРАЧНОСТЬ

Каждый опыт бытия означает превращение — превращение, как мгновенное событие (переживание) и превращение, как призвание. Превращение, заданное в опыте бытия, стремится (нацеливается на) к Великой Прозрачности (проницаемости), к прозрачности для трансцендентности, присущей человеку. Прозрачность означает состояние (расположение духа), в котором человек способен воспринимать потустороннее (надмирное) бытие, присущее его сути, и проявляться (открываться) в себе и через себя в своем мире. Лишь в этой прозрачности человек становится собственно личностью.

Бытие как все оживляющая сила, как власть изобразительной силы и свет проявляется в триединстве своей полноты, воплощенности и единения, создающих жизнь, в состоянии прозрачности больше то в одном, то в другом аспекте.

Во всех трех способах (видах) излучение бытия затрагивает (касается) нас по-разному, в зависимости от степени зрелости человека. Но подлинно ощутимым, осязаемым непостижимым образом бытие становится только в непрерывном движении трех видов (способов), в которых оно раскрывается человеку. Этот смысл открытого бытия сам есть, однако, способ раскрывающегося (становящегося очевидным, явным) бытия. Для только земного (мирского) смысла (разума) потусторонность (надмирность) закрыта навечно. И так в триединстве трех видов понимания бытия, возможного только для человека, можно видеть не только человеческий мотив (вид, способ), но в определенной мере и встречу бытия с собой в сознании (восприятии) человека.

В этой встрече бытие раскрывается человеческим образом и имеет для человека, запутавшегося или заблудившегося в своеобразии своего предметного (реального, объективного) восприятия, избавляющий и созидающий характер.

Там, где бытие как полнота входит в сознание, состояние прозрачности познается как сила присутствия бытия, сверкающего в своей созидающей потенции. Человек, переживающий это, словно ощущает божественный *elan vital*, чувствует в избытке жизни, распирающей его, как обновляющие, так и формосозидающие формулы жизни, хранящие и обновляющие силы глубины. Он познает все это подобно бесконечному потенциалу, который, протискиваясь в сознании, почти взрывает его. А в подлинном опыте бытия человек переживает это все совершенно независимо от своего положения в мире. Да, именно это характеризует Великую прозрачность, то, что опыт бытия, раскрывающийся в ней, полностью независим от всех соответствий (эквивалентов) в существовании, обусловленном временем и пространством. Полнота (избыток) бытия познается как власть (мощь), богатство и сила как раз в состояниях бедности, бессилия и слабости. И таким образом бытие в своем задающем смысле воплощении (идеале) возникает как раз в полном отчаянии бессмыслии мира, входит в сознание, как все пронизывающее и охраняющее единство (единение), именно в состоянии наибольшей покинутости и одиночества. Подлинная прозрачность означает победу над миром с его опасностью, абсурдом и жестокостью и над соответствующими этому состояниями страха, отчаяния, печали. Да, прозрачность для потусторонней жизни — это словно ребенок смерти в маленькой жизни и ее носителе, маленьком «Я». Это так на протяжении всей жизни и заканчивается физической смертью, когда на человека нисходит величие большей жизни.

Опыт (познание) бытия — это звезда, вокруг которой вращается религиозная жизнь всех религий. И как бы он не назывался, какие бы особые не существовали представления, связанные с этим опытом, в зависимости от канона духовной и религиозной традиции, он, хотя и отличается по глубине, постоянству (длительности) и окраске, в сути своей всегда тот же, называется ли он *Satori*, *Samadhi* или *Präsentia Dei* (Сатори, Самадхи, присутствие Бога).

И всегда, и повсюду существует он, как мимолетное событие или как событие, которое навсегда придает человеку новый образ (вид, форму); он существует как временное состояние или длительное настроение, сохраняющееся часами и даже целыми днями.

И в зависимости от готовности уровня и степени зрелости человека он существует либо как мимолетный взгляд встающего ото сна в предметном восприятии, либо как окончательное прозрение к новой перспективе.

Но озарение (просветление), будь оно одноразовым или повторяющимся, длительным или краткосрочным, не создает еще озаренного (просвещенного) человека, милость (пощада) не создает человека, преображенного милостью. Таким образом, следует отличать переживание (событие) от превращения, инициальный опыт от инициального пути, который только готовит к этому опыту, кружится (вращается) вокруг этого опыта и познанное в этом опыте воспринимает как призвание к превращению.

IV ПУТЬ

ОПЫТ БЫТИЯ И ПРЕВРАЩЕНИЯ

Там, где человек приходит к познанию (опыту) сверхъестественного бытия, там это может означать событие (переживание) преображения (превращения), которое на 180° изменяет смысл жизни.

Там, где ось жизни из глубины естественного человеческого существования поворачивается (обращается) к новой основе жизни, основе, которая познается на фоне естественного существования в мире, как сверхъестественное бытие, человек получает знак (знамение) нового призвания (назначения). Но только там, где человек способен воспринимать опыт очень глубоко и серьезно и поддаваться ему так, что он становится импульсом для новой жизни, человек вступает на путь. В сверхъестественном, которое человек познал при этом, он чувствует, что впредь его будет нести и питать, формировать и призывать, направлять и защищать та жизнь, что объемлет его и согласуется в основе с его сущью.

Подлинный опыт (познание) бытия обнаруживается и реализуется (исполняется) лишь в послушании зову (призыву) действительно превратиться в того, кем человек ощутил (познал) себя на мгновение в опыте.

Тогда человек ощущает себя и свой мир прогрессивно (поступательно) определенным действительностью, которая как сверхъестественное бытие не только осчастлиливает его, но и берет к себе на службу.

Осчастливленный (облагодетельствованный), но одновременно и исполненный новой ответственности, он вдруг чувствует себя предназначенным и призванным к тому, чтобы открыть мир и себя самого, познавая, любя и формируя с более глубоким смыслом и чтобы основательно преобразовать. Его жизнь не находится теперь в натянутых отношениях между соблазном и требованиями мира, между страхом и послушанием далекому Богу, а находится в пути к постоянному освобождению божественной силы, присущей ему и раскрывающейся в нем, и которая постоянно избавляет человека не только от бед (нужд) этого существования, но делает созидающим для угодного Богу преобразования мира, за который он несет ответственность.

Единение с бытием как переживание (событие), опыт (познание) божественного происхождения (начала) в звездный час нашего существования есть возможное начало и исходная (отправная) точка пути к превращению человека, смыслом которого является прозрачность, развивающаяся проницаемость всего человека для бытия, присутствующего в его сути. Смысл Великого опыта, в который входит «Я», заключается не в его полном разложении (распаде, смерти), а в превращении. Превращение в прозрачность — это задача внутреннего пути. На этом пути человек должен научиться постоянно среди «Внешнего» воздавать должное «внутреннему», не только своему «внутреннему», но и всех вещей.

Там, где бытие и суть воспринимаются только как противоположность «Я», соотнесенного с миром и им обусловленного, там человек находится под обаянием естественного мира «Я», сознание которого все воспринимает в противоположностях, и очень наивно разделяет бытие в противоположности друг к другу и ощущает как взаимное противодействие (антагонизм). Подлинным плодом единения человека со своей сущью является новый жизненно важный способ существовать; способ, при котором надпредметное (сверхпредметное) бытие и суть, а также восприятие, подчиненное им, решающе определяют жизнь таким образом, что имеющееся естественное сознание понимает (воспринимает) себя как «мирское» своей позиции в преддверии храма, на службе которому он должен выдержать испытание, подготавливая и закрепляя опыт (познание).

Преодоление восприятия, вызывающего противоречие между миром и сущью, происходит только как результат длительного процесса становления. Лишь только тогда, когда человек действительно созревает в личность, сливаются мир пространства и времени и потусторонность (надмирность) так, что мир «Я» становится все прозрачнее для сути, а она все более просвечивающей в мире «Я».

В состоявшейся (полной) личности (Voll-Person), которая охватывает оба полюса, все больше совпадают прозрачное и просвечивающее, и человек, познавший это, может сказать о себе: «Глаз, который видит меня, и глаз, которым вижу я, это один и тот же глаз».

Тогда в силу нашей прозрачности стала очевидной в нашем человеческом бытии трансцендентность, присущая нам.

Самоосуществление у человека происходит не так, как у растения — само по себе. Оно является ответом на обращение (зов, вызов): «Я позвал тебя по имени, так как ты мой». Зов, призывающий человека в его неповторимости (исключительности), т. е. совершенно личным и индивидуальным и обязывающий к новой жизни, который звучит в опыте бытия, нужно четко отличать от зова домой (Heim-Ruf), содержащегося также в этом опыте.

Человек, который затерялся (потерялся, заблудился) в этом мире, должен вернуться в отцовский дом. Для того, чтобы остаться в нем и перестать быть личностью (потерять свое лицо). Это по-восточному (с точки зрения Востока). По-западному и по-христиански, как мы это понимаем, человек в этом возвращении теряет только свое заблудшее «Я», чтобы в качестве свидетеля отца зародить новое «Я», которое снова выходит в мир как

индивидуальная личность, через которую звучит призыв бытия, спасающий мир и созидающий (VI).

Но кто знает свое имя? Человеку не просто срастись с заданным ему образом. Сначала он должен открыть себя в сути и открыть путь самоосуществления, заданный ему этой сутью. Затем его осуществление нуждается в ответственном сотрудничестве самого человека. Без этого он не может приобрести предназначенную ему форму, но без постоянно углубляющегося опыта (познания) сути его участие исказило бы правильную форму (не достигло бы правильной формы). Верная форма искомой прозрачности ни есть проницаемость подходящей формы, а есть формула «умри и стань», в которой человек постоянно жертвует всем ставшим (сбывшимся, состоявшимся) для новой жизни. Вырасти в этой формуле и дорасти до нее, как до способа осознанного существования и личной свободы, и есть смысл пути.

ИНИЦИАЛЬНЫЙ ПУТЬ И МИСТИКА

Путь, смыслом которого является подлинное «Я» (собственная личность), человек, преобразующийся для проявления бытия в существовании (жизни), это есть «инициальный путь», т. е. путь, открывающий ворота тайного. Тайное — это во всем есть именно то, что живет, сокровенная (тайная) жизнь и бытие. Это есть то, участие в чем и составляет суть всех вещей. Это есть всеохватывающее целое в его присутствии в «части», которое придает ему жизнь и смысл. Индивидуальный способ (вид, образ), которым охватывается целое присутствие, говорит и взывает в живом существе, и составляет его суть, тайную середину (сердцевину), вокруг которой все вращается, из которой все исходит и о проявлении которой, в конечном счете, и идет речь. Это всеохватывающее целое входит в сознание (понимание) в соприкосновении с бытием. Оно разрушает ограду порядка, в котором замкнулась (ушла в себя) личность, страшась бытия, приспособилась к миру и сама ищет путь своего свершения. Тем самым начинается нечто совершенно новое. Оно открывается как возможность, предсказание (обет) и обязательство, как превращение всего человека для службы бытию.

И тогда это есть жизнь, которая постоянно вращается вокруг опыта (познания) бытия, постоянно заново освежается (подпитывается) в соприкосновении с бытием, и которая направлена на то одно, что необходимо.

Общим между инициальным и мистикой является кружение (вращение, обращение) вокруг опыта (познания) бытия. Как и у мистика опыт бытия есть и остается светом жизни и всегда даром милости, который человек получает без заслуг. Его нельзя сделать. Но на инициальном пути ученик постоянно активен и под руководством Мастера (Учителя) занимается тем, чтобы благодаря этому опыту осознания формировать себя и повышать свой уровень и для превращения в духе этого опыта. Он работает над тем, чтобы планомерно верными упражнениями готовить себя к новому уровню человеческого бытия, к более высокой ступени, поскольку он поднимается над естественным (природным) уровнем, на котором человек живет и действует «незнающим и неопытным», хотя может быть и доброжелательным, и самоотверженным, но глухим к бытию. На новую ступень человек попадает, когда его связь (соединение) с абсолютным вспыхивает не только в случайных переживаниях (событиях) и основывается в целом только на вере, но когда она основывается на присутствии трансцендентности, которая постоянно углубляется, все более длительно пронизывает человека, осознанно воспринимается и культивируется им.

На инициальном пути человек работает над структурой, существующей больше, чем мгновение, т. е. над общим построением (общей структурой), которое делает возможным и гарантирует прозрачность для всех движений его тела, вплоть до малейших. Полное переживание Божественного, конечно, и для него всегда является неожиданным даром (подарком) милости, однако на инициальном пути человек ищет и приобретает знания о человеческих условиях возможности ее действия. Он все более осознает сопротивление, которое он оказывает действию милости, и работает над длительной структурой, заключенной в упражнении и упрочившейся в нем, над структурой, соответствующей (отвечающей) этому дару милости тем, что поддерживает его в постоянном превращении, которое, будучи таковым, свидетельствует о слиянии (становлении единым) с Великой Жизнью (IX).

СМЫСЛ ПУТИ

Прозрачность, приобретаемая в пути, есть иная прозрачность, чем первоначальная предличностная (вогpersonal) прозрачность, в которой Великая Жизнь проявляется еще неизменной (не искаженной), как у ребенка. Нечто от этой первоначальной (исходной) прозрачности слышится (ощущается) на всех ступенях сознания (восприятия). Она обнаруживается в «Да», которое лежит в основе всего переживания, и в «да» жизни, которое постоянно неосознанно сопровождает его. В этом «да» в сути сознания (восприятия) проявляется «elan vital», неосознанно (инстинктивно) движущая все живое. В «да» присутствует потусторонняя (надмирная) жизнь, как питающая, несущая и многообещающая сила, как основной тон общего настроения (настроения). Там, где человек, однако, настолько ожесточился (очерствел) в независимости своего существования, что этот основной тон больше не слышен, там бытие перестает «побуждать» («поощрять») его к дальнейшему росту. Это человек, который просто бездушно влачит жалкое существование. Там, где «да» из-за разочарования в жизни и крушения планов (обмана) неосознанно превращается в «нет», там человек прогорает («вылетает в трубу») и почва уходит у него из-под ног.

Он впадает в депрессию, им овладевает страх, такой страх головокружения, как будто бы он падает в

засасывающую его пустоту или его охватывает страх перед удушьем (страх удушья), как будто бы он должен лопнуть и не может. Или он без видимого повода впадает в состояние изнеможения, печали или нервного смятения. Но как раз на фоне таких мгновений он внезапно может осознать то, что отрицательный характер основного качества — его переживания раздельностью (разобщенностью) от сути. И он может, если у него есть для этого соответствующий орган, вдруг предугадать (предчувствовать) в специфическом качестве глубины своего страдания от разобщенности с потусторонней жизнью именно эту жизнь, скорбно присутствующую в его отсутствие.

И многие как раз из состояния мучительного «нет» через качество Божественного, связанного с этим «нет», пришли в глубоком волнении снова или скорее впервые к осознанию «да».

У стойкого (несломленного) человека это происходит, само собой разумеется, неосознанно. Сломленный человек имеет шанс в этом «да», если оно снова входит в сознание и как фактор присматривается к обновленному восприятию (сознанию) почувствовать созидающе действующую полноту бытия, которое властвует в жизни человека и стимулирует ее.

Но и человек, которого на определенном уровне несло от «да» к жизни, который узрел суть, испытывает (познает) основополагающую перестройку основного «да» (Grund-Ja). Вместо естественного и несомненного жизнеутверждения появляется сила, которая совсем иным способом окрыляет его, и которая же в высшей степени и угрожает ему. Она как будто бы постоянно несет его на волосок от пропасти, над ущельями и вершинами; все время он ощущает опасность быть либо снова низвергнутым в долины естественного мира, либо быть вознесенным в далекую от жизни духовность, в которой человек, оторгнутый от Земли, не нужен и Небу. «Да», заявляющее о себе в соприкосновении с бытием и становящееся в пути все отчетливее, делает в конце концов истинным Великое «Я есть», искра которого, начиная вспыхивать в человеке, представляет жизненный ландшафт в совершенно другом свете (озаряет совершенно другим светом).

Путь есть способ, которым человек постоянно разжигает искру бесконечности, присущую его конечности, принимая свои страдания конечными (как конечные). Вспышка (вспыхивание) бесконечного постоянно предполагает угасание (догорание) в конечном.

Это есть огонь (пламень), пожар, в котором человек в формуле становления своей сути заново познает себя и каждый раз заново начинает жить и умирать (умирать и воскресать).

Но не существует постоянного вращающегося в царство Великой Середины. Путь не ровен. Он начинается с крутого обвала (обрыва). На нем встречаются бесчисленные ловушки, преграды и пропасти, которые нужно преодолеть. Постоянно человек возвращается с высоты совсем другого (Ganz-Anderen), где он находился одно мгновение, в форму жизни своего естественного «Я» или выплывает из глубины тайного на поверхность обычного (привычного). И каждый раз только полный (тотальный) поворот, отчаянный прыжок вводит его в царство его подлинной сути. Это опасная жизнь особого рода, которая не знает покоя, но получает свою благословенную тишину оттого, что человек ни к чему не привязан, а повинуется без сопротивления закону превращения (преобразования, метаморфоз). Это требует другого человека, чем этого требует мир. Поэтому мир человека, вступившего на инициальный путь, тоже иной. Как только в человеке начинает раскрываться бытие и преобразовывать человека, преобразуется (превращается) и его мир.

Человек, осознанно вступивший на путь, испытывает (познает) себя при всем несовершенстве не только в более глубокой соединенности с Божественным, но и все больше и больше направлен (нацелен) на потустороннее и все больше и больше выражает это потустороннее. Именно поэтому он все болезненнее воспринимает «остающееся небожественным». Каждый опыт, который вносит в сознание все большее единство его сути с Божественным, заставляет почувствовать его величие (величину, размер) дистанции, которая отделяет его, как человека целого и постоянно заключенного в мир «Я» от формы существования, соответствующей Божественному. И таким образом, в пути вынужденно возрастает его смирение (покорность).

В пути никогда «не доходят». Приближение к цели замечают по тому, что она постоянно отодвигается. До тех пор, пока не становится ясно (понятно), что путь и есть сама цель, т. е. то состояние (духа), которое гарантирует продвижение вперед, никогда не кончающе-избавляющее «Умири и воскресни».

Путь, начинающийся с опыта бытия, подразумевает все новый прорыв к сути, который делает человека способным все больше превосходить свершенное, оставлять завоеванное (полученное) и отказываться от фасада (видимости), в котором мир его «Я» удерживается, отражается и сохраняется в ролях, которые оно («Я») должно играть в мире, но одновременно человек получает способность расставаться с привязанностями (связями), в которых он успешно и в соответствии с бытием действовал (проявлял себя). Так как человек изменяется, то в пути он получает призвание к выполнению все новых задач. Так как он становится другим, он начинает видеть по-другому и другое. Привычное освещается новым светом, а соприкосновение с бытием, которое, если вдруг неожиданно затрагивает обычного человека, то пугает и даже, возможно, сбивает его с пути, для человека, вставшего на путь, это соприкосновение все больше и больше становится постоянным и надежным источником очищения, поддержки и обновления.

В пути постоянно выявляются прасобытия всей жизни. Неразделенная полнота первоначального (исходного) единства бытия попадает в самой себе в полярное напряжение, разваливается (разламывается), отмежевывается, выходит из самой себя на полосах, и на них же противостоит сама себе, сначала не теряя окончательно единства, как всеохватывающего целого. Но чем больше стороны целого обособляются (становятся

самостоятельными) и становятся чем-то собственным, тем больше целому грозит опасность, но она же грозит и отдельным звеньям (частям, составляющим), которые, будучи лишеными жизненных корней, пытаются замкнуться в себе, полагаясь только на себя (ставя на себя), стать независимыми и потерять свою зависимость (несвободность) от бытия, живого только в целом, и тем самым потерять почву (основу) своего существования. Стать в большей или меньшей степени жертвой этой опасности есть прасудьба (Urschieksal) человека. Это происходит как прародделение в момент рождения упрямого (своевольного) «Я», которое в силу своего рационального, т. е. фиксирующего восприятия, в котором человек создает и свой мир в теоретическом распознавании и в практической «константе», направлено на самого себя и выявляется из целого. Это ведет, в конечном счете, к испытанию на разрыв союза (тесной связи) с бытием. Тогда в отождествлении с «Я» есть «Я» и хочу им остаться, будучи отличным от другого и, защищаясь от него у человека в восприятии (сознании) пропадает единство с бытием, которое он, однако, никогда не теряет в своей сути. Стремление, тоска и воля снова открыться в новом восприятии (сознании) тому, что было закрыто в прежнем сознании, но оставалось в сути стоять у истоков (в начале) инициального пути. Ворота к этому пути раскрываются, когда бытие, в котором он участвует, оставаясь в сути, врывается особым опытом в его далекую от бытия и ставшую мучительной форму существования, и мука его вытесненной сути превращается во многообещающее счастье его освобождения и осознанности (осознания). Получается, что как будто бы дробление первоначального и неосознанного целого постоянно является предпосылкой новой жизни, которая в совершенно новом восприятии самой себя впервые становится собственной, что она в перспективе преобладающего восприятия (осознания) упустила из виду.

Первоначальная (исходная) и обязательная тесная связь с бытием означает также опасность, что человек, предназначенный быть независимым (самостоятельным), открывая свою прародину, не выходит из своего праединства (Ur-Eins). Бытие, как Великая Мать, не отпускает его или снова и снова возвращает его в себя (к себе). Человек постоянно стоит на распутье между стремлением к свободе независимой формы (Ян, Jang) и путем назад (Инь, Yin) в матерински-хранящее пра (Ur).

Чтобы действительно стать личностью, он должен стать независимым (самостоятельным) и отделиться от матерински объемлющей и постоянно призывающей вернуться к себе працелостности. Но, чтобы при всей независимости остаться цельным (целым) человеком, он никогда не должен полностью терять связь с питающей его материнской почвой. Это древняя тема человеческого становления, которая заново встает на всех ступенях его развития. Чем выше ступень (уровень), тем больше напряжение, а также и необходимость интеграции (слияния) материнской «основы» (почвы) и мужской самостоятельности (независимости), которая восстанавливает праединство в человеке (IX).

СОПРОТИВЛЕНИЕ НА ПУТИ

Человек, который действительно выбрал инициальный путь и вступил на него, даже не подозревает о тех препятствиях, которые ему придется преодолеть, если он хочет остаться верным выбранному пути. Чем дальше он продвигается, тем суровее становятся испытания, и неисчислимы способы, которыми дьявол пытается помешать человеку найти единство с созидающей, избавляющей жизнью и засвидетельствовать его в мире, что и является смыслом внутреннего пути.

Смысл пути — это жизнь. Соппротивление есть все то, что заставляет человека останавливаться.

Смысл пути есть самовоплощение из сути. Соппротивление есть все то, что в человеке противостоит этому самовоплощению.

Смыслом пути является человек, ставший проницаемым для сути. Соппротивление — это все то, что мешает этой проницаемости. Сюда относится прежде всего индивидуальность (самобытность, самостоятельность) мира «Я», как в виде первичного «Я», так и в виде (форме, образе) завершенной личности.

Инициальный путь нацелен на все более глубокий опыт и на все большее свидетельство цельности (целостности) жизни в ее триединстве, т. е. в полноте, законности и единстве (единении).

Каждая ступень, которую проходит человек в процессе своего естественного развития, входит в целое его самостановления. И самые ранние фазы остаются до конца в этом процессе. Что было однажды доминантой, до конца играет свою партию в вечно некончающейся симфонии жизни. Но каждая ступень, как каждая струна, имеет звучание, свойственное в свершающемся целом только ей; если это звучание становится слишком громким, оно нарушает колебание (гармонию, вибрацию) целого, и от всех уже пройденных или покоренных (достигнутых) ступеней исходит регрессивное (обратное, возвратное) сопротивление в форме (виде, образе) упрямо сохраняющихся старых импульсов, инстинктов (влечений), привычек и способа поведения, которые следовало бы преодолеть.

Прежде всего это так трудно преодолеваемое сопротивление первичного <<Я>. Оно охватывает животную сторону человека, завышенная оценка которой есть постоянное сопротивление всего одухотворения, полное же отрицание этой стороны мешает росту в пути жизненных соков. Первичное «Я» проявляется прежде всего в тенденции сохранения жизни. Если эта неосознанная тенденция начинает бурно развиваться, она начинает противоречить смыслу пути. Но ее полное отсутствие делает невозможным дальнейшее продвижение. К первичному «Я» относится еще принадлежность (уложенность — Noch-eingebettet-Sein) к праколлективу, царящая власть (das Uroborischen) Великой Матери. Это — зачастую трудно распознаваемое сопротивление на

пути, которое сказывается в так естественно проявляющихся страстных стремлениях и желаниях иметь уютный (приветливый) домашний очаг, в стремлении к общности, к церкви, к монастырю, к тихой долине и т. д. Все это — способы сбиться с пути, если есть условие, что человек предназначен к самостановлению и решился на это. Но если человек полностью теряет свои корни в материнской почве, то он засыхает и становится бесплодным. Каждый раз заново разрешать (снимать) напряжение между созидающей мужской самостоятельностью (независимостью) и женской расторгающей связанностью есть постоянная проблема пути как на естественном, так и на инициальном уровне.

К первичному «Я» относится воля победить мир (одержать верх над миром) и стремление к удовлетворению элементарных инстинктов (влечений). Там, где его обманывают (где срываются его планы), там человек становится бесплодным, там, где его переоценивают, он перестает созреть дальше.

В период полового созревания (возмужание) человек осознает (испытывает) себя как мужчина или женщина, в первой самовстрече (Selbst-begegnung, встрече с самим собой) с сутью. Здесь впервые возникает озарение, которое лишь позднее полностью осознается в инициальном скачке (прыжке)!

Время полового созревания для многих становится предшественником инициального пути. Из первого соприкосновения с трансцендентностью молодой человек впервые познает «мир» как сопротивление потустороннему (надмирному), просыпающемуся к человеческому пониманию; статический (застывший) порядок взрослых, трезвая рациональность, обезличенные обычаи (традиции), враждебность общества к индивидуальности, завышенная оценка (переоценка) успехов (достижений), отрицание души — так снимается с утренней зари царства не этого мира серый покров облаков, представляющих мир взрослых.

Насколько уверенно здесь познается эта реальность взрослых, как сопротивление раскрытию сути, настолько ограничение ее прямого доказательства в здравом мире деловых успехов и принятия его требований относится также к становлению деятельной личности; и упрямое отстаивание точек зрения и стойкость импульсов, которые естественны (законны) в период полового созревания, может означать сопротивление на инициальном пути, так как он подразумевает раскрытие (расцвет) целого, даже если это происходит и в постоянной связи с сутью и со служением Божественному бытию.

Пробуждение (прозрение) к познанию, что требование, являющееся само собой разумеющимся для мира «Я», также и на ступени (уровне) личности, выдержавшей испытание в служении миру; требование основывать жизнь на «постоянном», на признанных ценностях и установленном порядке, на правде жизни, которая никогда и нигде не является установленной (постоянной) относится к первым шагам на трудно осуществимом пути к полной зрелости человеческого бытия. Почему? Разве этическая жизнь и личность, надежно в ней проявляющаяся, не должны быть наивысшими? «Пробуждение» к этому познанию, если оно действительно осуществилось (состоялось), не является только теоретическим пониманием. Это жизненно важное пробуждение, отрезвляющий шок (удар)! Мир, создающийся на порядке, соотношенном с ценностями, и личность, выдержавшая в них испытание, должны неожиданно перед действительностью превращения сути, действительностью, столкнувшейся со всем свершенным и хорошо упорядоченным (организованным). Если вся полнота обещания (предсказания), содержащегося в познании и оправдывающего его, и вся тяжесть обязанностей, содержащихся в нем, серьезно принимаются и воспринимаются, оно может стать порогом, смелое перешагивание которого является началом пути. Но именно с этого момента начинают громоздиться препятствия (сопротивления), возникающие из противоречий прочно существующих привычек, требований и соблазнов этого существования (земного) и требований потустороннего бытия, заявляющего о себе в инициальном пробуждении (прозрении). Воздать ли им должное или отрицать их? Т. е. либо — либо? Нет. И так, как так и? Нет. Что же остается? Только интеграция, в которой мир и бытие, присутствующее в сути пробужденного, становится смыслом жизни в мире (XI).

ГЕРОИЧЕСКОЕ СТРАДАНИЕ

Велики страдания человека, который в застывшей форме сопротивляется ходу развития (становлению) жизни, требующей от него превращения при переходе со ступени на ступень.

Чем большего уровня (ступени) он уже достиг для восприятия воли бытия, тем ужаснее мука, которую готовит человеку его независимое и упрямое «Я», в том случае, если он при этом не может повиноваться, освободиться от всего и дать место волне бытия, ищущей в нем свою следующую форму. И еще глубже становятся страдания, если человек не понимает легитимности — все нового напора бытия и думает, что должен оказать сопротивление или героически выносить тяжесть (гнет), и не замечает, что он ведь сам создает ее, и не ощущает, что как раз его героическая и готовая выносить страдания позиция и создает все новые страдания. Он не понимает, что то, что угрожает ему сейчас как темная сила, и грозит разрушить его изнутри, если вновь вырастающая жизнь, которая наталкивается на форму свершившегося. То, что кажется темным, есть неудавшийся свет. И однажды должна случиться катастрофа (крушение, крах). Тут существует только смелое освобождение и доверчивое позволение (разрешение), полный поворот в осознании того, что сопротивляется жизни, а это всегда нуждается в нашей согласии и содействии, чтобы иметь возможность проявиться в нас и в следующей форме, предназначенной для жизни.

Отчаяние в познании (испытании) границы есть ворота к великому последнему выбору решения. И в крахе собственного порядка, в котором, как человек думал, он надолго «сформировал» себя, свой мир со своими

умениями и знаниями, со своими идеалами и ценностями, он хочет сохранить старые позиции. Да, как раз сейчас мир «Я» еще раз испытывает силы, которые служили ему всю жизнь, до полного истощения (пока полностью не иссякли). Старое «Я» еще раз громко протестует. Оно убедительно изобличает кризис жизни как час слабости, призывает дать отпор и апеллирует к «чести». Или оно заманивает искушением возбуждения самых низменных инстинктов, и с ужасом ощущает человек в час этого испытания несломленную силу импульсов, которую, как ему казалось, он давно преодолел. Еще раз наглая заносчивость своенравного и упрямого духа человека призывает к отказу от проторенных путей: «Но должно же все идти разумно! Должна же существовать справедливость! Я должен сделать это сам! А если это все потом оказывается безнадежным, то человек пытается осуществить по меньшей мере хотя бы «королевское отступление», при котором он «по собственной воле» отказывается от самого себя (берет все на себя)! Решительно пытается освободить он душевное пространство (душу) своего собственного «Я» от всех нитей, которые связывают его с миром, который так плох, и он, тайный король, гордо и одиноко пытается устоять (выстоять) против целого мира (света), на который он взирает явно свысока. Все напрасно. Страданиям нет конца. Время (час) требует чего-то другого!

Оно требует, чтобы человек радикально и без оговорок (безусловно) преломил позицию (положение) своего «Я». Ужасающе ясно может вдруг это жуткое требование возникнуть перед человеком (перед глазами человека). И если зашло настолько далеко, что перед человеком открывается неизбежность этого требования, то он пытается прибегнуть к последнему действию собственной воли.

Он готов к прорыву, но пытается еще силой собственной воли распахнуть ворота, за которыми ему кажется будет совсем другое (Ganz-Andere).

Он сам теперь требует нового, которое обещает (предсказывает) ему спасение, и он со всем пылом и силой своей воли, решившейся стоять до последнего, бросается навстречу новому, на которое он возлагает очень большие надежды. Он ждет, как будто бы ему отныне что-то причитается (полагается), что, так как он сам этого хочет, то новое самым услужливым (послушным) способом откроется ему. Но ничего ему «не причитается». Также и эта преданность (самоотверженность Hin-Gabe), ведомая упрямством, это замечательно задуманная (желаемая) самозадача не ведет к цели, и именно потому, что человек все еще хочет сделать сам и все еще хочет сделать что-то для себя.

Здесь все, чего хочет человек добиться или что он хочет завоевать с помощью своей воли, напрасно (безрезультатно, тщетно). Царство (господство) воли разрушается, где начинается сфера (область) сути. Но, чтобы действительно ощутить эту границу, человек, который так долго упорствует, видимо, должен сначала исчерпать все для примирения и готов, наконец, присоединиться (подчиниться) более высокому. И лишь только тогда пора (пришло время). И если, наконец, человек целиком отдает себя этому, отказывается от своего своеволия (упрямства) и от «Я»-сам (от собственного «Я» личности), тогда он может, положив руку на ручку (створку) ворот, испытать (познать), что ворота в свободу, которые не поддаются его натиску, открываются вовнутрь, и через них вдруг устремляется свет жизни! Тогда это и есть миг великого превращения!

Потрясенно познает себя человек неожиданно в совершенно другом измерении, плененный силой, которая несет его, по-новому затрагивает (волнует) его самым глубоким образом и по-доброму охраняет его. Испытывая величайший восторг, он познает в себе не поддающееся разрушению ядро (стержень, суть), чувствует все охватывающий порядок, и в момент мнимого все-уничтожения (Alles-Vernichtung) ощущает себя новорожденным (заново родившимся) во все охватывающей жизни. Человек, который здесь «пробуждается», стоит на новой почве, в новом порядке и перед новым началом. Все вокруг него новое, и он ощущает себя снова совсем другим, но в этом другом, как никогда прежде, он чувствует себя действительно «самим собой» (он сам).

Он впервые действительно ощущает неповторимость своей сути и одновременно силу, воплощенность и защищенность бытия. Это — Великий опыт, который может быть даром отчаяния, выросшего в подлинную самозадачу, переживанием нового рождения из сути, превращением из независимого положения «Я» в существование из сути. В этом опыте человек проходит через ворота к жизни, по сравнению с которой все прожитое в осознании собственного «Я», существовавшее до сих пор, было лишь предварительным этапом и подготовительным классом. Опыт одаривает человека, которого он в корне преобразует, во второй раз плодами с древа познания. Первый раз осознание самого себя и сила послужили ему для предметного (объективного) познания. В силу этой возможности он достиг вершины своей независимости (самостоятельности), в которой его особенность, которой он обладает как человек, завела (загнала) его в тупик обособленности (уединения, изоляции). В той мере, в какой сила соблазнила его к самопланированию (Selber-Planen) и делу (деланию), к самопознанию (Selber-Erkennen) и к склонности к самовластию, из-за которого он потерял, в конце концов, свое соприкосновение с бытием, в той же мере его манера относиться к жизни стала противна бытию и привела к гибели. Внезапное познание и великое возвращение (Große Heimkehr), которые выпадают на долю человека в прорыве, как внутреннее озарение и поворот, возвращают его из самовластия самобытия его «Я» и оторванности от сути на более высокой ступени к великому единству (единению). Если человек не падает, то эффективная (действенная) сила этого единства проявляется теперь в движении, в котором, поскольку человек не упал (остался, на позже), он в ритме развития, соответствующего сути, в ритме соприкосновения с бытием, сам подтверждает (удостоверяет), созидающе и избавляюще, дыхание Великой Жизни (II).

То, что мир «Я», вращающийся вокруг постоянного (несомненного), изменяет осознание потусторонней жизни и мешает прозрачности, оказывается в конце «хитростью (коварством, уловкой) жизни». Поскольку жизнь в человеке хочет осознать самое себя, ей необходима стена (преграда), на которую она наталкивается, противоположная форма, на фоне которой она выделяется, в которой и на которой жизнь может осознать самое себя и стать явной (очевидной). Без среды, отражающей луч, он никогда не становится светом. Каждый шаг в конкретизации «Я», которое повернулось к миру и отвернулось от бытия, содержит поэтому не только опасность нарастающего отхода (отпадения, спада) бытия, но и в возрастающей мере шанс — осознать себя из (в) страдания от отчуждения. Этот шанс, правда, существует только в той мере, насколько человек не поддается искушению приблизиться к бытию, зарождающемуся в нем и проникающему в его сознание теми средствами (способами), которые удаляют человека от бытия. Это не получается при помощи средств предметного (объективного) сознания (восприятия). И это не получается посредством форсированного повышения и дифференциации тех даров разума (духа), которые имеют обыкновение понимать (осознавать) жизнь с точки зрения научной постижимости и классифицировать ее соответственно ценностям. Это не удается и уму (духу), который делает возможным теоретическое проникновение в книги мудрости, в религии и в эротические трактаты. Только совершая прыжок (скачок) в совершенно новый способ познания самого себя и мира, как действительности, скрывающей, но одновременно открывающей бытие, мы можем освоить (открыть) новые горизонты. Предметно непостижимое не может быть воспринято (охвачено) с так далеко зашедшей утонченностью предметного восприятия! К тому, что лежит по ту сторону границ нашего обычного восприятия (сознания), нельзя подходить с теми средствами (мерками), что приняты по эту сторону. Мир звуков, звучания из бытия нужно слушать другими ушами и отвечать на него другим тембром (звучанием), чем тот, что нам близок (хорошо знаком). Но именно ощущение несоответствия (несообразности) соотнесенных с миром способов слушания и повиновения может помочь развить чутье для нахождения способов восприятия, соответствующих бытию. Врач, воспринимающий все с медицинской точки зрения, может однажды с ужасом обнаружить, что его предметно фиксирующий, спрашивающий и изучающий взгляд, делающий пациента объектом, не только скользит мимо личности его визави, но просто отпугивает страдающего субъекта как личность, и тогда он, вероятно, может переключиться на совершенно новую позицию, которая сочувственно (соболезнующе) допускает, разряжает (снимает напряжение) и побуждает открыться человека, которого никогда нельзя предметно «зафиксировать», и на следующем этапе, хотя это бывает редко, может коснуться его в его сути и открыть его. То, что он познает при этом (выигрывает при этом познании), касается совсем другого измерения, которое как таковое нельзя понять (постичь) абстрактно, но, отзываясь в том же измерении во враче, оно может вызвать целительное слово или жест, которые показывают, что познание означает здесь не предметную дистанцию, а слияние в одно (единение, im Miteinander), которое, преобразуясь создающее и избавляющее, оказывает свое воздействие. Это предполагает прыжок в другой способ человеческого бытия и настоящую (подлинную) мутацию на пути становления личности, созревающей в соединении (единении). Превращение, которое проявляется в этом становлении, сильнее, чем то, которое происходит с человеком при переходе к половой зрелости. Но оно каким-то образом связано с ней (родственно ей).

ПРИНЯТИЕ ТЕМНОГО

Человеку на пути к своей соответствующей форме существования (жизни) приходится многое замалчивать, что в основе своей хотело бы говорить, многое держать взаперти, что хотело бы быть свободным, многое вытеснять, что хотело бы существовать (жить). До тех пор, пока это не обнаружится, не познается, не проявится во всей полноте, и не учитываются последствия и затраты оправдывающегося порядка, любое существование (жизнь, здание жизни) — это колосс на глиняных ногах. Там, где человек начинает предчувствовать прозрачность, как нечто подразумеваемое, он должен неустанно искать, где он сам, будучи тем, кто где-то прочно обосновался, препятствует ей (стоит у нее на пути). Он не может проникнуть в нее, совершая сложные духовные манипуляции. Он должен постоянно как «Я», т. е. как уверенный в себе хозяин положения, «входить» с тем, чтобы он мог стать внутренне «чистым» и чтобы суть могла «раскрываться» в постоянном движении превращения и чтобы личность могла стать прозрачной. Спротивление мира «Я» (Welt-Ich), удерживающего свою позицию, становится особенно отчетливым в каждом соприкосновении с бытием, которое существует больше, чем миг. Но для человека, утвердившегося в своем мире «Я» и занимающего благоприятное положение в своем обществе (сообществе), нет ничего более трудного, чем услышать голос глубины, угрожающий его положению, услышать его, слушать его и повиноваться ему.

Это относится также и к первому опыту (познанию) великого света, так как этот опыт есть в высшей мере тревожный (тревожащий) опыт. Для его исполнения необходимо превращение. Условием подлинного превращения, отличительной чертой которого является остающаяся прозрачность, служит погружение в мир теней и на темное дно как раз после того, как однажды (один раз) увидели свет. Но как раз тогда, когда нам кажется, что до расцвета жизни рукой подать, что мы уже видим великолепие его красок, воспринимаем его аромат и думаем, что мы уже можем срывать цветы, как раз тогда-то мы и должны отказаться от этой попытки. Еще и еще раз мы должны принять вызов нашей тени. Только так мы можем завоевать (получить) легитимацию решительного

превращения, которая возникает только из встречи с метафизическими силами глубины, в которой человек, будучи охваченным ими, познает и восстанавливает (интегрирует) их. Действительная прозрачность (ясность), в которой бытие окончательно проявляется как свет, который поглотил в себе все противоречия между светом и тьмой, предполагает смерть в абсолютном потемнении (помрачении, мраке). Ему, однако, предшествует тот опыт света, в котором человек познает первое освобождение от нищеты (убожества) своего мира «Я». Опыт (познание) бытия, который впервые освобождает человека из плена своего «Я» и уносит его в потусторонность, манит человека остаться там, однако вызывает к жизни опыт (познание) «темного», которое также мало можно психологически редуцировать, как и свет, впервые освобождающий человека. Только из встречи со светом и его отражением (противоположностью) может появиться тот свет, который ждет нас в самой глубине по ту сторону всех противоречий, по ту сторону светлого и темного.

СТРАХ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ

Уклад (образ) жизни и структура сознания (осознания, восприятия), которые отделяют человека от подлинного (настоящего), могут быть более или менее прочными и плотными. Но они могут стать неожиданно на длительный или краткий срок проницаемыми. Причиной этого могут быть внешние события или внутренние толчки, порывы, которые пробивают брешь в покрове «прекрасного уклада (порядка)» «Я». Небольшое несчастье (неудача), испуг, краткий миг блаженства, подъем — повсюду на мгновение может появиться прозрачность. Тогда из запертой глубины может прорваться что-то новое, которое, возможно, на короткое время опрокидывает весь жизненный уклад и вводит человека в совершенно новую действительность, т. е. ввел бы, если бы он знал, о чем идет речь. Но чаще всего человек лишь предугадывает (предчувствует) даль (простор) неизвестного ему измерения. Он не знает, что оно принесет ему, он не подготовлен или не созрел для перемены судьбы. Он не понимает также, чего оно требует от него, и ему страшно. Начинает действовать автоматический защитный механизм, он снова изолирует человека, и волна жизни, готовая способствовать превращению человека, которая на мгновение вознесла его, иссыкает, не принося плодов, в старом, уютном порядке (укладе). От того, примет ли (допустит ли) окончательно человек новое, зависит все.

В зависимости от уровня своего развития каждый человек имеет определенную степень свободы раскрыться глубине, звучащей в нем, или положиться на защитный механизм, принять глубину, зовущую его, или сопротивляться ей. Но чаще всего в подсознании человека сидит страх перед силами, а именно не только перед силой, мешающей ему, угрожающей его сегодняшней жизни, перед своей тенью (призраком), но и перед мощью новой жизни, сконцентрированной в ней. В своей тени (призраке) он часто боится проявления непрожитой жизни, которая из-за того, что он вытеснил (прогнал, предал) ее, стала злой и ехидной, боится больше, чем отказа от старого порядка, так как еще больше, чем разрушения того, чему угрожает тень (призрак), боится человек жизни, вытеснение которой создает тень (призрак). Еще в большей степени, чем из-за агрессивности, скопившейся в силах тени (призрака), подвергается сомнению вся уютно устроенная жизнь человека из-за того нового, которое может раскрыться лишь в том случае, если он освободился от этой агрессивности. Сопротивление, направленное против преодоления и интеграции тени (призрака), имеет корни двух видов: забота о сохранении существующего, т. е. страх перед его разрушением, и страх перед «новым», которое, если убрать существующее, проявится и займет его место. Например, спадает маска благочестивости и проступает звериный лик (XI).

ТЕНЬ

Неохотно подчиняется молодой человек обществу благоденствия (достижений), в котором он должен играть роль полезного и хорошо пригнанного звена организованного коллектива и при этом должен отказаться от признания и оценки своей индивидуальности и от исполнения своих стремлений, поднимающихся из глубины сути, свидетельствующей о ней. Позиция, будь она удачной или неудачной, которую человек находит и совершенствует в структуре своего общества (сообщества), есть фон, на котором только и можно постичь в соответствии с переживаниями, чем, собственно говоря, является инициальный путь, на котором человек подтверждает освобождающее и обязующее, созидующее и избавляющее присутствие «другого измерения», которое перешагивает горизонт не только первичного эгоцентрического «Я», но и горизонт личности, отказавшейся от своего «Я». Опыт потустороннего бытия превышает все земные (мирские) связи. Но повиновению зову, идущему из этого опыта больше, чем все другое, противится отрадное вращение (натурализация), не меньше, чем тягостная зависимость в структуре общества. Да, чем больше человек находит смысл и отрадное исполнение своей жизни в деле, служении, любви как раз там, где он служит безличностно (без «Я», *ichlos*), тем больше в постоянном преодолении своего маленького «Я» он ощущает себя обязанным более высокому бытию. Что хочет он еще? И, действительно, ведь самоотверженная служба ценностям прекрасного, подлинного и доброго, и «образам», их воплощающим, бескорыстная (отказ от «Я», *ichlos*) служба близким, обществу и миру, есть способ, в котором на этой ступени обнаруживается другое измерение в преодолении (обгоне) и вытеснении «Я», одержимого поисками центра, жаждущего власти, боящегося боли и жадного до наслаждений. Здесь «этот мир», где человек становится совершенной личностью, превращается для него в место, свободы действий и расцвета целостной формы человеческого бытия, в которой уже кажется возможным исполнение того, что вообще может

выпасть на долю человеческого бытия. Так удовлетворительная и соотнесенная с миром размещенность (распределенность) в порядке (укладе) этого мира составляет главное сопротивление расцвету (раскрытию) другого царства (мира) в то время, как наоборот, отказ, столкновение с обществом, его противоречия, разочарования, пережитые катастрофы часто, казалось бы парадоксальным образом, помогают открыть ворота в другие измерения.

Нахождение в целостности общества, «бытие» которого определяет также «долженствование» его членов, соответствует первоначальной (древней) потребности человека как «социального» существа, связанного с «Ты» и с коллективом. Эта первоначальная потребность, исходящие из нее импульсы, а также претворение этой потребности в жизнь, представляют собой противоречие и тем самым сопротивление назначению (определению) засвидетельствовать (доказать) потустороннее из самой сути, т. е. из основы своей индивидуальности и свободно от всяких связей. Насколько уверенно служащая и принимающая сохранность (расположенность) в целостности коллектива (от семьи до государства) соответствует стороне и ступени становления человека и является наиболее достижимой для него, настолько уверенно означает оно там, где абсолютно внедряется, препятствие проявлению потусторонней сути, возможному в индивидуальном обнаружении, но ни в коем случае не там, где общество принимает враждебный человеку характер современного общества потребления и благоденствия.

Как раз сегодня, когда враждебность сути обществу так очевидно достигла своей кульминации, важно осознать сопротивление «повороту к сути», которое оказывает человеческий коллектив просто потому, что его состав требует безупречно функционирующего сотрудничества всех его членов и тем самым вынужден перешагивать через отдельного человека. Между «Я», представляющего себя миру в тысячах ролей, и индивидуальной сущью, стремящейся в нем к выражению, стоит тень (призрак), бесчинствующая в подсознании. Эта тень (этот призрак) препятствует как безупречной (бесперебойной) деятельности мира «Я», так и развитию (расцвету) сути. Таким образом, без устранения тени (призрака) нет надежного продвижения по инициальному пути.

Под тенью мы понимаем совокупность жизненных импульсов, относящихся к целостности человека, но не допускаемых (разрешенных). То вытесненное, что стремится к свету, чаще всего угрожает более или менее гладкой поверхности, т. е. красивому фасаду, обращенному к миру, воспринимается как «темное».

С одной стороны тень состоит из оставшихся неразвитыми черт врожденного характера, из вытесненных уже в детстве первоначальных импульсов и естественных пражеланий человека, например, быть свободным, утверждать себя, найти понимание, любить, с другой стороны из неразрешенных (подавленных) ответных реакций на подозрения, обиды, нападки со стороны злого мира. Таким образом тень — это целый пучок экспрессии, агрессии и взрывов. Тень показывает также противоречие между обусловленной обществом формой мира «Я» и не допускаемой индивидуальностью сути. К тени всегда относится (принадлежит) напирательная, еще не осознанная, еще не разрешенная и оттого угрожающая уже свершившемуся, жизнь. И поэтому, как бы парадоксально это не звучало, основной тенью человека является собственная суть, всегда стремящаяся к проявлению, суть, которая вытесняется уже свершившейся, сохраняющейся миром «Я» формой. Другими словами, тень мира «Я» в той мере, как оно вытесняет из своего порядка (уклада) потустороннее бытие, имманентную трансцендентность, и есть именно эта трансцендентность. Итак, это есть присущее нам присутствие того, кто сказал: «Мое царство не от мира сего», кто назвал нас братьями, и призвал нас следовать ему. Того, кто и в нас тоже, кто пришел, принесся не мир, но меч, того, кто смог крикнуть нерешительным (колеблющимся): «Пусть мертвые хоронят своих мертвецов», и того, кто сказал своей матери: «Женщина, какое мне до тебя дело?» Он есть присущая нам в нас самих тень, просто как досада, как страх хорошего (добропорядочного) бюргера, фарисея. Христос в нас — неразрешенная жизнь, неразрешенный путь, неразрешенная правда, является для плененных миром, а также и для «хороших» просто тенью сути (основной тенью), т. е. она грозит разрушением хорошо устроенного порядка. В «тени» есть великое обещание (обет), а не нарушенный свет! Тень, воспринятая как нарушенный свет, может быть также светом в образе того, что мешает ему. Тогда там, где рушится стена, нужда в вытесненном (изгнанном) может превратиться в успешный опыт жизни, сдерживаемой в этом изгнанном. Тень — это не только сила, угрожающая разрушением существующему, но и темная, т. е. угрожающая нашей сегодняшней форме сторона света, обещающего нам обновление.

Тень возникает чаще всего уже в детстве. Ребенок проявляет (обнаруживает) изначальную веру в жизнь. «Изначально» предполагает здесь «до всякого опыта», не обусловленный опытом, но predeterminedный и несущий, несущий из еще ненарушенной защищенности бытия. Если конституционные (физические) или окружающие факторы (обстоятельства), при которых развивается ребенок, соответствуют сути, и если они, на языке ступени его развития, т. е. его данного на данном этапе самоуклада (уклада личности) и уклада мира, обеспечивают ребенку соприкосновение с сущью, то превращение доверчивого настроения и изначальных импульсов в уклад сознания взрослого человека происходит без надлома. Тогда у человека появляется естественная уверенность в себе, сила побеждать трудности (добиваться победы), естественное осознание собственной ценности и несомненное чувство сопричастности со своим поколением. Нерушимой сохраняется вера в основной порядок (уклад) жизни, и как бы сама собой развивается способность к открытым (свободным) контактам и преданной (самоотверженной) любви. Однако условием для всего этого является то, чтобы вещи и люди, окружающие ребенка, не противоречили, а соответствовали изначальным стремлениям (желаниям, требованиям) и своеобразию его сути. И тогда становление «Я» оказывается удачным, так как человек строит здание своего «Я»

неоторванно от корней бытия. На основе этого возникает общее отношение (позиция) к жизни, при котором молодой человек сохраняет уверенность в себе даже тогда, когда терпит неудачу или крах, выполняя задачи или оказывая сопротивление жизни (миру). Несмотря на постигающие его разочарования в жизни, он сохраняет свою веру в смысл и порядок жизни, и благодаря своей защищенности в самой своей основе, несмотря на случайную (временную) изолированность, он сохраняет контакт со своими близкими (окружающими), с миром и с Богом.

Но если ребенок в детстве разочаровался в изначальных чувствах доверия, веры и защищенности из-за несостоятельности ключевых фигур, то он оказывается предоставленным самому себе. И это означает больше, чем просто «психологический срыв», так как связь с основой, формирующей и разрешающей в соответствии с сутью, отныне прервана! Тем самым парализуется та глубинная закреплённость (устойчивость) человека, то единение со своей сутью, которое является основным условием удачного «Я». И хотя в нем человек живет в мире (на земле), но существует из бытия. Если гибнет (теряется, нарушается) изначальная связь с тем, кто он есть в своей сути, и если человек ориентирован только на то, что он как «Я» имеет, умеет и знает, то его чувство собственного достоинства отныне сохраняется только «из вторых рук». Он опирается только на мощь своего «Я» и на оценку ценностей другими людьми. Если и то, и другое наличествуют лишь в слишком малой мере, то не появляется вообще никакого чувства собственного достоинства. И так возникает человек, который более или менее героическим упорством, пониманием (разумом) и волей, успехами и правильным поведением пытается заменить в глазах мира природную собственную силу и внутренние ценности, которых ему недостает. А за фасадом вырастает «тьень», темный брат или волк, темная сестра или ведьма, «alter ego» (второе «Я»). Это есть персонификация изначальных импульсов сути или неразрешенных реакций на обиды и соблазны мира. Непрожитая жизнь кипит (бродит) как вытесненная (изгнанная) экспрессия "или агрессия, которые, не будучи осознанными, наносят ответный удар по человеку, угнетают его, повергая в депрессию, и вызывают болезнь.

Тень бесчинствует в подсознании. Она стоит между «Я», уверенным в себе, и «Я», уверенным в мире, стоит со своим фасадом и сутью и образует главное препятствие на пути к зрелости. Осознание, признание и интеграция сил, содержащихся в нем (человеке), входит в работу на внутреннем (духовном) пути. Это — отрезок внутреннего (духовного) пути, нуждающийся в помощи психотерапии, так как между бедой (несчастьем, нуждой) невротика и общей бедой человека нашего времени много сходства и взаимосвязи в корнях беды и в путях ее преодоления.

На приеме у врача (психотерапевта) выявляются не только самые экстремальные, но как бы и прописные случаи беды, характерной для нашего времени, когда человек, несмотря на все то, что он имеет, знает и умеет, не может быть «Тем», кто он есть в своей основе. Причины этой беды очень похожи на те, что вскрывает врач в рождении невротических страданий, относящихся к раннему детству. Самые частые причины: подавление самостоятельности (независимости) и уничтожение изначального доверия, которые обескураживают и парализуют ребенка, непонимание индивидуальности его сути, превращающее его веру в жизнь в простую форму, и лишение любви, из-за чего ребенок предоставлен сам себе. Это те факторы, которые вызывают затем невроты страха, вины и приобщения. Они имеют свои параллели в характерных жизненных обстоятельствах нашего времени, так как несмотря на все разговоры об индивидуальной свободе, все более сужается и ослабляется сила воли к самостоятельному развитию личности и к самоутверждению, проявление индивидуальности приносится в жертву умению приспособляться к соответствующей «роли», а проявление любви близких (окружающих) гибнет, само собой разумеется, от только делового общения. При этих обстоятельствах создает человек нашего времени точно так же, как и ребенок, в противовес миру, чуждому сути в своей основе, формы приспособления, которые обеспечивают ему некую уверенность, слаженность (бесконфликтность) и безболезненность и при господствующих условиях. Но в той же мере, в какой он свыкается с этими формами, и они становятся его второй натурой, они подобно невротическим механизмам закрывают его суть, импульсы которой, проникнув в подсознание, создают те теневые силы (силы теней), которые затем сказываются как вытесненная (изгнанная) агрессия (воздействие) и как депрессия и, в конце концов, выливаются в неизлечимые физические болезни.

V

УПРАЖНЕНИЯ (Das Exerzitium)

СМЫСЛ УПРАЖНЕНИЯ

От опыта бытия к превращению из бытия и к свидетельству бытия ведет только постоянство в тренировке, понимаемое как «упражнения» («Exerzitium»). Смысл всех тренировок на пути — это превращение, благодаря которому потустороннее бытие все однозначнее побеждает в осознании (понимании) и в жизни человека на Земле (на свете). Речь идет о том проницаемом состоянии человека, благодаря которому бытие все больше проявляется в мире как полнота, закон и единство в блеске своего переживания, в излучении своего простого существования и как стимул (мотив, импульс), смысл и благословение (одобрение) всего своего поведения, т. е. в человеке и через человека. Так как человек в своей сути участвует в бытии, да это участие и составляет его суть, т. е. он сам есть

бытие в виде его сути, то такое превращение в свидетеля (современника) бытия означает самоосуществление! Человек должен стать тем, что он есть в своей основе, т. е. что он такое по своей сути — проявление Божественной жизни. Что он представляет собой и чем он остается, сын Божий, это он должен понять и осознать в том смысле, что он ответственно и свободно отваживается (рискует) быть, и это в смысле его земного начала, обнаруживая абсолютное (безусловное) среди условий мира (света).

Так как человек, будучи обусловленным миром, осознает себя и мир таким образом, который вырывает человека из его изначальной связанности (сплетенности) с бытием и создает перспективу действительности, границы и структура которой препятствуют осознанию бытия, то возникает противоречие между притязаниями мира «Я», отчуждающегося от бытия, и притязаниями его сути, в которой бытие настойчиво в нем присутствует. Это противоречие вызывает специфические человеческие страдания с шансом, что в один прекрасный день суть выступит против «Я»-мира и, будь это постепенно или внезапным прорывом, войдет как опыт бытия в понимание (будет понята) и откроет себе ворота к бытию, которое продолжает оставаться сокрытым. Держать их открытыми так, чтобы бытие могло проявиться и действовать как сила, в корне преобразующая человека с центром в «Я» и его мир, есть задача, возложенная на человека. Вероятно, уже в опыте бытия в зависимости от его глубины происходит преобразование (изменение) человека. Совершенно тем же самым человек не остается никогда. Но даже многие события (переживания) озарения (просветления), когда бытие на миг вспыхивает в темноте мира существования, не делают превращение (изменение) прочным (постоянным, непреходящим). Для этого необходима постоянная тренировка. Она является жизненным нервом начинающейся теперь жизни, движимой новым смыслом. Для того, чтобы мог исполниться (свершиться) новый смысл, необходимы три условия: событие (переживание), познание (понимание), тренировка. Эти три фактора составляют единое целое (связаны друг с другом), и по пути постоянно идут рука об руку. Где расширяется познание смысла опыта, углубляется тотчас же переживание, и они вместе делают следующий шаг в превращении с помощью тренировки (упражнения), которая становится тем точнее и эффективнее, чем прочнее постоянство (верность) тренирующегося.

НОВОЕ СОЗНАНИЕ

Превращение (изменение) человека, которого требует инициальный путь, касается всего человека, т. е. человека как совокупности духа, души и тела (Geist, Seele, Leib).

Дух, душа, тело — понятия, в которых звучит бесконечно разное. В упражнении (Exerzitium), понимаемом как тренировка, тело (Leib) подразумевает не то физическое тело (Körper), которое имеет человек, а тело (Leib), которым является человек.

Душа означает состояние характера (нрава), т. е. каково человеку на душе, настроение в целом. Она колеблется между светлым и темным, узким и широким, холодным и теплым, причем и характер настроения, и причины колебаний показывают, живет ли человек и, если да, то в какой мере, исходя из своего Божественного или земного начала.

Сфера (поле) превращения, воспринимаемая относительно духа, касается человека прежде всего как носителя сознания. При этом имеются в виду не только содержание сознания (восприятия) и его уклад (порядок), но и форма сознания (восприятия). Если естественный человек приходит (попадает) на уровень инициального, то не только добавляется новое содержание, но и все содержание обретает новый смысл. Важность и значимость (актуальность) порядка (уклада), который несет сознательную (осознанную) жизнь человека в мире, изменяются с появлением нового смыслового центра (центра смысла). И на место или, по крайней мере, на сторону предметной формы восприятия (осознания) встает непредметная форма (IV). Там, где Божественное бытие не только из чистой веры, но из знания, обоснованного опытом и в опыте закрепленного, становится центром, задающим смысл и направляющим, земной порядок сохраняет свою значимость (актуальность) только в той мере, насколько он служит открытию (проявлению) бытия во всем бытии (целостности) человека.

Там, где бытие входит в сознание, требуя и одновременно много обещая, там тренировка, повинующаяся ему, касается прежде всего изменения форм восприятия (осознания). Тренировка, нацеленная на превращение, должна в первую очередь развивать непредметное (inständlich) осознание (восприятие).

Человек имеет два вида восприятия (осознания): непредметное восприятие на уровне ощущения, воспринимающее жизнь по ее качествам, отмеченное радостью и страданием, и восприятие, удерживающее, предметно фиксирующее мимолетную жизнь. Последнее отражает пережитое с позиции «Я», как предмет, который способствует осознанию пережитого как «нечто», и фиксирует его. Это есть предметное восприятие, которое нацелено на объективно существующую действительность фактов, т. е. на действительность, существующую независимо от переживаний (переживающего) субъекта.

Другое есть непредметное (inständlich) восприятие, в котором жизнь, как ощущение, входит в сознание и продолжает там жить. В предметном осознании (восприятии) жизнь постигается тем, что она подчиняется связи с узанным (познанным), и «действительным» оказывается то, что может подчиниться заранее данной структуре понятий (Декарт). Преобладание этого восприятия есть главное сопротивление (препятствие) на инициальном пути, которое вращается вокруг «непонятой» и непонимаемой жизни, которой соответствует только одно сознание (восприятие), которое сохраняет содержание переживания (события) и заставляет его действовать, не конкретизируя его. Уничтожение преобладания предметного восприятия составляет поэтому основную тему всех тренировок

на инициальном пути. Каждая тренировка в пути вынужденно сочетается с тренировкой непредметного (inständlich) восприятия.

В той мере, в какой действительность потусторонней (надмирной) жизни, правящая инициальным путем, как обещание, опыт и призвание, начинает овладевать кругозором человека, в той же мере появляется необходимость нового способа «познания», который имеет мало общего с «наукой» в старом (общепринятом) смысле. Таким образом, к естественным и гуманитарным наукам должна добавиться еще одна — наука о человеке (Menschenwissenschaft). Познание в смысле Божественного начала означает нечто совсем другое, чем познание под знаком земного начала. Познание в естественных науках начинается с констатации фактов и заканчивается их объяснением, действительность (актуальность) которого подлежит Consensus omnium (общему согласию). Познание в гуманитарной науке начинается с форм восприятия, которые соотносятся со смыслом и выливаются в понимание, которое предполагает (предусматривает) смысл для того, что подлежит пониманию.

В будущей науке о человеке глубина возможного познания будет зависеть от степени зрелости познающего, это означает, что в зависимости от увеличения глубины познания число тех, кто вообще понимает, о чем идет речь, становится все меньше. Словами, образами и терминами (понятиями) в этой науке являются шифр (код) и знаки. Их понимание основывается не на рациональном, а на инициальном знании, обосновано в опыте бытия и превращении из бытия. Это значит: с опытом Божественного начала человека и признанием поручения (назначения), отданного им нам для мира нашего земного начала, занавес открывает нам, т. е. каждому, кого это коснулось, абсолютно новую перспективу действительности и задачу справиться с этой действительностью в новой форме познания. Но это познание основывается не на предметно-вещественной (материальной, реальной) дистанции, а на колеблющейся (шаткой) структуре непредметно-личностного единения, т. е. на любви.

Мир, предметно данный и заданный человеку в мире «Я», с новой перспективой не перестает быть предметным, но в его предметности в качестве собственной основы (ядра, стержня) можно усмотреть нечто сверхпредметное (надпредметное). Об этом человек в жизненно важном случае может заговорить и ответить [болтают (говорят) об этом сегодня многие], если он может это ощутить в себе и серьезно воспринять. «Если бы глаз не был лучистым, Солнце никогда бы не могло его увидеть». Вокруг этого расцвета внутреннего смысла должна вращаться вся тренировка, нацеленная на превращение человека. От открывающегося при этом и развивающегося нового сознания (восприятия) существует также и важный переход (доступ) к более высоким мирам. Как бы человек не старался подняться в своем естественном сознании к более высокому измерению, все будет напрасно, так как все остается в границах и порядке старого (прежнего) поля зрения, и в категориях и структуре прежнего образа видения, например, в категориях пространства и времени, идентичности (тождественности) и причинности. Если человек приобретает сознание (восприятие), соответствующее его сути, тогда для него оказываются новыми все вещи мира вплоть до самых маленьких, и под покровом давно знакомого (известного) окажется тайна вечно неизвестного (из-под покрова выглянет). Глаза души (Wesensauge) усматривают во встрече, особенно в другом человеке, суть в другом. В осознании (понимании) сути прозрачным становится также и предметный настоящий (современный) мир, и прозрачная все объединяющая суть, спрятанная в нем, становится очевидной. Пока то, что ищется, и во что верится, как в трансцендентность, визируется только естественным восприятием (сознанием) и ищется как «нечто», оно будет проявляться только в тех аспектах, которые отражают характер и порядок сознания, отделяющий нас от него. Роковым образом это сказывается там, где представление об объективно действительном, имеющее место для мира «Я», переносится на представление о трансцендентности, которая мыслится теперь тоже как предметная нечто-действительность (Etwas-Wirklichkeit). Тогда она становится вещью, действительность которой представляется не только как независимая, но и как недоступная для всего переживания человека, и тогда все пережитое вынужденно берется трансцендентностью под подозрение как голая субъективность.

Губительным это становится, в частности, там, где трансцендентность познается фактически как «Ты»-действительность (Du-Wirklichkeit), но опасение перед субъективностью отодвигает «Ты» на расстояние, которое объединяет единение, присущее подлинному «Ты», с недоступным для него визави.

УПРАЖНЕНИЕ И МИЛОСТЬ

Основная тема всегда пронизывает религиозную жизнь человека — это вопрос об отношении тренировки и милости (Gnade). Там, где собственная деятельность человека, его поведение, возможное в силу воли и способностей, противопоставляются влиянию милости, как подарок (дар), поступивший ему из «совершенно откуда-то другого места», там отражается определенное представление об отношении человека к трансцендентности и, тем самым, определенное представление о человеке вообще. Так, каждая религия, каждая теология имеют определенную антропологию в качестве предпосылки, своеобразие и границы которой еще не достаточно осознаны. Пришло время, чтобы антропология, лежащая в основе нашей религиозной жизни, в частности, нашего религиозного воспитания и поведения, нарушила границы, к которым до сих пор мы относились с робким уважением, и дала (обеспечила) дополнительный доступ к пониманию, которое корректирует линию границы между человеком и трансцендентностью.

До сих пор понятие милости лежит, как правило, в основе представления о человеке, которое ограничено естественным (природным) человеком, самосознание (чувство собственного достоинства) которого и перспектива

действительности которого, подлежащая серьезному восприятию, базируются только на тождестве с его миром «Я», которое с позиции «Я» (Ich — Stand) всегда фиксирует другое, т. е. фиксирует все пережитое как противостояние (предмет, Gegen — Stand) и где мир, поскольку он имеет действительность, воспринимается (зарождается) как мир, выдающий себя за объективный (предметный). Без предмета (объекта) «Я» вообще не может существовать. Там, где сознанию приписывается исключительно такая структура, там все, что только имеет возможность действительности, может мыслиться только как «визави» (Gegenüber). Все остальное вынужденно является только «субъективным». Здесь действие (воздействие) милости может, само собой разумеется, рассматриваться исключительно в аспекте «дистантного» отношения Бога и человека.

Там, где человек видит все из мира своего «Я», он ищет истоки переживания опыта, воспринятого как милость, естественно, в Божественном начале, которое лежит вне всего человеческого и одаривает человека таким образом, который не имеет ничего общего с личными заслугами, собственным старанием или личным развитием человека. Никакой труд (дело), никакая тренировка не могут тогда иметь ничего общего с даром милости.

Но сегодня, когда серьезно воспринимается опыт бытия, настало время признать в качестве центра живущего, страдающего, ищущего, любящего, короче говоря, настоящего человека, «существо абсолютное, сверхчеловеческое, потустороннее», которое превышает емкость (вместимость) «Я», и выходит за горизонт его перспективы мира.

Если человек испытал вторжение потусторонней действительности, ощутил превосходящую его природу, как присущий ему самому вид абсолютного бытия, испытал и познал свою собственную суть, преодолев все сомнения, то понятие милости наполнится для него новым смыслом и откроются новые аспекты в вопросе соотношения тренировки и милости. Милость является теперь не только даром (подарком), полученным человеком извне, а человек испытывает сам себя, т. е. свою собственную суть, спрятанную в мире его «Я», как врожденную милость: то, что он есть то, что он есть в своей сути, что он может осознать самого себя, как основу (ядро), обещание и призвание, это, если соизмерить со всем тем, к чему он стремится в своем мире «Я», и есть дар милости. Полностью осознать этот дар милости, открыться ему, преобразиться (измениться в соответствии с ним и для службы Божественному бытию, присутствующему в нем), есть задача, отвечающая назначению человека. Выполнить ее есть дело (труд) тренировки. Милость, являющаяся для естественного человека даром, который дается ему Богом извне (Gott-Außen), для человека, вступившего на инициальный путь, является Богом внутри (Gott-Innen), данным и заданным ему для осознания как самого себя, так и всей действительности мира, данной ему предметно. В то время, как у естественного человека дело тренировки ограничивается физическим, психическим и моральным успехом (достижением), который основывается на желаниях и стремлениях своего, хотя и доброжелательного «Я», и поэтому никогда не дорастает до Божественной милости, делом тренировки для человека, вступившего на инициальный путь, является осознание человеком милости, присущей ему от рождения в образе его сути, и согласие (соответствие) с ней. Быть согласным (согласие) означает возможность соответствовать желанию стать очевидным, т. е. возможность быть прозрачным для милости так, чтобы человек мог воспринимать ее, а она могла бы стать явной в нем и через него в мире человека.

В то время, как перспектива осознания естественного человека из-за ее тенденции к постоянному и существующему дольше другого (статическое) противоречит динамической жизни, направленной на вечное превращение, для человека, вставшего на инициальный путь, принципом действия и познания становится стремление к становлению, избавлению и превращению из сути и в службе сути; познающий и познанный в сути, т. е. во Христе, попеременно встречаются и открываются. Для человека, вставшего на инициальный путь, соотношение дела и милости противостоит больше не тому, что человек получает в виде подарка и что делает, а тому, что неосознанно и по сути своей является самим собой, и тому, что благодаря особой тренировке может осознанно стать принципом жизни и принципом подлинного личного самоосуществления (XIV).

ПОВТОРЕНИЕ

Первым условием всех тренировок является то, что нужно действительно понять и воспринять, что подлинная тренировка как упражнение означает не тренировку мастерства (умения) ради требуемого миром успеха, а упражнения (Exerzitium) для нового бытия ради внутреннего (духовного) пути. Тренировка для мастерства (умения) исчерпывает себя, когда человек умеет то, ради чего он тренировался. Тренировка на внутреннем пути начинается только тогда, когда человек умеет совершать уже натренированное, она состоит в вечном повторении того, что человек умеет (освоил). Там, где полностью освоена техника достижения (успеха), там ход каждого повторения усвоенного (того, что человек умеет) отражает позицию тренирующегося. Каждая ошибка в выполнении свидетельствует об ошибочной позиции тренирующегося. Если она признана таковой, то дальнейшее усилие (стремление) к чистому исполнению, становится работой человека над собой. Также и основная тренировка правильной осанки и правильного дыхания становится ненужным упражнением после того, как человек овладел техникой этой тренировки. В вечном, т. е. длящемся с утра до вечера повторении исполнения, соответствующего сути, растет человек. Так и будни становятся тренировкой.

«Повторению» как интегральной составной части духовной тренировки трудно победить в такое время, которое ищет стихийность (спонтанность) как реакцию на все более разрастающиеся действия (манипуляции) технически организованного общества: творческое познание, любовь, действия — все сразу сейчас и здесь! Но

повторению, как средству религиозного развития, тоже трудно найти признание в противоречии с пониманием, для которого главное в религиозном смысле коренится в неповторимости мгновения личной обращенности к Богу и в непредвиденном его воздействии на человека. Однако как раз повторение, как тренировка (разучивание) определенных позиций может помочь создать условия, благоприятные как для стихийности (спонтанности) из глубины, так и для открытости вторжению Божественного, которое всегда неповторимо. И еще третье препятствие есть сегодня для готовности к повторению: любая тренировка требует дисциплины. Это есть нечто, на что поколение (генерация), которое не признает авторитетов и почти враждебно воспринимает любой порядок, любую форму, реагирует отрицательно. Так как повторение, как принцип тренировки означает, конечно, что постоянно нужно еще раз сделать что-то, независимо от готовности (желания) в данный момент или от настроения. При этом следует отличать автономную дисциплину, берущую свое начало в свободном выборе решения, где человек повинует авторитету своей собственной сути, от гетерономной, возникающей из повиновения внешнему авторитету (авторитету извне).

Смыслу тренировки, прозрачности служит в качестве непосредственной цели автоматизация действия или возможное исключение того «Я», которое предметно фиксирует, снова и снова делает то, что уже освоило (умеет), и печалится, что оно не получается. Эти три момента — предметная констатация и сохранение, упрямое делание и страх перед неудачей — препятствуют осознанию и становлению действительности, которую никогда нельзя сделать и которая становится действительной только там, где отступает человек со своими желаниями, знаниями и своей собственной действительной силой.

У истоков всех религиозных культов стоят танец и пение в форме бесконечного повторения ритмических движений и одинаковой последовательности звуков. Такая тренировка уничтожает самостоятельную форму существования и познания естественного человека, удерживающуюся в «позиции», и повергает его в состояние, когда он вне себя (бытия вне себя). Он выходит (выпадает) из «Я», где он, будучи собственником, настроился на самого себя, и заменяется другим, и он восторженно впадает в нечто всеобъемлющее, где он весело и свободно блаженным образом чувствует себя освобожденным и одновременно хорошо устроенным. Оно, как в опьянении, выносит человека за тесные границы его обычного горизонта и дарит ему не только контакт (общение) с другим измерением, но и ощущение (переживание) обретения приюта в основе всеобъемлющей действительности, куда он вернулся домой. Является ли такое переживание (событие) только примитивным? И доступным только примитивному человеку? Конечно, нет. Но то, что держит высокоразвитого человека в его мнимой независимости (самостоятельности) есть нечто, что отделяет его от праединства, к которому человека постоянно тянет, так как он в своей сути обязательно участвует в нем. И чем больше человек отчуждается от своей прародины, тем сильнее захватывает его водоворот (вихрь), в котором он однажды может оказаться «втянутым» в какое-то «пра». Также и мы должны многие явления нашего времени понимать как процессы освобождения вытесненных сторон (свойств), относящихся к элементарному человеку, и которые там, где они должны быть дисциплинированы не только под знаком соразмерности, но вообще отрицаются и вызывают сомнения, там они рано или поздно вырвутся с исполинской силой.

Обращение к мимике, соответствующей сути, к ее тренировке в «вечном повторении» и, особенно, доступ к танцу, как к источнику и среде самооткрывания, самоосвобождения и самотренировки в теле, должны все больше и больше становиться составной частью всего воспитания и в частности всех тех профессий, которые имеют дело с руководством людьми, т. е. всех учителей, лечащих врачей, священников. При этом важно знание двойного смысла любого действия и смысла тела (Leib).

ДВОЙСТВЕННЫЙ СМЫСЛ КАЖДОГО ПОСТУПКА

Первичное «Я» с его тщеславием, болезненной робостью, стремлением проявить себя, с его стремлением к власти, с глубоким недоверием к жизни и, соответственно, со стремлением к сохранности (безопасности) препятствует человеку не только при воплощении потенциала его мощности (работы, успеха) в мире и при совершенствовании его личности, как надежного слуги своего общества, но и стоит на пути к прозрачности, т. е. на инициальном пути. Устранение закоснелости человека в позициях мира «Я» требует изменения общей установки и изменения совокупности жестов (мимики), в которых она выражается и держится. Для работы, в частности, важно, что дыхание, осанка (манеры) и напряжение (напряженность) являются не только областью выражения мира «Я», но что их характер обусловлен и отношением между миром «Я» и сутью. Таким образом, их характер всегда обозначает меру прозрачности. Любая деформация дыхания означает нарушенную проницаемость. Так осанку (манеры, поведение), дыхание и напряжение можно тренировать совершенно осознанно, как среду внутреннего созревания. На это до сих пор не обращали внимания, как и на тот факт, что мы можем использовать любое достижение (любой успех), техникой которого мы владеем, как упражнение для содействия нашему развитию на инициальном пути. Для того, чтобы понять это, необходимо принципиальное понимание двух значений любого действия.

В том, какую цель оно преследует, имеет каждое действие свой внешний смысл, он касается того, что выходит из этого действия. Оно показывает, что может, имеет и знает человек, совершающий действие. Любое действие самим уже способом, как оно осуществляется, исполняет или упускает внутренний смысл; он касается того, что при этом действии входит и открывает в нем того, кто он есть. Каждое действие в мире, благодаря манере

(позиции), в которой оно осуществляется, может служить продвижению по пути к подлинному «Я». Также и каждое «движение» его понимают как мимику (жесты). Для этого необходима определенная установка (позиция), в который в повседневности проявляется решимость вступить на инициальный путь и верность этому пути. Существует врачующая (исцеляющая) сила чистой мимики, т. е. мимики, соответствующей сути.

В любом движении, а не только в коленопреклонении, в танце или в культовых шествиях (танцах), т. е. не только в обрядовых (культовых) движениях дан шанс познать и проявить себя в принадлежности и в службе действительности, данной нашим бесконечным началом, на пути к ней и от нее. Условием, конечно, является то, что человек осознанно или неосознанно постоянно держится или пытается держаться «шанса Божественного», т. е. быть в контакте с сутью. Это стремление держит нас, как тело (Leib), которым мы являемся, всегда в некоей «неопределенности» («в висячем положении», «на весу»). Оно произвольно определяет темп наших движений, сохраняет (бережет) собственный ритм, избегает любой остановки и работы с перебоями (застоя), совершает (осуществляет) стояние как «дыхание» и заставляет нас внутренне продвигаться дальше, где бы ты ни приходил в мир (VI).

СФОРМИРОВАННАЯ ПРОНИЦАЕМОСТЬ

«Дух веет, где он хочет» (дух свободен), но какими должны быть мы, чтобы иметь возможность ощутить его дыхание, допустить его и повиноваться ему. Может быть мы случайно можем услышать голос трансцендентности в любом настроении (состоянии, расположении духа). Но только, когда мы находимся в определенной «форме», мы можем постоянно быть открыты тому, что она от нас требует или нам обещает. Конечно, она может коснуться нас во сне или при бодрствовании, в состоянии опьянения или в состоянии трезвости, в физической раскованности или в состоянии зажатости (закрепощенности), но соответствовать ее требованиям мы можем только в «правильной» форме, т. е. в состоянии, которое является «проницаемой формой» и одновременно «сформированной проницаемостью». Мы должны быть открыты для полноты, законности и единства бытия, присутствующего в нашей сути, мы должны быть проницаемыми и восприимчивыми, способными отдавать и сберегать (защищать). В нас, как в сути сознания, жизнь осознает себя самое в никогда не останавливаемом превращении; в непрерывном дыхании, в вечном «умри и стань» формы, в вечном вращении (обороте) Инь и Ян (lin und lang).

Форма, соответствующая бытию, никогда не может быть воплощением образа в форме, представляющей его в окончательном и совершенном виде. Только определенная форма движения может соответствовать бодро прожитой жизни, живой сути (существо).

«Форма», предназначенная нам на пути, может поэтому быть только состоянием всего человека, которое гарантирует движение превращения, которое никогда не заканчивается. Целью в соответствии с этим является формула превращения, ставшая второй натурой, формула, которая определяет все поведение всего человека. Всего человека, и это, в частности, означает человека в теле (im Leib)!

Искусство воспринимать, познавать и составлять тело (Leib) как среду внутреннего (духовного) пути, на котором успешно может проявиться суть, имеет совсем другие предпосылки, чем те, которые должны быть известны для восприятия тела (Leib), как средства существования в мире. Тело (Leib), понимаемое как среда сути, старея, не обязательно становится меньше. Скорее, оно, старея, может увеличиться, т. е. возрастает прозрачность. Да, человек, умирая, может быть «тут» в теле (Leib) стать совершенно проницаемым и как раз, умирая, он может отвечать назначению человека: свидетельствовать о Божественном в мире.

ТЕЛО, КОТОРОЕ ТЫ ЕСТЬ

Наше традиционное понимание тела (Leib) страдает от дуалистического представления о теле (Körper), лишенном души, которому противостоит бесплотная (бестелесная) душа, с которой тело связано загадочным образом. Это разделение нельзя сохранять применительно к человеку, такому, каким мы его встречаем и с каким ежедневно «общаемся», какого любим или опасаемся. Кто когда-нибудь видел бегущее физическое тело (Körper), у которого нет души, или бесплотную душу?! Разве труп продолжает оставаться человеком?

Если спросить кого-нибудь, с кем разговариваешь, кого он, собственно говоря, слышит — тело или душу (третьего в традиционном восприятии ведь не существует), то вероятно услышишь в ответ: «Голос, который я слышу, это — нечто физическое (телесное). То, что я слышу, это — нечто духовное, т. е. я слышу единство физического тела (Körper) и духа или души и тела (Leib). Такой ответ — глупость (недомыслие), из него становится ясно, что непосредственно данное не попало в поле зрения. Простой ответ на вопрос: «Кого Вы слышите?» должен бы звучать просто: «Я слышу Вас». Слышат меня, этого определенного некто (человека), который, будучи таковым, находится по ту сторону противоположности физического тела и души. Если в науке о человеке научились бы воспринимать этого некто также серьезно, как мы воспринимаем его в нашем повседневном общении с близкими, то в истории познания и в воспитании, и в лечении, и в духовном руководстве человеком открылась бы новая глава! Мы намереваемся сегодня начать эту главу. Мы начинаем серьезно воспринимать человека, как некто, т. е. как реально встречающуюся нам личность (человека), которая находится по ту сторону противоположности тела и души или физического тела и духа (разума). Но это означает также и поворот в

понимании тела (Leib).

Своеобразным фактом является то, что для стран Дальнего Востока, для мировоззрения которых «олицетворение» является главным злом, решающую роль играло тело (Leib), как среда трансцендентальной прозрачности, в то время как христианский Запад, для которого олицетворение, воплощение духа стоит в центре, всегда воспринимал и оценивал тело (Leib), как дьявола, препятствие и помеху на пути к спасению (благу, счастью). В лучшем случае оно имеет только мирское, практическое значение. Тело, как таковое, кажется далеким от всей духовной действительности.

Нет также никакого чуда в том, что когда древневосточная тренировка тела (Leib), например, Хатха-йога, начала наступать на Запад, то ее стали изучать и заниматься ею, главным образом, как одним из видов гимнастики для физического тела (Körper). Но если заниматься ею только в таком разрезе, то искажается (выхолащивается) ее подлинный, т. е. инициальный смысл: «Вхождение (впряжение) в абсолюте».

Мы совершенно однозначно воспринимаем тело (Leib), как инструмент, с помощью которого нужно выстоять в этом мире, добиться успеха и чего-то достичь. Поэтому его «упражняют», т. е. тренируют, и обращаются с ним, как с прибором (инструментом), который должен быть в порядке, должен быть прочным, эластичным и «хорошо смазанным» для эффективной и безупречной работы. Но такое «обхождение» касается только (физического) тела (Körper), которое «имеют». Его работа (действие, функционирование), как это достаточно часто доказывают знаменитые спортсмены, зачастую имеет очень мало общего с внутренней (духовной) зрелостью, а тем более с инициальным путем. Нечто совсем другое происходит, когда вместо того, чтобы тренировать тело (Leib) в работоспособности и мощности, пытаются заставить его служить внутреннему превращению. Но тогда, конечно, речь идет не о теле, которое имеешь, а о теле, которым являешься (которое ты есть). Это есть решающее отличие для всей личной терапии, имеющей в виду человека, а не только тело (Körper). Не менее важно оно и когда речь идет о руководстве на инициальном пути, так как для поведения естественного человека в мире недостаточно физического здоровья тела, так недостаточно и владения «формами обращения, манерами» для подлинного доказательства абсолютного в относительном. Проницаемость формы тела (Leib), требуемая под знаком абсолютного, есть нечто иное и подразумевает больше, чем реальную (живую) форму поведения, согласованную (пригнанную) с обществом или делом.

Что подразумевается под «телом» (Leib), которым ты являешься, которое ты есть? Здесь имеется в виду человек, весь человек как личность в том виде (образе жизни), в котором он не только познает (испытывает) себя, но и живет (т. е. *dar-leibt*). Можно воспринимать тело (Leib) не только в предметном пространстве, как тело (Körper), которое имеешь, которое осознаешь как вещь и которым можешь пользоваться как инструментом для мирских и, может быть, даже для поддающихся измерению достижений (успехов). Скорее можно и нужно то, что называют физическим телом (Körper), осознать как тело (Leib), которым ты являешься. Это есть тело (Leib), как чувственно осязаемый образ, в котором я как личность присутствую тут в мире, мое окружение реально воспринимает меня, а я воспринимаю других.

Тело, понимаемое таким образом, есть совокупность настроений и жестов (мимики), в которой человек чувствует себя, выражает и представляет себя, как личность, осознающая самое себя и одновременно познающая мир и действующая в нем, в этой совокупности человек существует или гибнет во времени и пространстве, реализуется как подлинное «Я» или не состоит как личность.

Не только «внутренне» (в душе), но и в теле (Leib), как способе, в котором, как личность в мире, ты являешься видимым и осязаемым тут, обнаруживается: находишься ли ты на верном пути или нет, справляешься ли с ситуацией или нет, силен ты или слаб, уравновешен или лабилен, обладаешь «излучением» или нет, настроен дружески или враждебно — и при всем этом — в гармонии ли ты со своей сутью! В теле (Leib) познаешь (испытываешь) самого себя, как правильно ли или неправильно ты «тут», что может в данный миг быть внутренним или внешним требованием. Правильно ты «тут», если ты, как тело, проницаем для своей сути, т. е. для способа, которым жизнь в своей индивидуальности приобретает образ и хочет заявить о себе здесь и сейчас, в этот миг. Неправильно ты «тут» в той мере, в какой, будучи телом, ты теперь и здесь препятствуешь становлению и самовыражению образа, соответствующего сути.

Если человек однажды осознал возможность и задачу преобразования и тела (Leib) в соответствии с бытием, то для него начинается новая жизнь, так как эта задача будет сопровождать его во всех жизненных ситуациях (V, IX, XVI).

Тело, которым являешься, отражает в противоречиях божественное и земное начало человека. Так существует способ быть тут телом (Leib), которое своей богатой и теплой аурой и в блеске своей проницаемой формы, соответствующей бытию, свидетельствует о Божественном происхождении (начале) человека. И есть другой способ быть тут, определенный сменой напряжения и расслабления, который отражает земное начало человека, определенное своим равным (*eigen-sinnig*) «Я». Но только тот, кто выводит закон своей жизни из божественного начала, объяснит и захочет оправдать взаимодействие между скованностью «Я», стоящего в центре, и неуправляемой раскованностью не просто как следствие неблагоприятных обстоятельств, а воспримет как нарушение (в котором есть доля и его вины) предназначения, обещанного ему из сути и возложенного на него сутью.

ТРОЯКАЯ СОВЕСТЬ ТЕЛА

На внутреннем (духовном) пути преодолеть тело (Leib) можно только тогда, когда человек способен услышать голос третьего вида совести, и способен последовать за ним. Под первым видом подразумевается «самосохранение». Этот вид совести относится к здоровью, работоспособности. Второй вид телесной совести (совести тела) ориентирован на красоту, симметрию (правильность формы), на совершенство нашего образа в любом поведении в мире. Третий же вид телесной совести подразумевает большую проницаемость, прозрачность для присущей нам трансцендентности. В этом смысле человек может быть в «олимпийской форме», абсолютно здоровым, способным к почти сверхчеловеческим достижениям, т. е. в полном расцвете своего физического тела (Körper), красивым, но все-таки очень далеким от всякой прозрачности; человек же, уже приговоренный к смерти, может быть в своем теле (Leib) в высочайшем порядке, может быть проницаем для другой жизни, подобающей ему и преобразующей его в смерти.

Мы можем нарушить прозрачность чем-то таким, что не вредит ни нашему здоровью, ни нашей «фигуре», например, тем, что «немножко слишком много» съедим за обедом или тем, что больше всего препятствует успеху на внутреннем (духовном) пути и прежде всего у молодых людей — самоудовлетворением. Оно уничтожает блеск, т. е. выражение бытия, достойного сути, а врачи, которые поощряют самоудовлетворение своих пациентов, как нечто естественное и объявленное вне закона лишь из-за предрассудков (древних табу, запретов), ничего не знают об этом блеске и сути, являющейся в нем. Вреден ли онанизм для здоровья, это еще вопрос. То, что он противен (враждебен) сути, не подлежит сомнению. Чувство вины, которое возникает при этом, можно подавить, если оно имеет моральные причины. Но нельзя этого сделать, если из него говорит голос сути!

Прозрачность для трансцендентности как смысл упражнения (тренировки) ищет «целительную силу чистой мимики (жестов)», в которой человек не закрыт для бытия в личном выражении своей полноты законности и единства. Но подлинно прозрачный человек просто своим способом существовать отражает все три единства мира.

Работа над прозрачностью человека, как тела (Leib), предусматривает знания о многом как относительно того, что препятствует этой прозрачности, так и относительно возможностей уничтожения данных ограничений в теле (Leib). Обычная гимнастика (физкультура) не имеет с этим ничего общего. Физические упражнения ориентируются до сих пор на представление о «здоровом теле». Там, где гимнастика приобщает к красоте и грации (включает в себя красоту и грацию), там это происходит, как правило, только в мирском смысле, хотя здесь может открыться вход (ворота) для восприятия инициальных возможностей.

В человеке, почти полностью ориентированном на мир, на успех в мире, на воздействие на мир, сначала должен открыться смысл того, что значит следующее:

1. Нужно быть проницаемым для Божественного бытия, присутствующего в нашей сути (конечно, не только в торжественных жестах!).
2. Реальные (живые) условия (предпосылки) для такой проницаемости. Решающим условием является закрепление тела (Leib) в правильной середине (центре). С ней связано правильное дыхание и верный (правильный) тонус.

ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К «ВЕРХУ». И «НИЗУ», К МИРУ И К САМОМУ СЕБЕ

Из реального явления человека из тела (Leib), которым он является, к нам каждый раз обращены три момента:

- 1) определенное отношение к «верху» и «низу»: человек не умеет ни летать, ни ползать. Он не птица и не червь, он движется по земле как человек, вертикально, т. е. поднимаясь к небу;
- 2) определенная взаимосвязь с миром: человек находится в полярном отношении к миру, в котором он, с одной стороны, бережет себя, а с другой стороны, он связан с миром и находится в живой взаимосвязи с ним;
- 3) определенное отношение к самому себе: в своей на данный момент получившейся форме человек находится в определенном отношении к жизни, которая сама стремится в нем к проявлению, развитию и к единению.

Суть человека постоянно стремится к воплощению в образе (форме, фигуре), в котором она может стать явной в мире. Там, где это возможно, человек находится в его середине (центре). Это «быть в своей середине» никогда не бывает только внутренним, а касается человека и в его существовании в мире, т. е. его тела (Leib). Образ (форма), т. е. способ, как человек существует (есть) тут, поэтому тогда «правилен», когда человек прозрачен в нем для своей сути и для бытия, присутствующего в его сути. Эта прозрачность дается и гарантируется в совершенно определенном отношении человека к «верху» и «низу», к миру и к самому себе. Но такое существование (бытие) человека, обусловленное внутренними и внешними обстоятельствами, никогда полностью не соответствует идеалу (воплощению) правильного отношения. Таким образом, человек всегда находится на пути к совершенной форме (образу), заданной ему и имеющей центр в настоящей середине.

1. Правильно ли человек понимает отношения между «верхом» и «низом» становится ясным прежде всего по его «осанке», т. е. по тому, каким образом человек живет в вертикали, свойственной ему в отличие от зверей. Разве это не символ его Божественного начала? Если он «вертикален» правильным образом, то он своей позицией (осанкой) соединяет Небо и Землю. Его связанность с «низом» не подвергает опасности его вертикальность, а в его

вертикальности нет отрицания его связанности с Землей. Человек скорее находится в контакте с «низом», который как корневая система дерева не только не препятствует росту вверх, но и способствует этому росту и обеспечивает его. В то же время (у)стремление человека вверх не носит характер движения, отрывающего его от Земли, а является движением вверх, свидетельствующим о животворной силе корней. «Правильное» проявление отношения «верха» к «низу» открыто и гармонично выражает то обстоятельство, что человек корнями уходит в Землю и одновременно тянется к Небу, что Земля носит и питает его, а Небо притягивает его, что он связан с Землей и одновременно стремится вверх к Небу.

2. Если живой образ (форма, Gestalt) соответствует правильному отношению к миру, человеку, вещам и природе, то он говорит, что человек по отношению к миру может быть как закрытым, так и открытым, ясно отграниченным и одновременно проницаемым для контакта, отстраненным от мира и одновременно связанным с ним, «сдержанным» и одновременно общительным. Как живой образ (фигура, Gestalt), живущий правильно, он как бы постоянно вдыхает (втягивает в себя) мир и спокойно выдыхает его (испускает дух, растворяется в нем).

3. Если живой образ обнаруживает правильное отношение человека к самому себе, то человек в этом образе проявляется степенным и спокойным (хладнокровным, невозмутимым), как в форме, сохраняющей себя, так и оживленным (одухотворенным) живой динамикой и в правильном соотношении «скованного, напряженного» и «раскованного».

Так правильный образ проявляется (является) в триединстве осанки (манеры держать себя, поведения), дыхания и напряжения.

В трех формах проявления правильного отношения к Небу и Земле, к миру и к самому себе обнаруживается, каким способом и в какой мере человек, который еще не нашел своей середины (центра) или теряет ее, нарушает имманентный его сути закон относительно соответствующего ему образа. Каждое нарушение задуманного (подразумеваемого) в его основе проявляется как нарушение равновесия между двумя полюсами, как перевес «Неба» над «Землей» или Земли над Небом, «Я» над миром или мира над «Я», формы над жизнью, присущей этой форме и стремящейся в нее, или жизни над формой, служащей для ее доказательства.

1. Так мы видим, как люди искажают (нарушают) предназначенное им отношение к Небу и Земле, когда они при стоянии, сидении и ходьбе либо преувеличенно и в одну сторону вытянуты вверх, либо каким-то образом оседают вниз, что стирает направленность снизу вверх. В последнем случае Земля как бы не несет человека, а создается впечатление безжизненной инерции и подавленности. Заземленность (закрепленность) в корнях кажется давящей тяжестью, а основа (базис) — приклеиванием к земле. Такие люди не ходят, а с трудом плетутся (тащатся), они не сидят, а понижают (снижают), они не стоят, а только что не падают.

Если направление вверх возрастает, то человек выглядит «вытянутым вверх» таким образом, который отрицает какое-либо отношение (причастность) к низу. Такие люди ходят, стоят или сидят с вытянутым вверх (подтянутым) телом. При ходьбе они нетвердо стоят на ногах, они семенят, раскачиваются, приплясывают. Они отрицают (не признают) свой естественный вес (тяжесть). Они не выпрямляются органическим (естественным) способом, а «перекошены» с высокоподнятыми плечами. Они производят от этого впечатление напряженных, чванливых (высокомерных, надутых) или «экзальтированных» («экстравагантных»).

В обоих случаях отсутствует середина, связующая «верх» и «низ», правильный (верный) центр тяжести. Если он наличествует, то силы, указывающие на Небо, и силы, утверждающие Землю, объединяются в гармонию целого. Низ несет то, что находится наверху. То, что находится внизу, естественно, стремится вверх. Форма вырастает снизу вверх, как дерево, и крона покоится на широком вертикальном стволе с глубокими корнями. Так правильная осанка свидетельствует о «да», сказанном человеком его целостности, распространяющейся (натянутой) между Небом и Землей, закрепленной на двух полюсах. Он не приклеен к Земле, но доверяет ей. Он стремится к Небу, но не забывает свою Землю.

2. Отсутствие правильного отношения к миру проявляется в поведении, когда человек либо не допускает подходящий ему мир, отгораживается от него, либо оказывается безудержно распахнутым для мира. В первом случае человек не просто закрыт, а замкнут, у него нет живых контуров, он кажется застывшим в своих чертах, закоснелым, неодухотворенным. Он не контактен, как неживая (безжизненная) фигура. Его сдержанность не является выражением естественной свободной дистанции (Abstand), а является отталкивающей нелепостью (глупостью). В общем он не производит впечатления человека, наполненного живым дыханием, а кажется замкнутой (стянутой, затянутой), неодухотворенной (неживой) формой. В нем нет живого колебания отношений между «Я» и «Ты». Он не дышит в живом ритме удерживания и отказа, преданности (самоотверженности) и сдержанности, допуска и отдачи. Отсутствует способность мимики (жестов), склоняющейся (симпатизирующей) к миру, открывающейся ему и связующей с ним. Противоположную картину представляет собой человек, у которого отсутствует какая-либо сдержанность. Мимика таких людей свидетельствует о том, что они неудержимо бросаются в мир, входя в него беспрепятственно, но этот мир угрожает им тем, что может поглотить (проглотить) их. Ничто не мешает распадаться такому образу (человеку). Отсутствует сила для дистанции и сопротивления (отстояния и противостояния). Человек изливается (излучается) в окружающее поле (окружающую среду), что вызывает впечатление предстоящего распада (растворения). Люди такого сорта двигаются так, как будто бы у них нет костей, как будто бы они не могут сами себя удержать. Чаще всего такие люди бестактны, у них нет чувства (понимания) дистанции между людьми.

В обоих случаях отсутствует настоящая середина. Отсутствует центр тяжести, наличие которого

обеспечивает обычно как истинную самостоятельность (независимость), так и подлинную связь (соединенность) с самим собой и с миром. Отношение к миру, заданное человеку, воплощается только в созидающе-выравненном (скомпенсированном) соотношении напряженности (напряжения) полюсов. «Я» (личность) и мир должны иметь возможность быть каждый сам по себе, и при этом, однако, соотноситься друг с другом, и быть связанными друг с другом. Они должны иметь возможность расставаться (отделяться), чтобы снова найтись (примириться) и соединиться, чтобы в единении снова победить. Правильное отношение, т. е. правильное поведение человека по отношению к миру, есть только там, где оберегающая (хранящая) его мимика симпатии, соединенности и общительности (отзывчивости), не означает отказа (оставления). В своем отношении к миру человек оказывается в «своей середине» тогда, когда его состояние без помех допускает вечный вдох и выдох, при которых он входит в мир, не теряя себя, остается в нем, не будучи поглощенным этим миром, отказывается, не отделяясь (не расставаясь) от него, и остается самим собой, не закосневая (не застывая).

3. Правильное отношение человека к самому себе искажается там, где в изменчивости внутренней (духовной) жизни и состоявшейся формы становится явной ошибка (несогласие), будь это преобладание внутренней жизни, бьющей ключом и рвущейся наружу, или жесткая форма, всеми силами оберегающая себя от этой внутренней (духовной) жизни.

Есть люди, облик которых всегда производит такое впечатление, как будто бы их внутренняя жизнь течет и переливается через край в такой степени, что грозит уничтожить любую форму. Такие люди кажутся бесформенными, без внутреннего направления и порядка, чувствительными. Их мимика (жесты) не имеет меры, неритмична, не знает границ и несоординированна.

В противоположном случае отсутствует непрерывное течение движения. Жесты (мимика) скованы и прерывисты, и в состоянии покоя фигура кажется втянутой в себя самое (перекошенной, скобоченной). Здесь не ощущается основы (ядра, стержня), которая движет и одухотворяет целое, органически сохраняет его (не дает распадаться) и живой выходит из этого целого. Целое только на миг усилием воли собирается с силами и постоянно находится перед опасностью неожиданного взрыва или распада. На месте судороги появляется расслабление.

Резюме. Присущая (имманентная) жизнь может быть сильнее скорлупы, или скорлупа подавляет внутреннюю (духовную) жизнь. Понятие «внутренняя жизнь» может иметь два значения: естественная энергия исходных (изначальных) сил или оттесненная (загнанная) в подсознание, непрожитая жизнь, тень. Тогда скорлупа оказывается броней, под которой задыхается жизнь. В обоих случаях отсутствует центрирующая и одновременно раскрывающаяся середина, в которой постоянно уничтожается (сохраняется) противоречие между состоявшейся формой и внутренней (духовной) жизнью. Если середина наличествует, то облик кажется нам подлинным выражением внутренней жизни и оказывает гармонично-волнующее воздействие. Тогда форма и жизнь не противостоят друг другу, а присутствуют тут друг для друга. Форма не кажется ни деланной, ни слишком вялой, ни раскованной, ни жесткой, а кажется такой, какой она сохраняет (оберегает) себя и при этом постоянно преобразуется, т. е. абсолютно живой. Каждое мгновение осуществляется внутренняя (духовная) жизнь в соответствующей ей форме и, наоборот, в постоянном превращении обновляется форма из жизни, проживаемой в этой форме (наполняемой жизнью). В каждое мгновение облик (*Erscheinung*) есть выражение жизни, по-новому формирующей, созидающей и постоянно оплачивающей уже свершенное (ставшее, состоявшееся). Кажется, что все звенья движутся, одухотворяются и заряжаются живой силой неким несокрушимым центром. Целое — это: раскованная форма и раскованность, облеченная в форму. Как нарушение истинной (правильной) середины всегда означает расстройство (нарушение) живого целого, так, очевидно, и правильная (истинная) середина не означает ничего иного, как состояние, в котором целое сохраняет себя живым в соотношении напряжения (напряженности) полюсов! Там, где отсутствует середина, человек из одной крайности бросается в другую. «Экзальтированный» рано или поздно сникает, а несостоятельного время от времени преувеличенно (излишне) тянет вверх. Человек без середины колеблется по отношению к миру между дистанцией, отвергающей сближение с другими людьми, и безудержной преданностью (самоотверженностью), а человек, находящийся в несоответствии с самим собой, переходит от самораспада (автолиза) к судорогам (конвульсиям, нелепости).

Физический образ (фигура) есть выражение состояния всего человека (общечеловеческого состояния). Таким образом, центр тяжести, указывающий (обозначающий) середину, будь мы в состоянии локализовать его в определенном месте в теле (*Leib*), всегда есть определенность общего состояния (настроения) личности, которая заявляет о себе телом (*Leib*) и душой. Таким образом, истинный центр тяжести, проявляющийся в физическом (телесном) и духовно-умственном отношении (поведении), есть нечто третье. А что же есть это третье? Это как раз весь человек (человек в целом), который как «личность в становлении» находится в состоянии, соответствующем сути и миру, т. е. в состоянии никогда не заканчивающегося превращения.

Когда говорят о человеке в целом (обо всем человеке), то в обычном смысле под этим понимают нечто совсем другое, чем в инициальном.

Отношение человека к «верху» и «низу», к миру и к самому себе у естественного (обычного) человека, который осуществляется (состоялся) в правильном существовании и служении в мире, совсем иное, чем у человека, вставшего на инициальный путь, вся жизнь которого определена обязывающим отношением к имманентной трансцендентности, и которая среди своего конечного бытия свидетельствует о бесконечном начале.

Отношение к Небу и Земле выражается в вертикальной фигуре, данной (свойственной) только человеку. В

ней символически проявляется соотношение Духа и Материи. Однако это означает для естественного (обычного) человека нечто совсем другое, чем для человека, вступившего на инициальный путь. Для тех «верх», направленность вверх и обязанность означают преобладание и победу здравого рационального духа, ориентированного на ценности, над «темным» царством инстинктов. Для человека на инициальном пути вертикаль означает силу, одухотворяющую Землю. Она проявляется как легкость, колебание и излучение, которые пронизывают тело, свидетельствуют о потусторонней сути и исходят из нее. В противоположность этому все тело (Leib) обычного человека не преодолевает определенную тяжесть, непроницаемость и недостаток излучения и тогда, когда он в рамках своего горизонта сохраняется, чувствует себя счастливым и состоявшимся. Человек на инициальном пути, а вернее говоря, человек, присутствующий тут в инициальном отношении, обладает флюидами, аурой и способствует присутствию таинственного третьего, присутствию, ни в коем случае не данному личностью совершенной в мирском (земном) смысле. Наоборот, ни одному человеку, даже находящемуся преимущественно на инициальном пути, не дано длительное время пребывать (оставаться) в этом присутствии. Но если он выходит из него, то сразу же теряет обычно свойственное человеку излучение, которое провозглашает присутствие более высокого «верха», Неба.

В отношении человека к миру подлинный контакт с окружающими и с вещами для обычного человека затрагивает совсем не то же самое, что для человека на инициальном пути. Для первого контакт выполняет условия обеспеченного (гарантированного) бытия, осмысленного (рационального) существования и защищенности в своем обществе, т. е. соответствует трем требованиям (стремлениям) обычного мира «Я». А для человека на инициальном пути контакт означает чувствовать себя единым с сутью, присутствие которой позволяет познать (испытать) несокрушимую жизнь, смысл и защищенность, независимо от безопасности, справедливости и общности в мирском смысле.

Отношение человека к самому себе, пока речь идет об обычном человеке, касается отношения между осознающим себя и мир (уверенным в себе и мире) «Я» и «личным неосознанным (инстинктивным, бессознательным)», обусловленным характером и жизненным путем (биографией) человека. Для человека на инициальном пути, напротив, решающей темой является отношение осознанного «Я» к архетипическому фону (заднему плану), присутствующему (имеющемуся) в «коллективном неосознанном», и отношение между «Я», обусловленным миром, судьбой (Schicksalsleib), сформировавшейся в условиях мира, и абсолютной сутью, при всех условиях мира стремящейся к своей форме (V).

ЗРЕЛОСТЬ И НЕЗРЕЛОСТЬ В ТЕЛЕ

Там, где речь идет о проявлении бытия в нашем существовании, всегда имеет место триединство бытия. И в своем прагматическом значении тело (Leib) отражает это триединство: полноту, как физическую силу, закон, как более или менее совершенную (законченную) «структуру» (образование) в ее пропорции и гармонии, как в покое, так и в движении, единство в его отзывчивости (открытости) для физического контакта (общения). Под знаком этого проявления триединства бытия протекает все практическое физическое воспитание. В теле (Leib), как среде трансцендентности, познает (испытывает) инициально поляризованный (поляризованный на инициальном пути) человек триединство бытия как таинственную полноту жизни, божественно овевающую его, и как потустороннюю силу даже среди физической слабости и внешней пустоты. Он познает (испытывает) законность бытия, как светлое (ясное) благополучие (здоровье), даже будучи физически больным, как странное гармоническое состояние среди мирской дисгармонии, а единство бытия в чувстве, преисполненном Божественным, в чувстве подлинной принадлежности к космическому телу (Leib), которое есть в нас и вокруг нас, в котором мы сами выше себя (преодолеваем себя), и дышим, как волна в море. В той мере, в какой мы становимся прозрачными, мы познаем (испытываем) себя как тело (Leib), которым мы являемся, также реально и в участии в целом, которое нас одухотворяет и одновременно захватывает, которое нужно прожить (darzuleihen) нашим индивидуальным образом, и есть наше человеческое предназначение!

Чтобы приобрести проницаемость в теле, которым ты являешься как личность, требуется долгое созревание. «Зрелость тела» (Leib) в инициальном смысле — это нечто совсем другое, чем созревание в биологическом смысле. Потенциальным плодом биологической зрелости является ребенок. Плод зрелости в инициальном смысле есть возрождение из сути, которое предполагает большую проницаемость.

Созревший человек «спокоен по своей форме», так как оставил (отказался) свое «Я» и нашел центр в своей сути. Он в своей общей позиции (манере держаться, поведении) не зависит ни от дружеского расположения к нему мира, ни от признания другими людьми. Он покоится в себе и как тело (Leib), т. е. способ быть (существовать) тут, он является выражением своей внутренней свободы, независимой от мира. Чувство собственного достоинства (самосознание) созревшего человека проистекает не из надежной (уверенной, обеспеченной) позиции, а из его укоренения в потустороннем. Незрелость в теле отчетливее всего проявляется как смена напряженности состояниями расслабленности. Созревший человек не напряжен и не расслаблен, он как душой, так и телом свободен и всегда в форме. Он всегда в форме и никогда не теряет ее. Но эта форма при всей своей закрытости не является замкнутой (глухой), при всей своей открытости не выдана (не брошена). И если человек действительно вступил на путь, то он быстро осознает (понимает) любую напряженность и любое расслабление не только потому, что они доставляют боль или ухудшают физическое состояние человека, и не только потому, что они

препятствуют правильному осуществлению его успехов, но потому, что он автоматически воспринимает их как симптом (предзнаменование) искажения (помехи) того, кем он, собственно говоря, является и кем он хотел бы быть. Человек чувствует себя заблокированным для контакта со своей сутью. И не меньше, чем любую напряженность, закоснелость, любое очерствение он будет воспринимать как «неправильное (несправедливое)» и любое расслабление, не только потому, что он в нем плохо себя чувствует, и при этом невозможно правильное отношение к миру и делу (труду), а потому, что это расслабление отказывает ему в форме, соответствующей сути. Видимым признаком успеха духовной тренировки является то, что «после» человек и в своем теле (Leib) больше ощущает самого себя, т. е. у него больше «силы», он ощущает себя в лучшей «форме» и «в общении», и это все совершенно независимо от всех условий мира в данный момент. Духовная тренировка, которая не дает этого, не обладает силой, преобразующей всего человека (человека в целом) (VI).

ХАРА

Тело (Leib) как среда выражения личности проявляется в осанке (которая определена центром тяжести), в дыхании и в соотношении напряжения и разрядки (расслабления, атонии). Все три термина, понимаемые лично (персонально), не означают ничего физического, а означают среду выражения личных возможностей правильного, т. е. соответствующего сути, бытия и становления или угрозу (помеху) им.

Там, где тело (Leib) понимается как единство мимики (жестов), в которой человек присутствует в мире, и одновременно как среда личного самоосуществления, которое в действительности возможно лишь тогда, когда есть трансцендентальные корни, расстройства человека никогда не означают только физических нарушений, а являются отражением расстройства, противного сути, и неправильной ориентации (установки, позиции) человека в целом. Работа над телом (Leib), которая относится к инициальному пути, как и к личной терапии, есть нечто совсем другое, чем лечение тела (Körper).

В неправильных формах тела (Leib), в частности в расслаблении и зажатости (напряженности), проявляется неправильная манера поведения (позиции) личности. Так, например, зажатость означает чванливое честолюбие, тщеславие, суетность или недоверие и страх в страхующей себя мимике (жестах); внезапное расслабление означает не только физическое изнеможение, но и, например, потерю мужества и убывающую уверенность в себе.

Возьмем для примера судорогу, которая сводит мускулы плеча. Ее нельзя правильно понять, если видеть в ней только физическое напряжение (зажатость), которое пытаются снять массажем, упражнениями на расслабление, проводимыми чисто технически, а в случае необходимости и уколom; но одной из причин возникновения судороги, если не единственной, является неправильная внутренняя установка (позиция, поведение) человека. В личном смысле (с личной точки зрения) такое явление (феномен) означает нечто иное. В высокоподнятых плечах проявляется преобладание маленького «Я», нуждающегося в защите (безопасности), и недоверие к миру и жизни, основанное на недостатке чувства собственного достоинства.

Оказывается, что в основном все неправильные отношения (манеры, позиции, осанка) и обусловленные ими расстройства в теле (Leib) являются признаком «Я», посредством которого человек вытесняется из целостности (цельности) жизни и, в частности, лишается корней своей сути.

У человека, замкнутого в своем «Я», недоверие к следующему мигу вошло в плоть и кровь. Он постоянно озабочен и ждет сигнала тревоги (беды). Он не может спокойно ничего ждать и подсознательно придерживается мнения, что в определенный момент, например, во время испытания (экзамена), он должен «делать» снова то, что он, в принципе, уже умеет и чем он беспрепятственно сможет распорядиться, если только в решающий момент он захочет этим воспользоваться. Но так как человек не может этого из-за недостаточной уверенности в себе, он пасует, когда доходит до дела, потому что он снова «делает» это.

Личное исправление этой неправильной позиции (осанки, манеры) выходит за рамки понимания и познания позиции, которая выражает и создает уверенность (надежность) и доверие. Вместо вытянутости вверх должно появиться укоренение внизу, т. е. в области таза, причем таз нельзя рассматривать извне, как часть тела (Körper). Скорее его следует понимать как играющую решающую роль среду воплощения (осуществления) способа, каким человек «присутствует» в мире: правильным или неправильным, открытым или замкнутым (изолированным). Понимаемый таким образом, он является центром, образование которого может в конце означать спокойную уверенность (надежность) благодаря присоединенности к более всеобъемлющей силе. В этом случае кроме прагматической полезности исполняет он также и инициальный смысл.

Так же, как человека нельзя понять как личность, это относится к его трансцендентному предназначению, так и лично правильный (подходящий) способ видеть и упражнять тело (Leib), которым являешься, есть лишь такой способ, при котором это происходит в отношении его значения, как среды созревания всего человека к прозрачности для трансцендентности. Человек лишь тогда правильно (действительно) присутствует здесь, когда он присутствует как тело (Leib) из сути и для сути, т. е. он открыт для подлинного проявления своей сути.

Тренировка тела для прозрачности подразумевает устранение всего, что стоит у нее на пути, и стимулирование всего, что облегчает ее. Проявлению сути препятствуют все формы проявления «Я», сохраняющегося и укрепляющегося на своих позициях. Симптомами (признаками) этого являются зажатость (напряженность) и ее противоположность — расслабленность. Оба они одинаково далеки от правильного способа

существования в теле (Leib). Любое поведение (манера, позиция) персоны (человека), любой фасад, скрывающий истину, любая фальшивая нота в голосе, любая неуверенность во взгляде, искусственность или небрежность в осанке (манере поведения) могут и должны осознаваться, как симптомы недостаточного укоренения в сути, т. е. как симптомы личной беды (несчастья), и их устранение должно осуществляться.

Правильная осанка человека всегда определяется «правильным центром тяжести». Неправильная осанка, вошедшая у очень многих людей в кровь и плоть, определяется перемещением центра тяжести слишком далеко вверх, т. е. «грудь вперед, живот втянут». Такая неправильная осанка есть выражение человека, который полностью идентифицирован со своим маленьким «Я» и поэтому постоянно хочет удерживать и укреплять свою позицию. Там, где эта неправильная осанка (позиция, манера) вошла в плоть и кровь, там она блокирует избавляющую, обновляющую и сохраняющую силу из глубины. Противоположной формой такой манеры, зачастую сменяющей ее, является сильное изнеможение (обмороки) или такие состояния, когда человек сникает. Здесь напрасно пропадает идеал (воплощение) вертикального человека, предопределенного для определенной формы. В такой расслабленности, если это не просто физическое изнеможение, сказывается недостаток чувства и ответственности для правильной формы, без которой не может проявиться суть. На пути к настоящей форме человек находится лишь тогда, когда он начинает учиться воспринимать (Wahrnehmen) свою середину тела (Leib), свой живот правильным способом (образом). Конечно, для человека Запада есть что-то неожиданное и отчуждающее, когда он слышит, что середина, которую нужно сохранить и воплотить в первую очередь, середина тела (Leib), организованная для трансцендентности, есть живот, точнее подчревная область и таз.

Значение живота, с которым мы постоянно сталкиваемся в романском и раннеготском изображении человека и в изображении Христа, когда он представлен, как Господь мира, это значение давно уже осознано на Востоке, и особенно в Японии, и применяется в тренировке для зрелости, т. е. для интеграции с трансцендентностью. В Японии мы это находим в учении и практике «Хары».

Буквально Хара означает «живот», а в переносном смысле то общее состояние человека, в котором он все больше освобождается от чар маленького «Я» и свободно, спокойно может укорениться в действительности, которая делает его способным (дает ему возможность) чувствовать жизнь с какой-то другой стороны (как-то по-другому), овладевать миром и без остатка служить тому, что является его задачей в мире. Он может без страха бороться, умирать, разрабатывать (оформлять, придавать вид, gestalten) и любить.

Если человек может обосноваться и закрепиться в «хара», то он познает ее, как сферу связанных с ним жизненных сил, при помощи которых человек может понимать (видеть насквозь), принимать, растапливать застывшие формы «Я» и превращать их в новые формы. В силу своей способности к превращению и обновлению, он может по-другому принимать мир. Ничто не может сбить его с ног (потрясти его), ничто не может вывести его из равновесия. Голова остается холодной, все тело свободно-напряженно, и человек дышит в ритме «открыться — закрыться, покориться — снова овладеть собой» дышит дыханием середины (Mitte). Он может оставаться спокойным (хладнокровным) и при «штурме мира». В «хара» человек основывается в пространстве (сфере) источника никогда не прекращающегося превращения и поэтому также в области корней своего личного бытия и становления. Нага-по-хито, «человек с животом», означает созревшего человека, т. е. такого человека, который обрел предпосылки для интеграции мира «Я» и сути. Только тот человек, который может перейти из сферы «Я» в пространство «хара», в середину Земли и тут обосноваться и закрепиться, может затем в конце попасть в свою личную середину (V).

Поиск и тренировка «хара», т. е. той основополагающей середины, что нас освобождает (расслабляет) и одновременно несет и заставляет быть «вертикальными», есть основное упражнение для всего правильного, т. е. соответствующего сути «существования в мире». Это — упражнение (тренировка), при котором все в животе, тазу и крестце становится надежной корневой системой (сферой, пространством) для правильной осанки (позиции, манеры). Тренировка свободной и одновременно прочной (укрепленной) середины делает ходьбу, стояние и сидение свидетельством существования, соответствующего сути. Для такой тренировки хорошим полем деятельности является весь наш быт (все будни), так как если мы, будь это, когда мы идем, сидим или стоим, забываем о «хара», то дела с нашим личным присутствием (участием) обстоят плохо. Тот, кто укрепляется наверху в сфере «Я», остается замкнутым для сути, тот, кто расслабляется внизу, лишается, даже если суть и коснулась его, формы, которую принимает суть. Нет такого дела (образа действия, поведения), которое, требуя от нас направленного внимания и претендуя на нашу волю, не нарушало бы положения середины Земли, существования (тут-бытия, Da-Sein) в «хара». Как только мы целенаправленно «стремимся» к чему-то, т. е. внимательно фиксируем что-то исходя из мира «Я», мы легко можем потерять середину (выйти из середины). Любая «работа», любое целенаправленное действие подстрекают нас, если мы не искушены в «хара», переместить центр тяжести вверх, т. е. делать все с нашим «Я». И именно поэтому любое дело есть возможность потренироваться в правильной осанке (позиции, отношении, манере). Каждый миг дает нам возможность проверить и укрепить состояние, которое освобождает нас от преобладания болезненно робкого «Я», нуждающегося в защите и признании, и которое заставляет нас существовать, исходя из сути, и в той мере, в какой нам это удается, мы легче справляемся с любой работой. Мы распоряжаемся тем, что умеем, дело (работа) удается (идет), и в общении с людьми мы спокойны, просты (непосредственны) и свободны.

Если спросят о самом кратком определении «хара», то оно будет гласить: «Хара» — это общее состояние человека как тела (Leib), которое исключает то, что стоит у него на пути! То, что стоит на пути человека как там,

где он должен пройти проверку (испытать себя) как индивидуальность в мире, так и там, где он должен испытать себя как личность в становлении на инициальном пути; в обоих случаях на его пути стоит его маленькое «Я». «Хара» исключает преобладание маленького «Я», вошедшее в кровь и плоть! И тогда в решающий момент у человека в распоряжении оказывается то, что он имеет, умеет и знает; в случае болезни, например, исцеляющие силы природы не отгорожены от него страхом «Я», и на внутреннем (духовном) пути человек, который может расплавить в «хара» вошедшие в кровь и плоть тенденции «Я», свободен для выражения бытия также и в теле (Leib).

Когда говорят о «хара», как правильной «середине», то под этим всегда подразумевают только середину Земли (Erd-Mitte). Серединой человека есть и остается «сердце». Если человек в «хара» смог освободиться от центра в «Я» (от своего центрирующего «Я»), то в сердце он обретает себя как дитя Неба и Земли, т. е. как плод зрелости, которое исполняется (осуществляется, сбывается) в единении Земли (эрос — космос) и Неба (логос). Также как центр (центрирование, центрование) в мире «Я» удерживает человека в условном, и только освобождение от господства «Я» открывает ворота к сути, т. е. к абсолютному, так и спокойствие (хладнокровие, невозмутимость) в «хара» открывает ворота к проникновению, к осознанию универсальной силы, в которой человек участвует по своей сути, но от которой он, как правило, отстранен (отгорожен). Японец называет эту силу, вырабатывающуюся в «хара», «Ки», универсальная сила, в которой мы участвуем, которую должны изучать, допускать в отличие от силы воли, которую мы «делаем». Там, где мы можем допустить Ки-силу, там мы без усилий можем совершить то, что без нее невозможно.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ УПРАЖНЕНИЕ

Как можно добиться правильной осанки (манеры, позиции), имеющей центр тяжести в «хара», проще всего показать на очень простом эксперименте. Если человека, который обычно стоит, широко расставив ноги, неожиданно толкнуть (ударить) в спину, то он неминуемо упадет головой вперед (ничком). Если же он стоит с «хара», то он обладает удивительной устойчивостью. Его нельзя сбить с ног также и сильным ударом (толчком). Это связано с тем, что человек имеет здесь правильный (истинный) центр тяжести. Человека, имеющего (исповедующего) «хара», нельзя также и поднять вверх.

Тренировку правильного центра тяжести лучше всего, как учит опыт, осуществлять следующими этапами (шагами): сначала тренирующийся становится, широко расставив ноги, прочно, широко и прямо, свободно опустив (свесив) руки и устремив взгляд в бесконечность, таким образом, каким он думает, что он, собственно говоря, и «задуман»: вертикальным, свободным и подателем (носителем) света.

Важно, чтобы тренирующийся, насколько это возможно, постоянно исходил из этой совершенно естественной основной установки (позиции), прочно основанной в самой себе и одновременно соотнесенной с миром, и не думал при этом о животе, крестце и т. д. Исходя из своей мнимо хорошей общей установки (позиции), он должен коснуться частей тела по отдельности, но не снаружи, а изнутри.

При тренировке тела (Leib) на внутреннем пути решающее значение всегда имеет чувство (чувствование) «внутреннего тела» (Innenleib). Это требует образования (возникновения) и утончения специфического внутреннего органа восприятия. Для этого сначала надо закрыть глаза и как бы ощутить (почувствовать) самого себя «под кожей». Затем медленно, следуя сверху вниз и снизу вверх, ощутить все точки напряженности и расслабить их (отпустить, освободиться от них) и особенно внимательно прислушаться к дыханию, как происходят вдох и выдох (как оно идет и приходит). Так постепенно начинают познавать внутреннее тело (Innenleib).

Теперь, не меняя позиции, не ослабевая, можно немного выдохнуть. Выдох при этом длится произвольно дольше, чем вдох. Можно не торопиться и повторить это движение, и тогда появится первое движение, ведущее к правильной осанке (позиции, манере) — освобождение (отпускание). К началу выдоха освобождаются в плечах. Не освобождают (отпускают) плечи, не говоря уже о том, что их не опускают вниз, а освобождаются (освобождают себя) в них. Затем за этим первым движением следует второе — оседание (опускание), т. е. в конце выдоха оседают в тазу (опускаются в таз). Это освобождение вверху и оседание в тазу есть две стороны одного движения сверху вниз, которые, однако, ни в коем случае, само собой разумеется, не переходят одно в другое. Для пробы можно высоко поднять плечи и немного при этом втянуть живот, затем вверху опустить и установить, что при этом внизу совершенно ничего не произошло. С опусканием (оседанием) в тазу кое-что происходит (добавляется). Зачастую тренирующийся быстро учится более или менее освобождаться вверху, но долго не может научиться доверчиво (спокойно, уверенно) оседать (опускаться) в тазу, не преломляясь (сгибаясь в груди). Здесь часто проявляется определенный страх перед «основанием» и становится явной вошедшая в плоть и кровь привычка удерживаться (держаться) защищенно наверху в пространстве «Я». Конечно, в конце концов, движение от напряженности плеч в несущий таз должно стать одним единственным движением. Но чем больше тренирующийся ощущает, о чем при этом идет речь, тем больше и быстрее он констатирует, как сильно он, едва ли думая о чем-то, постоянно втягивает живот и уходит в напряженность плеч, и насколько он далек от того, чтобы доверчиво опуститься в таз и чтобы таз нес его. И исходя из этого, он должен осознать насколько он цепко удерживается вверху в пространстве «Я». Теперь наступает очередь третьего движения, очень важного для технической стороны тренировки «хара»: правильного выпуска нижней части тела (подчревной области)! При тренировке это нужно поначалу оставлять на конец выдоха (выдыхания). Здесь сталкиваются со

старой ошибкой, возникшей в наши дни у многих из-за дыхания по системе йоги, что при вдохе живот наполняется, а при выдохе втягивается! Но тут нужно проводить различие: 1) между естественным и искусственным полным дыханием по йоге и 2) между желудком и подчревной областью. Конечно, подложечная ямка опускается при выдохе и при вдохе немного выдается (выступает) вперед, бока при вдохе немного раздаются из-за расширения диафрагмы и уменьшаются (оппадают) при выдохе (при условии, что диафрагма работает правильно). Однако при полном выдыхании вперед выдается (выступает) подчревная область (об этом знают певцы, если только им не привита неправильная техника опоры). И в этом движении, при котором увеличивается (усиливается) как подчревная область, так и крестец, «хара», собственно говоря, приобретает форму, «физически» предназначенную (задуманную) для «хара» и укрепляющую все туловище (весь торс). Тренирующийся все больше и больше начинает ощущать себя грушей или пирамидой, или у него появляется ощущение, что он покоится на широком прочном цоколе (постаменте), или прочно закреплен в мощном корневище, которое при каждом дыхании все глубже и шире погружает свои корни в землю в то время, как ствол, вырастающий из них, становится все сильнее и свободнее. При этом необходимо, чтобы живот не выделялся (не выпадал, не свисал). Неправильным также будет, если тренирующийся будет его надувать или выпячивать. Правильным будет, если он добавит немного силы в расслабленную и свободную подчревную область. Очень важно в этой силе в корневой системе ощущать самого себя, невозмутимо и прочно покоясь в подчревной области, чувствуя силу в пояснице (крестце, бедрах), во всем туловище (торсе). Создание и ощущение этой силы начинающий может повысить тем, что он медленно и глубоко вдавливая кулак в живот под пупком, затем со свободными плечами, и ни капельки не двигаясь остальным телом, он только мускулатурой живота быстро отпускает («выбрасывает») живот вперед, т. е. одним толчком выбрасывает «незваного гостя — кулак». Если подчревная область остается при этом такой, что в нее можно сильно барабанить, и это не будет неприятно, тогда человек стоит твердо (прочно) и его нельзя сбросить. Теперь важно удержать (сохранить) полученный таким образом правильный центр тяжести! В этой позиции есть еще одна ошибка: подложечная ямка тоже напряжена. Поэтому нужно, в то время, как подчревная область остается в легком напряжении, подложечную ямку заставить снова стать мягкой. Лишь тогда человек ощущает себя правильным образом в целом свободно и сильно здесь, имея правильный центр тяжести, будучи «внизу заземленным» и совершенно свободным вверху. И сразу становится ясным смысл правильного заземления: рост вверх в соответствии с корнями. Правильная связь с Землей обнаруживается как условие законного стремления к Небу. «Ты не сможешь обрести Небо, если предашь Землю».

Таким образом, ошибками, которые совершает начинающий при основной тренировке «хара», являются следующие ошибки: опускают не себя в плечах, а плечи; освобождают не себя, а только расслабляют плечи. Освобождают себя только в плечах, но не оседают (не опускаются) в тазу. Не дают подчревной области свободно скользить, а выпячивают живот. Напрягают область желудка, вместо того, чтобы расслабить ее.

Из стояния (Stand) в «хара» переходят к ходьбе в «хара». Если сохраняют центр тяжести в «хара», то походка приобретает и сохраняет свою естественную грацию: ноги, движимые из середины, никогда не устают, и человек никогда не задыхается.

При сидении заботятся непроизвольно о том, чтобы колени были ниже таза, на котором может расположиться живот, и тогда нет нужды в спинке (стула, кресла). Но и прислонившись, можно сохранить силу в области таза и остаться в «хара» (V).

НАПРЯЖЕНИЕ — РАЗРЯДКА

Напряжение — разрядка, напряженность — расслабленность — это две стороны любого живого целого. Человек нашего времени колеблется туда-сюда между взаимоисключающими себя состояниями «зажатостью и расслаблением» (Verspannung — Auflösung), т. е. он одержим «Я», эта, противная сути, сторона «Я» обнаруживается в обоих видах мимики дьявола, нарушающей жизнь: оцепенение и расслабление. И там, где человек говорит о разрядке, он в действительности часто не ищет ничего другого, кроме расслабления, снимающего все границы, только для того, чтобы снова оказаться в состоянии зажатости. Чему мы должны научиться и что мы должны постоянно тренировать, так это расслабленность, которая не расслабляет, а, напротив, вызывает напряжение и становление новой формы (новое образование формы).

Смысл любой правильной разрядки заключается не в приятном снятии всякого напряжения, а в трансформации его в правильное напряжение. Но эта разрядка в такой же малой степени, как и тренировка середины Земли (Erd-Mitte), является приемом, понимаемым только физически, она всегда подразумевает личную мимику (жесты). Мы должны научиться расслаблять правильным образом (способом) себя, а не наше тело (Körper). Это означает гораздо больше, чем разрядку (расслабление) мускулатуры. Есть принципиальная разница между понятиями: «опустить плечи» и «освободиться (опуститься) в плечах». Первое есть чисто физическое движение (движение тела), которое имеет чисто внешний успех и не оказывает длительного эффекта, второе же — перестройка общей позиции личности. Любая зажатость есть выражение робости (стесненности, замешательства, смущения) «Я», зависящего от мира. Таким образом, речь идет о том, что мы учимся освобождаться (отпускать себя), будучи зажатым «Я»-миром, не только тогда, когда мы явно зажаты, испуганы, раздражены, «выходим из себя» или, защищаясь, удерживаемся наверху, а всегда. Это есть тренировка, касающаяся человека как тела (Leib), которая, если человек пытается найти прозрачность, возложена на него не от случая к случаю, а всегда

(постоянно) и, само собой разумеется, должна содержаться (присутствовать) в любой тренировке духа, которая подразумевает (предполагает) превращение. Так как, где бы ни шла речь о том, чтобы избавиться от маленького «Я», нужно освободиться от формы тела (Leib-Form), которая доминирует или постоянно восстанавливается и часто достаточно прочно входит в плоть и кровь.

Избавление от такого «Я», которое нерешительно и болезненно-робко крепко держится в зажатости, и, в свою очередь, удерживается ею, влечет за собой подлинное изменение всего человека (человека в целом). Сначала неправильное напряжение осознается нами только как физическая зажатость. Но мы должны обнаружить (заметить) ее, как личное неправильное напряжение и научиться освобождать самих себя в нашей общей (всеобъемлющей) позиции. Только тогда мы постепенно становимся спокойными (отпущенными, свободными). От опоры, которую дает напряжение, имеющее свой центр наверху, в пространстве «Я», человек может, не распадаясь, отказаться, если он научился оседать (обосновываться) и укрепляться в пространстве (области) таза, т. е. если он овладел «хара».

Избавление, т. е. освобождение от чар «Я», должно с самого начала ощущаться и тренироваться не только в плечах, но и в затылке, и в верхней части позвоночника. Это выглядит так, как будто бы мы там и на лопатках постоянно носим щит, который защищает нас от опасности, которая может появиться сзади. Неудивительно, что особенно начинающие ощущают легкий страх и им нужно определенное мужество, когда они начинают тренироваться в освобождении верхней части позвоночника. И при этом добавляется еще не менее важное освобождение талии. Человек, живущий без опоры на Землю и держащийся только вверх, изолирует себя от пространства (области) таза. Часто это означает подавленную (вытесненную) сексуальность, во всяком случае оторванность от космических сил, по отношению к которым таз означает связующее звено (соединение, связь). При всей укрепленности в «хара» свободно колеблющийся (качающийся) открытый таз есть основное условие полного здоровья и всего душевного здоровья (V).

О ДЫХАНИИ

Как тренировка правильного напряжения, так и тренировка дыхания в его собственном человеческом смысле не достигает цели, если рассматривать их исключительно как физическую тренировку, которая служит здоровью или повышению производительности. Это печальный симптом, когда под дыханием не понимают ничего другого, кроме простого втягивания и выдувания воздуха. Мы должны воспринимать в дыхании дуновение Великой жизни, которое пронизывает все живое и трогает (движет) человека как цельного человека и сохраняет его живым, как душу, разум и тело (Leib).

Дыхание — это движение, при котором человек открывается и снова закрывается, теряет себя (оставляет) и снова находит, отдает себя и снова обретает, т. е. непрерывно живо превращается (преобразуется). Если дыхание не в порядке, то не в порядке и весь человек, а не только его тело (Leib). Каждое нарушение дыхания свидетельствует о расстройстве всего человека на пути к самому себе. Плохое дыхание снижает не только его работоспособность (производительность), но одновременно является причиной и выражением того, что человек не может быть целиком самим собой, так как стопорится основное движение превращения. В этом заключается инициальное значение дыхания и его тренировки. Блокада, которая выражается в затрудненном дыхании и которая вошла в плоть и кровь, касается общего, а не только физического становления человека. Но так как в неправильном дыхании лицемерие (перестановка) сути не только выражается, но и прогрессирующе усиливается (упрочняется), то тренировка правильного дыхания означает освобождение пути к самовоплощению.

Самой распространенной ошибкой при дыхании является то, что человек выдыхает не полностью и дышит не из своей середины, что он чрезмерно акцентирует или удерживает вдох (т. е. себя во вдохе) и дышит слишком высоко, т. е. в пространстве «Я», так, что «подсознательное» движение диафрагмы, гарантированное только в «хара», заменяется «деятельностью» мускулатуры груди. И тогда на место естественного, соответствующего сути дыхания приходит противное естеству «Я»-дыхание, которое человек делает (совершает, осуществляет) осознанно или неосознанно (подсознательно). Дыхание же, соответствующее сути, происходит само по себе. Там, где это неправильное дыхание стало уже привычным, препятствует оно становлению личности, так как неправильная позиция (осанка, манера), которая имеет здесь место, касается не только тела (Körper), но и показывает, что человек полностью находится во власти своего недоверчивого (подозрительного) «Я», нуждающегося в защите.

Существует много дыхательных упражнений, придуманных человеком, и полезных во многих случаях (для многих целей). Можно спорить об их правильности. Но есть только одно бесспорное (не вызывающее споров) упражнение, это — тренировка для того, чтобы научиться допускать дыхание, не изобретенное человеком, а врожденное и соответствующее сути человека! В этой тренировке речь идет только о том, чтобы прислушаться к дыханию, данному природой (подслушать дыхание), обрести и сохранить его исходную (первоначальную) форму, и это прежде всего означает: допустить то, что нами (нас) ритмично движет само по себе, без нашего содействия (участия), допустить как совершенно естественное вытекание и втекание (истечение и проникновение) при отдавании (отдаче) и получении.

В свете неправильной формы, господствующей из-за особого акцентирования мира «Я», при которой мы непроизвольно сопротивляемся полному вытеканию (выдыханию), а затем, так как диафрагма срабатывает не сама

по себе, мы втягиваем воздух, основная тренировка дыхания, полезная для большинства, состоит прежде всего в допускании, а поначалу и в утрировании полного выдоха. Тогда правильный вдох происходит сам собой. Да, так же как смыслом правильной разрядки является правильное напряжение, так же смыслом и плодом правильного выдоха — правильный вдох, Происходящий сам по себе. Тренировка выдоха не должна осуществляться только как тренировка тела (Körper), а должна происходить так, чтобы мы сами доверчиво и без остатка погружались (проскальзывали) в вытекающее дыхание. В полном выпуске (выдыхании) воздуха выражается доверие к жизни. Дыхание задерживает тот, кто не доверяет самому себе и жизни. Как при тренировке правильной осанки и правильной расслабленности, так и при тренировке правильного дыхания речь идет прежде всего об освобождении (оставлении) «Я», вечно удерживающегося, защищающего свою позицию и свои владения, в мимике (жестах) доверия. Только так мы выходим из нашей глубокой замкнутости и зажатости и открываемся нашей сути, а в новом единении (слиянии) с ней освобождаемся для получения конечного образа, соответствующего нашему бесконечному воплощению (идеалу) (V).

ИНЬ И ЯН

Правильный центр тяжести, правильное напряжение и правильное дыхание — все это вместе находит свое символическое выражение в древневосточном знаке Инь и Ян. В нем в странах Дальнего Востока понимают наивысшую действительность (истину), которая осознается (предчувствуется, предугадывается), рассматривается и познается как «дао» (Тао). Два полюса, между которыми колеблется жизнь и которые опираются и отталкиваются от «дао», называются Инь и Ян. Хотя западное мышление начинает сегодня принимать в свою концепцию человеческого живую полярность Инь и Ян, оно ни в коем случае не допускает только суть (сущность, основу) восточной мудрости, а открывается для плодотворности основного принципа всех важных жизненных наблюдений.

Инь и Ян — что это такое? Это отношение друг к другу и друг с другом двух древних принципов, под знаком которых протекает, изживает себя и снова возрождается (*darleibt, sich ausleibt, einleibt*) вся жизнь в расцвете и гибели своей живой формы (своего живого формирования). Жизнь порождает изобилие форм и придает каждой из них особенность и законченность (совершенство). Но каждому движению в форму (Ян) соответствует встречное (Инь) обратно в единое целое (*All-Eine*), противоречащее всему своеобразию и принимающее каждую форму (которое противоречит любому своеобразию и принимает каждую форму). Так, каждому прорыву в особое соответствует переход в единство, уничтожающее (поглощающее) это особое. В человеке это движение проявляется в действии и противодействии женского и мужского, отцовского и материнского, Неба и Земли, зачатия и рождения, созидającego действия и спасающего бездействия, активного приложения воли и пассивного отношения к происходящему, светлого восприятия «Я»-мира и темных инстинктов, радостного мира «Я» и божественной сути. Но человеческая жизнь всегда состоит из того и другого (включает в себя и то, и другое). Одно без другого не является ни Инь, ни Ян. Только в кругу целого (цельного) и во вращении этого целого знак имеет свою силу (ценность) и приносит плоды то, что он означает. Каждое живое существо есть форма проявления Инь и Ян, и живой человек тоже не исключение. Но подлинно живым он может быть только в гармонии (в соответствии) с законом, т. е. в ритме Инь и Ян.

Истинно живым является дыхание только в согласованности выдоха, переходящего во вдох, и вдоха, переходящего в выдох. Там, где движение в одну или другую сторону стопорится, там жизнь приходит в беспорядок, а там, где это движение прекращается, кончается жизнь! Поэтому дьявола (противника жизни) можно понимать как силу, которая разрушает жизнь двумя способами: он останавливает движение в кульминационный момент становления формы (создания формы, формирования) и ведет к смерти посредством (через) оцепенения (онемение), заставляя при этом сужаться и быть постоянным то, что кажется совершенным (законченным, кажущееся совершенным); или он препятствует движению умирания (гибели) свершившейся формы совершить резкий поворот в восходящее движение к новой форме, что означает затем конец посредством (из-за) расслабления. Таким образом, на место присущей всему живому «одновременности» напряжения формы и растворения (ослабления) в единстве, уничтожающем ее и снова рождающем, приходит несущая смерть противоположность — оцепенение и расслабление. То (первое) является западной опасностью (и в нас тоже), а это (второе) — восточной (и в нас тоже). В обоих случаях замирает дыхание жизни, а это означает смерть. А кто является заместителем (представителем) дьявола в человеке? Не кто иной, как ставящее себя в центр «Я», которое «держит» человека в «напряжении» между зажатостью и расслаблением!

Правильное дыхание — условие правильной жизни. В нем в вечном круговороте осуществляется, растет и развивается (распространяется) становление и исчезновение, умирание и возрождение, открывание себя и закрытие, становление (возникновение) формы и уничтожение ее, появление и исчезновение всего живого в основе бытия. Это более глубокое значение дыхания является также причиной того, что вся духовная тренировка, направленная на живое превращение, в конечном счете, невозможна без правильного принятия дыхания (восприятия, *Wahr-mehmung*). Духовно тренирующийся человек, который не рассматривает себя как дышащее тело (*Leib*), (попадает) приходит к духовности, далекой от тела, не соответствующей превращению, т. е. духовности, не имеющей корней (лишенной основы). В тренировке же правильного дыхания он может ощущать себя и стимулировать в движении превращения.

Время и дух, Восток и Запад различают, какое из этих двух движений особенно акцентируется: «умирание и возвращение (домой)» — Инь, или «зарождение и исход (уход)» — Ян. Народы Востока — это больше народы вечного возвращения (домой), народы Запада — вечного отправления в путь и исхода. Также и люди; есть люди, являющиеся больше Инь, и люди, являющиеся в большей степени Ян. Мир и путь даны и заданы (предназначены) им по-разному. Мать — душа, как праисточник, и влечение (зов) домой, и Дух — отец, как созидательная сила и закон спорят и объединяются по-другому (другим образом, способом). Однако, как бы расставленные акценты не обуславливали различия в ощущении жизни и в основных намерениях, в познании (опыте) обещания и признания, человеческая жизнь остается, в конечном счете, только тогда плодотворной и цельной, когда она допускает и встречное движение (движение в противоположном направлении). Своеобразие любого существа определяет основное направление его становления в предназначенном ему образе (облике, фигуре). Но заданная тем самым тенденция односторонности есть опасность, связанная со своеобразием. Это относится также и к христианскому Западу, для которого восстановление праединства бытия не означает возвращение к Великой Матери (Матери Божией, Große Mutter), а означает победу созидательного светлого Духа-отца над материей, которая благодаря ему сформирована и преобразована в человеке в осознанное отражение праединства (X).

ТРЕНИРОВКА ТЕЛА КАК УПРАЖНЕНИЕ

Существуют реальные установки (позиции), которые противостоят проявлению сути, и установки, стимулирующие (способствующие) это единство. Человек лишь в той мере цел и невредим, в какой структура его основных установок (принципиальных позиций) позволяет ему быть проницаемым, спокойно и хладнокровно открываться своей внутренней сути и, в соответствии с ней, отдавать себя и двигаться (действовать?).

В той мере, в какой обнаруживается эта проницаемость, открывается в существовании бытие, как приятная (осчастливливающая) и освобождающая сила; воплощенность (идеал), как красота подвижного (трогающего) образа, единство, как согревающая соединенность человека с самим собой и другими, открывается подсознательно (неосознанно) уже на естественном (природном) уровне.

Тело (плоть, Leib), поскольку оно зажато или расслаблено, противоречит назначению человека в той мере, в какой оно мешает этим трем проявлениям жизни.

Физическое воспитание (Leibeserziehung), смыслом которого является большая проницаемость для сути, в корне отличается от физического воспитания, при котором речь идет только «о здоровье и успехе (достижении)», т. е. о «работоспособности». Но эта проницаемость в суть является лучшим условием для действенной силы мира «Я», а также для достижения успеха. Но то, что для физического воспитания, ориентированного только или преимущественно на объективный успех (достижение), является только лучшим человеческим условием, становится для физического воспитания, которое сосредотачивает свое внимание на человеке, решающим и направляющим смыслом.

Существует великая традиция древнего японского спортивного искусства. Эта древнеяпонская точка зрения (мнение, взгляд) имеет универсальное и вечное значение. Содержащаяся в ней истина имела бы значимость и для нас, с условием, что для нас центром тренировки тела (Leib), вокруг которой все вертится, был бы не успех (достижение), который можно измерить, а сам человек, который добивается его.

На этом принципе основывается в японской традиции тренировка техники искусств и военного дела (войны) так же, как и тренировка художников (мастеров искусств), в качестве средства открытия и освобождения сути. При этом тренирующийся отдает технику, доведенную до совершенства, т. е. свое умение, освобожденное (очищенное) от «Я» в распоряжение более глубокой силы, которая осознается теперь в блеске его переживания и совершает для него искусное деяние (дело, подвиг). Мгновения, когда это действительно удается, редки даже для великих умельцев (мастеров, знатоков) своего дела и не полностью подвластны им.

Особенность древнеяпонского спорта заключается в том, что в отношениях человека и достижения (успеха) акцент ставится на человека, а не на успех. Не достижение, которое можно измерить, дает человеку, добившемуся его, высокое положение и ценность (значение), а человек своей позицией, установкой и отношением придает большим успехам их высокое положение и значение. Там, где царит такая точка зрения (мнение, взгляд), правильно понимаемая тренировка становится достижением прекрасной возможности очищения и созревания человека, т. е. возможности для упражнений (Exercitium)!

Как же выглядит такая тренировка, в центре смысла которой с самого начала находится не только достижение как таковое, а исключительно правильный человек?

Сначала при тренировке достижений (результатов) речь идет о внимательном намеренном (волевом) изучении техники, которая является условием мастерства. Но уже эта первая тренировка (первое разучивание) «техники» может служить для того, чтобы научиться направлять внимание не наружу, а вовнутрь, и заботиться о правильном образе мыслей (взглядах) и о правильной позиции (отношении).

Чем больше при тренировке человек овладевает техникой и чем беспрепятственнее и бесперебойное (исправнее) возрастает надежность результатов [т. е. чем меньше «техника» или «мастерство (умение)» виноваты в появлении плохих результатов], тем больше общий процесс, доведенный до автоматизма, становится чистым отражением собственного внутреннего (духовного) порядка и беспорядка. Тогда становится все легче увидеть внутреннего врага, т. е. тот фактор в нас, который, вызывая беспокойство, становится заметным в отказе

(неудачах), в небольших подергиваниях (конвульсиях), отклонениях и неполадках.

Сделать осуществление результатов (успехов, достижений) отражением (уровнем) внутреннего порядка — это есть принцип, который может использоваться при любом действии, доведенном до автоматизма. Так печатание на пишущей машинке может стать для того, кто владеет техникой печатания, важным источником опыта (познания), который может разъяснить собственное состояние, и одновременно шансом привести себя в порядок. Там, где владение техникой становится отражением внутренней позиции (отношения), тренировка достижения (результатов) становится одновременно упражнением (заданием) на пути, и именно в той мере, в какой осознается (понимается) причина всех нарушений и блокад (преград) умения (мастерства).

Кто же является внутренним врагом? Кто виноват в том, что не получается безупречный результат (успех, достижение), хотя присутствует безупречное владение техникой? Тем самым мы становимся перед главной проблемой, с которой сталкивается каждый, кто технически овладел тренировкой и должен признать, что в решающий момент он оказывается несостоятельным. Что же это за условия, которыми нужно дополнить умение, чтобы состоялся мастерский (искусный) успех (результат)? Говорят: хорошие нервы! «Условия»! Но что это значит: «быть в форме»? Что приводит форму в беспорядок (нарушает форму) и выводит человека из равновесия. Кому ответ на этот вопрос становится раз и навсегда ясным, тому понятен и центр тяжести (исходный момент), вокруг которого должна вертеться (вращаться) вся тренировка, смысловым центром которой является не объективный результат, а созревание человека. Ответ гласит: это — то «Я», которое имеет свой масштаб ценностей снаружи, а не внутри, и, чтобы быть уверенным, «делает» то, что оно могло бы просто «допустить». Это познание (сознание) включает ознакомление с взаимосвязью любого успеха (результата), а также и успеха в физическом воспитании и в спорте с человеческой зрелостью.

Главным противником (дьяволом) на внутреннем инициальном пути является эгоцентрическое «Я», в своем тщеславии зависящее от мира, ориентированное на мир и нуждающееся в безопасности (защите). Если, с другой стороны, можно доказать, что именно это «Я» портит хороший результат, даже если есть владение техникой, то становится ясно, что хлопоты об условиях заверченного результата (успеха) и необходимое в тренировке тысячекратное повторение одинаковой последовательности движений можно осуществлять как тренировку для преодоления «Я» и как тренировку большей проницаемости! Это имеет силу с того момента, когда овладевают техникой и борьба за безупречное завершение не направлена уже больше на улучшение техники, а все больше становится очищающим спором с самим собой.

Если упражняющийся (тренирующийся) владеет техникой заданного ему дела, то последовательность движений, если он только допускал бы свое умение, протекает как бы сама по себе и непреднамеренно (только с «неосознанной уверенностью»). Если тренирующийся все же испуганно (робко, боязливо) озабочен успехом, то он будет постоянно делать то, что может, вместо того, чтобы просто допускать это. Это означает, что он не может выйти из состояния осознания (восприятия), которое называется «предметно фиксированным» восприятием.

Таким образом, преодоление «Я» означает преодоление: 1) «тщеславного», 2) «фиксирующего» и 3) все делающего «Я». Оно осуществляется в (на) пользу общей позиции, где просто допускается искусная (умелая, мастерская) техника, т. е. в (на) пользу допускающей мимики (жестов) (?). Сюда, как общая позиция, относится доверие. Доверие к чему? Но этого ведь недостаточно? К счастью? Оно обманчиво! К собственному «Я»? Но и оно может обмануть (отказать)! Таким образом, остается только доверие к тому личному (персональному) глубинному центру, который и составляет собственную основу человеческой личности.

В этом основном доверии, там, где есть владение техникой дела (успеха), заключается как предпосылка заверченного достижения (успеха), так и та «набожность (смирение, кротость, благочестие)», развитие которой идет вместе с созреванием. Их жизненный нерв есть не что иное, как абсолютное доверие чему-то, чего нельзя сделать, а что само есть в своей глубине и что нужно допустить.

Это глубинное измерение (глубинность) как и все, что препятствует ему, можно по-настоящему ощутить только тогда, когда озабоченное (заботливое) и доброжелательное «Я» уступает ему место и оно может длительное время воздействовать, если человек сможет научиться не только ощущать его, но и серьезно воспринимать.

Таким образом, существует общее условие (общая предпосылка) для надежного успеха (результата) и прогресса на пути. Наивысший результат достигается там, где у того, кто его добивается, создается впечатление, что он вовсе не сам это делает, если он, инструмент заверченного умения (мастерства), полного доверия и освобожденного от тщеславного и слишком делового «Я», уступает той глубинной силе в себе, которая затем и добивается для него успеха. В этом же смысле всю свою жизнь на пути в зрелость важно постоянно заставлять отходить на второй план (отступать) мир своего «Я», т. е. освобождать поле для той более высокой действительности, на службе которой он, в конечном счете, и находится. На основании этой общности условий заверченного дела (успеха, достижений) и подлинной зрелости любое проявление умения (мастерства) может служить внутреннему пути. Это познание могло бы повлечь за собой революцию в области физического воспитания, т. е. спорта. Спортивные достижения и человеческая зрелость, воспринимаемые до сих пор как противоположность, не только могут, но и должны подчиняться друг другу (сочетаться друг с другом). Смыслом спорта должен быть человек, а не смыслом человека — футбол! Для такого поворота необходима, конечно, точка зрения, что в человеческой жизни речь прежде всего идет о том, чтобы добиться и доказать (проверить) ту проницаемость, которая делает человека способным показать себя в творчестве, служении и любви в мире на

службе более Высокому. Для этого в каждом упражнении постоянно должна ощущаться та «внутренняя форма», которая, исходя полностью из центра, а не от желающего «Я», соответствует требованию успеха. Тогда она все больше будет становиться тайным Мастером (Учителем) дальнейшей тренировки.

Правильная форма всегда обусловлена правильным центром тяжести, т. е. «хара», приобретение, укрепление и испытание которого всегда имеют место в начале и конце любой тренировки. Правильный центр тяжести как условие завершения успеха означает одновременно и условие созревания человека (IX).

ПРЕОДОЛЕНИЕ РОБОСТИ ПРИКОСНОВЕНИЯ

В той же мере, в какой человек продвигается по инициальному пути, т. е. становится единым со своей сутью, открывается ему и контакт с «Ты». Единение с собственной сутью, как способ, в котором потусторонняя жизнь присутствует в человеке, означает ведь понимание бытия как потусторонней полноты, потустороннего смысла и все пронизывающего единства. Понимание этого единства, связующего нас со всем в сути, проявляется в аспекте переживания «Я», как контакта с «Ты». Чувствовать свое присутствие (существование) в сути и из сути — это значит, что все и каждое познается в отношении с «Ты», и это касается не только человека, но и всей природы и вещей. В свете ощущения бытия все и каждый обладает сиянием близости, а каждая встреча с другим человеком обладает глубиной, которая освобождает от всех масок (внешних сторон) и ролей, которые все разъединяют, и делает возможной подлинно личную встречу. Да, и более того, ощущение бытия рождает любовь, но не ту любовь, формой выражения которой является привязанность, прикованность, невозможность отстать (отпустить) или отождествление, которое выражается прежде всего в боязни боли для другого, а рождает созидательно-избавляющую любовь, которая призывает другого к самому себе, т. е. к выражению сути, индивидуально свойственной ему, а иногда при соответствующих обстоятельствах с твердостью освобождает человека от мира его «Я». В свете этого отношения существа к существу нужно увидеть и проверить (пересмотреть) один симптом нашего времени, чуждого сути, а именно: боязнь соприкосновения!

Чем больше люди ощущают себя только как «объекты» для «противоположной» стороны (для других людей), тем меньше они взаимно рассматривают друг друга, и тем больше робеют перед физическим прикосновением (контактом). Конечно, оно существует в форме (образе) нежности, сопровождающей любовь любого вида (рода). Но разве кроме этого нет еще телесного (физического) контакта вне явно выраженных любовных отношений, контакта, который основан на единстве и ощущении сути близкими друг другу людьми? Этот контакт не только узаконивает касание другого, но и дает понять правду. А каждое прикосновение означает или создает контакт не только между двумя (от одного к другому), но и присоединяет обоих к чему-то более обширному (всеобъемлющему), и даже может благотворно довести до сознания принадлежности к большему «телу» (Leib).

Так как близость к другому, имеющая свою основу в сути, не находит должного (достойного) выражения, в том числе и телесного, то мы окружены людьми, которым холодно (которые мерзнут, зябнут). Повсюду есть руки, которые как сквозь решетку ищут руку, которая с любовью возьмет их или вложит в них свое тепло. Если это вдруг происходит однажды, то сразу же перестают существовать решетки, и зябнувшее сердце оттаивает в потоке жизни, тепло, пронизывающее его. Но как редко это бывает! Это происходит как само собой разумеющееся только там, где человек непритворно (нелицемерно) существует просто из сути (исходя из сути) и решается показать правду (истину), каковой он является в ощущении единения с другим. Требуется мужество для того, чтобы перешагнуть через мешающие жизни табу традиций, которые запрещают прикосновение. Почему, собственно говоря? Может быть потому, что с ним рушится разделяющая стена, которая защищает маленькое «Я» и препятствует примитивному действию (вмешательству), которого должен бояться тот, кто, не уважая сути другого, сам был бы способен на несдержанное (нарушающее дистанцию) действие. Но какое отрадное (блаженное), избавляющее действие может иметь неожиданно теплое рукопожатие, поглаживание по голове, или положение руки на плечо, протягивание руки или возложение рук (благословение), взятие или протягивание обеих рук или простое взятие под руку, все это, не желая ничего другого при этом, есть просто выражение и скромный знак братского присутствия (существования, Da-Sein), несомого сердцем, сестринского события (Mit-Sein) и человеческой сопричастности. Сама человеческая мимика (поведение), ощущение единения в теле (Leib) может стать свидетелем присутствия Великого Третьего, сути, соединяющей нас всех, и может вызвать его.

В этой связи заслуживает непохвального упоминания феномен (явление), который характерен (типичен) для формы человека, а именно, принятый (общепринятый) в наше время массаж!

«Медицинский» массаж воспринимает (обращает внимание) только тело (Körper), которое должно быть максимально «в форме». Это состояние, столь желанное для функционирования в мире, не может ни в коем случае быть смыслом и целью лечения (обращения), которое должно воспринимать и лечить человека. При этом лечении не касаются (прикасаются) физического тела (Körper), оно более или менее профессионально направлено на функциональную полноценность, это лечение (обращение) берет на себя человек. О том, как это обычно редко (мало) бывает, свидетельствует тот факт, что только очень редко учат координировать массажное поглаживание с дыханием (например, если речь идет о разрядке, то с выдохом), так как будто бы не знают, что человек при выдохе находится полностью в другом состоянии напряжения, чем при вдохе, и, как будто бы само собой разумеется, что человека «обрабатывают», не обращая внимания на его ритм, проявляющийся в его дыхании. Настоящее лечение

подразумевает не массаж тела, а такой подход к человеку, при котором он может больше быть самим собой, что означает, что он прежде всего входит в свой ритм (дыхание). Если добавляется еще и инициальное, тогда это означает, что пациент осознает себя самого как того, кем он, собственно говоря, и является, и как таковой может тогда возникнуть (взойти, расцвести) в своей сути. Тогда он должен ощущать себя в том измерении, в котором он превосходит себя как «Я», обусловленное миром и с миром соотнесенное, и по-настоящему познает это перешагивание через себя (превосходство над самим собой). Тогда и лечение ведет к познанию (опыту) божественных качеств, которое всегда является признаком возникновения другого измерения.

Правильное «лечение» (обращение) человека включает в себя развитие его «внутреннего» сознания (восприятия), его сознания (восприятия) на уровне ощущений. Так как на внутреннем (духовном) пути важно сокращать (уменьшать) превосходство предметного восприятия над восприятием на уровне ощущений, то становится очевидным значение, которое могло бы иметь для пациента правильное, т. е. соответствующее сути лечение, т. е. его (пациента) продвижение (прогресс) по пути. В лечении это прежде всего означает проницаемость для космических сил и порядка (уклада), в русло которых мы введены и в которых в основе своей мы участвуем. В теле (Leib) есть раскрытие (размыкание) для космической трансцендентности. В этом «раскрытии» человек познает «чрезвычайное расширение своего «Я». Средой (медиумом) этого расширения, если рассматривать с физической точки зрения, является прежде всего кожа, если она воспринимается не как нечто, отделяющее нас от окружающей среды, а совершенно осознанно воспринимается как связующая среда (медиум). Связующая, но с чем?

В ответе на этот вопрос снова отчетливыми становятся оба измерения: мирское (земное) и потустороннее. Многие люди заключены в свою кожу, как в целлофановую оболочку (обертку). Хорошая рука может разорвать (открыть) ее так, что они начинают вдруг дышать кожей и чувствовать себя освеженными и в контакте с миром. На совсем другое измерение указывает прикосновение там, где оно выносит человека за его рамки и заставляет испытать на своем опыте сферу (область), имеющую божественный характер. Это начинается с самопознания «эфирного» (небесного тела, Leib), т. е. пылевидного (пылеобразного, мелкофракционного) тела. К прискорбным (печальным) признакам человечества, которое ничего не знает об истинном опыте (познании) сути, относится и то, что оно не признает (не знает) трансцендентального значения эротики. Во всей эротике, не только в сексуальности, оканчивающейся в оргазме, содержится качественно переживаемый фактор, который заставляет человека как бы погибать в его маленьком «Я» и который возносит человека над собой (выводит его за его рамки). Ведет ли вот это «над собой» вниз к грубо-животному или вверх к трансцендентальной чувствительности — это решает (различает) уже душа (дух). Все сексуальное воспитание должно бы ориентироваться на этот свет Божественного, который уже в тихом эротическом касании может помочь установить контакт (перекинуть мостик к другому берегу). Известно, что в традиции всех религий более или менее тайно выработались приемы (практика), которые используют сексуальность и эотику для того, чтобы позволить человеку (заставить человека) через просыпающееся тело установить и испытать (познать) контакт с трансцендентностью.

VI ПРИЗЫВ УЧИТЕЛЯ

ПРИЗЫВ К УЧИТЕЛЮ

В наше время все чаще, особенно со стороны молодого поколения, раздается обращение к Учителю. Это обращение открывает новую эпоху в истории западного духа.

В обращении к Учителю проявляется «новое время» («Neue Zeit»), которое опережает устаревшую «современность» («Neuzeit»). Обращение к Учителю есть симптом смены века «просвещения» новым просвещением. В нем человек Запада узнает, что в духовности, которая до сих пор была для него определяющей, он был закрыт для действительности, предназначенной для него. Открываются новые ворота (новая дверь).

Обращение к Учителю означает отказ от роли воспитателя и учителя, существовавшей до сих пор, поскольку они претендуют на то, чтобы не только сообщать человеку знания и умения, но и воспитывать его правильным человеком и для правильной жизни, но в их представлении «правильного» отсутствует самое решающее: обязующее отношение к «трансцендентности» и заключенной в ней возможности зрелости, завершающей (совершенствующей) человеческое бытие.

Там, где человек ориентируется только на силу претворения, успех и благополучие, его собственное человеческое бытие остается в тени. Сегодня человек, который, собственно говоря, и имеется в виду, становится известным (стремится к свету) и требует признания и руководства. Но кто может взять на себя руководство? Только тот, кто из собственного опыта знает о божественном (небесном) начале человека, и кто способен утвердить или разбудить это знание в другом и сделать движущей силой для новой жизни. Это — руководитель на пути, который называется инициальным, потому что он начинается с открытия (распахивания) ворот в тайное. Это тайное есть присущий нам, но скрытый в жизни мира «Я», источник силы, смысла и любви, которые не

принадлежат этому миру (не от мира сего), но которые являются врожденными у человека для познания (опыта) и проявления (подтверждения) в этом мире. Руководителем на этом пути является Гуру, Учитель (Наставник, Мастер). Таким образом, в наше время ко всем «профессиям», которые до сих пор заботились о человеке, т. е. к врачу, учителю, воспитателю, психотерапевту, духовнику, нужно добавить управляющего (хозяина) действительности, которую человеку предназначено знать и планомерно развивать в силу божественного начала. Кажется, психотерапия нашего времени сделала шаг в этом направлении (XI).

ПСИХОТЕРАПИЯ И СОПРОВОЖДЕНИЕ (ВЕДЕНИЕ) ПО ПУТИ

В последнее время стали различать малую и большую психотерапию. Под малой понимают те формы лечения, в которых речь идет об исцелении невротиков, о восстановлении душевнобольных. Это должно означать: дать человеку снова способность осуществиться (состояться) в этом мире, доказать свою работоспособность и коммуникабельность (контактность), и как условие для осуществления этого — освободить человека от его страхов, чувства вины и некоммуникабельности. Эта работа происходит во имя (в угоду) человека, естественным образом отождествленного со своим миром «Я». Такое лечение имеет чисто прагматический характер. Оно всегда останется первым стремлением (задачей) врача. Но, в последнее время, тут добавляется другая тематика, которая возникает там, где страдания человека, будь они физическими или психическими, имеют свои корни в той глубине, которая, выходя из рамки еще психологически понятного (уловимого), достигает основы (ядра) его метафизической сути, т. е. до тех глубин неосознанного, проявления которых носят божественный характер. Где появляется Божественное, там имеет место потусторонняя жизнь. «Исцеление» возможно лишь тогда, когда «больной» научится постигать себя (воспринимать себя) оттуда и научится понимать свои неудачи в мире, как выражение блокировки самоосуществления, в котором должна бы проявиться его собственная трансцендентальная суть. Эту психотерапию, которая служит сотворению сути в мире «Я» и в этом смысле служит осуществлению (претворению) подлинного «Я» (личности), служит, а не только внимательно следит за восстановлением мира «Я», чуждого сути, назвали большой терапией. Она, если она хочет сохранить верность самой себе и не превратиться в конце снова в окольный путь для выздоровления и оздоровления (закалки) для мира, должна иметь инициальный смысл.

Понятно, что «аналитик» («психоаналитик»), который сам не обладает «ступенью» (уровнем, «Stufe»), ничего не знает о «трансцендентальной» основе (ядре), ничего не может знать или ничего не хочет знать об этой основе как реальности, и интерпретирует проявления этой основы как проекции, иллюзии и картины желаемого (фантомы) «Я», стремящегося убежать от мира. Этим причиняется большое несчастье (зло, беда). Больному (страждущему), который стоит на ступени инициального и не встречает на ней понимания, или, чего доброго, без должного понимания (чуткости) удерживается на обычной (естественной) ступени, наносится глубокий вред: если человек относится к этой ступени, но не развивается в соответствии с ней, то он заболевает.

При лечении для пациента приобретает важность то, что сам врач серьезно воспринимает для самого себя, как теоретически, так и практически. Также обстоит дело и вне ситуации лечения в более узком смысле. Только то, что мы воспринимаем серьезно, обретает для нас действительность, и чем больше другой человек попадает в сферу нашего влияния, тем больше воспринимаемое нами серьезно приобретает действительность и для него. То, что мы рассматриваем как его основу, может начать действовать в нем как магнит, который все притягивает к себе, как пучина, которая все втягивает в свой водоворот, или проявится вдруг как скрытый источник, который обновляет все. Это свидетельствует о мере ответственности, которую мы несем за тех, кто доверяет нам.

Для человека, призванного на инициальный путь, решающим является тот факт, что он однажды встречает человека, который сам идет по этому пути и умеет увидеть и услышать близких ему людей от сердца к сердцу (от сути к сути). Такое довольно редко случается в семье, кровные узы чаще препятствуют свободе выбора внутреннего пути, чем способствуют ей (стимулируют ее). С товарищами (коллегами) по работе человек тоже связан другим образом. С ними скорее можно делить земные заботы (хлопоты). И только дружба, основанная на родстве душ, создает порою климат, в котором отваживаются немножко раскрыться первые цветки сути (из сути). Но полностью расцвести они могут только в том случае, если тот, кто прошел больший путь, воспринимает то, что происходит, таким образом, при котором он вдруг самого себя открывает новым образом и серьезно воспринимает.

В цивилизации, которая ориентирована на успех и благопристойность, где радио предпочитают душе, а знания оценивают выше мудрости, умение (навык) выше зрелости, очень редко можно быть воспринятым в сути, не говоря уже о том, чтобы найти кого-то, кто займется (позаботится) о только что прибывшем (вступившем на путь). Настало время, когда каждый, кто знает, о чем идет речь, должен осознать свою ответственность по отношению к тем, кто «сюда относится» и стать для них провожатым или помощником на пути — в зависимости от степени их собственного развития.

Превращение, о котором идет речь на инициальном пути, не всегда начинается с отчетливо очерченного опыта (познания) бытия, т. е. не обязательно в пограничных ситуациях и в яркие звездные часы. Иногда — это просто более или менее быстро проходящие ощущения бытия (соприкосновения с бытием)! Иногда — просто дуновение Божественного во сне! Но в наше время растет число случаев, когда люди, зачастую еще очень молодые, заостряют свое внимание на таких мгновениях и удивленно спрашивают себя, что же это такое? С

восприятия и серьезного отношения к таким моментам может начаться путь, который отклоняет любое лечение, но это не обязательно. Видимо, «большая терапия» — это та терапия, для которой речь не идет, в первую очередь, о способности человека, при которой он беспрепятственно и безболезненно функционирует, чего доброго, за счет своей сути. В первую очередь речь идет о самоосуществлении (воплощении) из сути. Но вместе с тем совершенно не обязательно отказываться от прагматической терапии и превращать инициальное превращение в решающий смысл работы. Это происходит лишь там, где нет речи ни о приспособляемости к миру и освобождению от боли, ни о «самоосуществлении», где мерой удачи не является, в конечном счете, мировая способность (?) (Weltfähigkeit), а только проницаемость для сути, т. е., где «истинное Я» понимается как место, в котором бытие само может узнать себя и проявиться в мире на языке этой индивидуальности. Акцент при этом ставится на проявление бытия, а не на соответствие (соответственность) человека миру. И только там, где человек не ищет больше прозрачности для трансцендентности ради своего «Я», а ищет прозрачность для своей сути ради трансцендентности, т. е. созревает для служения бытию, там поистине достигается уровень инициального. «Инициальной» жизнь является лишь там, где она однозначно служит «Великому Третьему». Пока ищут соприкосновения с бытием только ради своего здорового «Я», это все еще лечение (терапия). Лишь когда человек любой ценой берет на себя процесс самоосуществления ради бытия, что может выражаться в боли и во временной потере мировой способности (Weltfähigkeit), только тогда он вступает на инициальный путь.

Другим вопросом является вопрос, насколько путь инициального требует и предусматривает глубинно-психологического познания и глубинно-психологической работы. На деле необходимо глубинно-психологическое очищение неосознанного. Без него человек легко становится жертвой своих иллюзий, которые заставляют его верить (думать), что он ближе трансцендентности и, следовательно, прозрачности, чем это имеет место на самом деле. И если человек, например, в своей духовной тренировке обращается только к светлому и не заботится о том темном, что есть в нем, то его постоянно преследует дьявол. Там, где фундамент гнилой, прекрасное здание — под угрозой.

Так же как и тренировка восприятия и серьезного отношения к Божественному, так и понимание того, что отделяет человека в его сознании и вне сознания от действительности бытия, проявляющейся в Божественном, входит в работу на инициальном пути. И напротив, терапия, чисто исследующая неосознанное и работающая в его комплексах, может совершать важную подготовительную работу, а если она серьезно воспринимает суть, то может стать исходным пунктом и побудителем развития, которое выливается в инициальное.

Но там, где речь идет о большем, чем восстановление хорошо функционирующего мира «Я», к проводимому по всем правилам искусства расслаблению застывших комплексов и фиксированных механизмов должно добавиться трансцендирование формы осознания (восприятия), которая со своим фиксированием царствует в естественном мире «Я», будь он эгоистичным или альтруистическим. Лишь затем с преодолением преобладания все овеществляющего восприятия становится возможным руководство в пути, которое нацелено на нечто большее, чем приспособление еще не проснувшегося к сути человека к миру, и простое восстановление его естественной способности наслаждаться, работать и любить. Только там, где дух врачевания есть священный дух, который, будучи рожденным в опыте бытия, подчиненного до глубины души испытанному закону и идеалу, становится ответственно управляющим сознанием (восприятием), восходит тот свет сочеловеческого излучения, который обладает просветляющей и исцеляющей силой. Работа по преодолению господства предметного восприятия, совершаемая в инициальном руководстве, предполагает, что человек сам осознает (познает) свои границы и намерен предпочесть действительность, не поддающуюся рациональному пониманию, т. е. готов серьезно воспринимать и развивать формы сознания (восприятия), которые могут воздать ей должное.

Также как действительность, в которой имеют силу значения (ценности), является другой, чем та, где существуют факты, где понять смысловую связь означает нечто другое, чем объяснение процесса, воспринять человека как личность означает нечто другое, чем объяснение и понимание вещей и смысловых взаимосвязей, так и трансцендентность призывает человека к совершенно другим ответам, чем факты, смысловые взаимосвязи и личности. Здесь речь идет о все преобразующем, избавляющем и обязующем соприкосновении и единении в сути, которое не исключает всего объяснения, понимания и сочеловеческого восприятия в мире, а включает в совершенно другую, потустороннюю взаимосвязь, которой необходимы совершенно другие формы познания. Отсюда начинают развиваться новое время, новая естественная и гуманитарная наука и новая наука о человеке.

Все религии мира и религиозные философии вырастают из скорбной (мучительной) формы существования, в которой человек, вырастая из рая детства и древнего безгрешия (невинности), заболевает от разобщенности и пытается «найти дорогу домой», на чем в новом обретении цельности круг снова замыкается. Помочь человеку спастись бегством от этого означает помочь ему обрести свою суть и снова укорениться в ее основе, означает осознание и образование в человеке большего субъекта, в котором уже в зародыше содержатся для него как возможность и необходимость повторное становление его целостности после раздвоения. В этом смысле вызов, открытие и образование глубинной личности, отражающей целое, есть соответствующая сути работа с человеком, который ищет себя в сути.

«С методической точки зрения жизненно важная, а не только психологически и прагматически обоснованная помощь по спасению бегством (Weghilfe) направлена с самого начала на то, чтобы разбудить заторможенные или еще неосознанные силы сути и придать им импульс. Поэтому при анамнезе особенно серьезно воспринимаются сообщения о переживаниях, которые «пробивали», воодушевляли, попадали в рационально и

целесообразно устроенную действительность существования. Значение особого, божественного качества таких переживаний не должно остаться тайным для того, кто пришел к тому, чтобы серьезно воспринимать глубинное измерение (измерение глубины) переживания и присущее ему содержание истины. У неуверенного человека пробуждается возможность восприятия событий трансцендентального содержания, и в соответствии с осознанием человек все больше поощряется принять большее участие в понимании (восприятии) более высоко рассчитанного потенциала переживаний. Таким образом, законным становится то, что казалось незаконным или незначительным. То, что является «таинственным» (загадочным) для ограниченной перспективы старой действительности, получает в процессе расширения и углубления сознания (восприятия) степень равенства (равноценности) и свое законное место. Сверхдействительное становится действительным. К рационально реальному присоединяется трансцендентальное реальное с обещанием открыть человека «трансцендентальному реализму» (Evola). Таким образом, «расколдовывается» иррациональное, так как в новой жизни оно воспринимается и допускается как естественная действительность и становится, наконец, насущным хлебом жизни» (Мария Гиппиус в: «Трансцендентность как опыт», XIII).

УЧИТЕЛЬ — УЧЕНИК — ПУТЬ

Новое время, отмеченное серьезным восприятием опыта бытия, предполагает и новое отношение между людьми (личностями), приходящими в этот мир и покидающими его. Возникает общность ищущих, которые узнают друг друга как братья и сестры по бытию, как члены одной семьи, которые понимают друг друга через границы пространства и времени. Давно умершие говорят с человеком, как будто бы они действительно находятся в помещении, старые и молодые (стар и млад) встречаются в вечной близости. Преграды, которые существуют для естественного, еще не охваченного бытием человека, из-за расовых различий, чуждых духовных традиций, другой религии и ранговых различий (сословных) исчезают, и возникает ощущение, что человек будто бы вместе с другими находится в потоке мощной процессии ищущих, которые шествуют через времена и границы, приходя со всех сторон, имея разное происхождение и судьбу, укутанные в разные одежды, каждый сам по себе и в то же время рука об руку друг с другом, с одной неизвестной целью, гонимые одной и той же тоской (страстью), влекомые одной и той же звездой. Создается впечатление, как будто бы в этом шествии жизнь снова срастается в единое целое после того, как лишенная корней своей сути, искромсанная на кусочки и распавшаяся, она снова намеревается обрести себя в блеске своей полноты, своего порядка и единства.

В большом шествии этой жизни, вновь открывающейся в силе заново пробуждающейся жизни, каждый отдельный человек обнаруживает, что он теперь находится на пути, на котором, раз уж его коснулось бытие, он нуждается в руководстве, т. е. в руководителе (ведущем), в Учителе, который нужен ему как ученику для того, чтобы стать тем, кем он познал себя на миг в блаженный (счастливый) час.

Так же как созревание человека в его подлинное «Я» невозможно без соприкосновения с его глубочайшей основой, сутью, которая не обусловлена миром, так и понимание основы сказывается, как мы это испытываем сегодня, в требовании (желании, потребности) подлинного становления «Я» и руководства на пути. Беду несбывшегося (несостоявшегося) существования, если оно однажды осознается таковым, нельзя устранить ни большим успехом в мире, ни возвращением в веру, так как она ведь исходит из ситуации, при которой человек не находит больше своего выражения (исполнения) в мирском успехе, а вера его больше не держит. Таким образом потребность в руководстве на внутреннем (духовном) пути стала неизбежной. А тот, кому нужен Учитель, становится учеником.

УЧИТЕЛЬ

Учитель — это ответ на вопрос, который возникает только в совершенно определенной духовной ситуации и, вместе с тем, только на определенной ступени человеческого развития. Человек попал в тупик, душевную (духовную) беду, выбраться из которой ему не поможет ни один врач и с которой он не может справиться сам и где не поможет ему и его вера. Но он что-то предчувствует и ищет чего-то, что обещано и предназначено ему в глубине души и что могло бы стать, собственно говоря, осуществлением (исполнением) его жизни. Он предчувствует это на основе особого опыта. Каким-то образом, то ли в счастье близости, то ли в несчастье удаленности человек соприкоснулся (установил контакт) с потусторонним бытием, с Божественным. Это нечто совсем другое, чем то, что он до сих пор искал в рамках своих привычек и своего духовного начала. Он сам не знает, что же, собственно говоря, произошло, он только знает, что речь идет о том, чтобы вступить в постоянный контакт с тем, что его тут затронуло (тронуло, коснулось). Беда, которой он должен противостоять, не есть страдания от физической или психической функциональной неполноценности, а это — страдания от оторванности от божественной основы своей жизни как раз потому, что он на миг познал эту основу до самой глубины души. К кому идти тому, кто терпит такие страдания? Не к врачу, который, как врач, ничего в этом не понимает, который, вероятно, объяснит, что это вне его компетенции, выпишет, может быть, что-то успокоительное или направит человека к психиатру. Но этот человек боится (опасается) и психолога, и психотерапевта, которые чего доброго «объяснят» самое драгоценное из его опыта чем-то другим или объявят его иллюзией, инфляцией или прожектом (проекцией). Нет ничего страшнее и неизлечимее (ужаснее), чем в такой

ситуации довериться человеку, который, сам не зная (не имея) такого опыта, неправильно толкует происходящее здесь, например опыт сути как раздувание «Я». Человек также не хочет идти и к священнику-пастырю (духовнику), опасаясь, что он, исходя из своей теологической точки зрения, может усомниться в действительности опыта, может отмахнуться от нее, как от чего-то «естественного» и «субъективного» или даже попытаться «снова вернуть» человека, ищущего совета и помощи, в лоно матери-церкви, из которой, как думали, он уже вырос. Ищут совсем другого — ищут Учителя.

Слово «Учитель» означает: 1) Вечный Учитель, 2) настоящий (реальный) Учитель и 3) духовный Учитель.

Вечный Учитель — это имаго (ступень развития) жизни, которое просматривается в прообразе, идее, архетипе. Реальный Учитель — это воплощение этой идеи в исторической действительности. Духовный (внутренний) Учитель — это потенциал для воплощения Вечного Учителя в реальную фигуру (образ), пробудившийся в человеке в качестве обещания, опыта и предназначения.

«Учитель» — будь это в виде идеи, реальной действительности или внутреннего предназначения, всегда «подразумевает» очеловеченную жизнь, потустороннюю, самое себя воспроизводящую жизнь, ставшую явной в мире в образе человека.

Учитель существует только относительно того, кто безоговорочно ищет путь к этому образу: это — ученик. Таким образом, Учитель существует только вместе с путем и учеником.

Учитель — ученик — путь — это то триединство, под знаком которого открывается дверь в тайное, т. е. в царство, которое не принадлежит миру сему. Это среда, в которой и через которую, несмотря на все сопротивление и при всех условиях, могут обрести ясные (законченные) очертания бесконечное в конечном и жизнь вне времени и пространства — в пространственно-временном мире. Осознать жизнь в ее стремлении к проявлению, признать, как обязанность, имеющую решающее значение для всего, и планомерно идти по «пути» — на это способен человек только на инициальной ступени своего развития. Только когда он познал самого себя в сути, как то искомое, что дано и предназначено ему в мире для полного осознания и формирования, познает свое стремление к самоосуществлению из сути, как подаренное ему «Нужно-Можно-Должно», лишь тогда он жадно устремляется в путь, нуждаясь в Учителе и будучи готовым к роли ученика. Идея, которую означает слово «Учитель», есть идея Номо Maximus, универсального человека, в котором бытие, Великая жизнь проявляются в человеческом образе (обличий) в своей совокупности, как полнота, закон и единство, преобразуются и воспроизводятся, сказываясь в мире своим weltüberlegenen (превосходящий мир) и weltkräftigen (?) образом действий. В настоящем Учителе ученик видит воплощение идеи, проснувшейся в нем самом в качестве потенциала, идеи, которую он намерен и надеется претворить в жизнь на пути, указанном ему Учителем.

Ученик и путь так же, как и Учитель существуют в трех видах: в виде идеи, в виде реальной и духовной (внутренней) действительности.

ВНУТРЕННИЙ УЧИТЕЛЬ

Там, где во взаимодействии Учителя и ученика бытие могло вступать в существование, потустороннее становилось миром в человеческом снимании (образе, способе), там, где ученик через врата превращения вступал на путь в состояние, в котором он шаг за шагом может обнажать (освобождать) правду, присущую ему, и все более и более становится свидетелем (очевидцем, участником) жизни, там это всегда осуществлялось на двух уровнях: на уровне внешнего пространственно-временного мира, где появлялся Учитель, настоящий человек, который встречался другому человеку, ученику, и на уровне внутреннего (пространства) мира самого ищущего. Здесь Учитель — не человек, который встречается ученику извне, а инстанция в нем и для него. Мы все сами являемся этим в силу нашего неконечного начала, являемся учениками и Учителями, мы являемся из беды (нужды) и силы нашей потусторонней сути, которая стремится в нас к своему самовыражению в образе мира (мирском образе, Weltgestalt). И таким образом внутренний Учитель есть условие для поиска, находки и действия реального Учителя в мире.

Тот, кто созревает для пути и стремится к Учителю, так как нуждается в руководстве, но в своем окружении не находит того, кто отвечал бы его запросам, может знать, что он имеет Учителя как архетип в себе самом, себя самого как внутреннего Учителя. Если бы его не было, то человек не мог бы найти Учителя и вне себя. Даже если бы он встретил его, он не узнал бы его. Внутренним Учителем ты являешься сам, как неосознанно стремящийся к осознанному воплощению потенциала такого человека, каким можно и нужно было бы быть. Чувствовать, узнавать и признавать внутреннего Учителя, т. е. этот потенциал, есть предпосылка определенной ступени развития.

Признание (оценка) Учителя в себе не имеет ничего общего с надменностью (высокомерием, чванством). Принятие тяжести (груза) пути, который предстоит пройти, требует подлинного смирения (покорности). Существует еще и ложная скромность, которая на самом деле оказывается просто страхом перед большей ответственностью. Она препятствует проявлению Учителя.

Ощущение и признание внутреннего Учителя как расчет на «бытие как Бог», на гражданина царства, которое не принадлежит миру сему, есть условие для того, чтобы стала эффективной автономная сила (центробежная? Wegkraft), превосходящая все мирские условности. Нельзя говорить о человеке, что он сбился с пути, если ему не давали согласия на то, чтобы он в принципе мог бы пойти по этому пути. Это верно не для

любого человека, но для каждого, кто обладает зрелостью для прыжка на ступень инициального.

РЕАЛЬНЫЙ (ИСТИННЫЙ, ЖИВОЙ) УЧИТЕЛЬ

Слово «Учитель» подразумевает, если речь идет об исторически реальной фигуре, человека, в котором полно присутствует жизнь. Он одержал победу в испытании и познании, он существует как действенная сила и присутствует в реальном образе. В Учителе жизнь в пространстве (сфере) человеческого осознала самое себя в прожитой истине как жизнь, родившуюся (освободившуюся) для создающей (творческой) свободы, имеющую возобновляющуюся направляющую силу и свободную для никогда больше не прекращающегося превращения.

Таким образом, реальный Учитель достиг наивысшей формы человеческого бытия, законченного образа пути, потому что, никогда не достигая самого себя, никогда не останавливаясь, он вступает (вливается) на путь.

Созданный и нагруженный (званный), направляемый и уполномоченный большей жизнью Учитель является бытием, созревшим для проявления потустороннего в человеке. Он переступил через то, что закрывает проявление жизни. Его мышление и действия не подчиняются больше социальным, моральным и теологическим требованиям и порядкам мира, так как он живет в свободе потустороннего. Учитель может уважать порядки мира, но он не подчинен им. Таким образом, он постоянно становится поводом для скандала (нарушителем норм морали, возмутителем спокойствия). Правда жизни допускает свершившееся, если только оно не мешает становлению несвершившегося. Господство (преобладание) бесконечного в конечном взрывает любую конечную форму. Учитель не отвечает представлению об идеале правильного человека. Он не соответствует образу такого человека, каким следовало бы быть в свете традиционных ценностей прекрасного, подлинного и доброго. Все, что исходит от Учителя, является мерзостью (ужасом) для добропорядочного бюргера, а тот, в свою очередь — постоянная мишень для острых стрел Учителя. Учитель не является консолидирующим элементом, он — революционизирующая фигура. Никогда не знают, что произойдет. Он непредсказуем и противоречив, как сама жизнь. Он несет не мир, но меч.

Учитель — это жизнь с ее смертью, предшествующей новой жизни, опасная, непостижимая, суровая. Человек стремится к безопасности (надежности) и гармонии, Учитель же вспугивает то, что уже утвердилось, опрокидывает то, что считалось незыблемым, развязывает то, что связывало себя обязательствами, так как подразумевается движение и никогда — «стояние на месте» («Fest-Stehen»), движение вперед, но никогда — прибытие; преобразование, но не полное окончание (завершение, Voll-Endung). Жизнь есть только в переходе. Учитель поддерживает жизнь в вечном переходе.

В Учителе бытие проявляется в его триединстве. Он представляет полноту жизни, которая ощущается в его исходном могуществе (мощи) и силе, превосходящей смерть. Из него действует законность бытия, которая очевидна в превосходной степени (превосходящем ранге). Из нее он действует как образ, соответствующий бытию, также ничего не делая.

Учитель олицетворяет единство бытия, единство, которое ощущается в его праединении со всем живым, в глубине его человечности и в любви, которая имеет мало общего с «чувством». Это характеризует его ступень. Таким образом, Учителю свойственны три качества (прасвойства) сути: могущество, степень (ранг) и ступень (III).

УЧЕНИК

Для того, чтобы в человеке проснулся ученик, необязательно должно произойти большое событие. Самое незначительное (неприметное) событие может повлечь за собой внутренний переворот, так как пробуждение ученика уже давно подготовлено страданием сути от нехватки воздуха (удушья). Чем больше нехватка, тем больше шансов, что незначительное вызовет поворот, нечто такое, что заставит звучать струны сути и выявит совершенно неожиданно неизвестное, тайное.

Человека коснулся [(за)тронул] таинственный незнакомец. Человека коснулось что-то большое, неизведанное (незнакомое). На мгновение оно приводит человека в смятение (замешательство); он и счастлив, и ошеломлен, и наслаждается, может быть, правда, долю секунды, этим бесконечным источником.

Но только, если подобное не прошепчет мимо и не улечит как настроение, а только, если человек обнаружит (заметит) это как обещание, обязательство и призвание и будет намерен последовать зову, вот только тогда это будет означать, что в человеке проснулся (пробудился) ученик.

Итак, кто может назвать себя учеником? Только тот, кого страсть (тоска) захватила коренным образом, тот, кто, доведенный бедой (нуждой) до грани, думает, что должен погибнуть, если не прорвется (не выйдет из этого положения).

Только тот, кого охватил и не отпускает непокой сердца, пока он не будет утешен (успокоен).

Только тот, кто, однажды вступив на путь, знает, что ему нет хода назад, и кто готов подчиняться, слушаться того, кто ведет его по этому пути.

Только тот, кто, будучи способным к большому доверию, может следовать и тогда, когда перестает понимать, и кто готов к любому испытанию.

Только тот, кто может быть суров по отношению к самому себе и кто ради того, одного, который в нем

стремится к свету, готов оставить все.

Только тот, кто, будучи охвачен абсолютным, принимает все условия и переносит всю суровость (тяжесть) пути, по которому ведет его Учитель (VII).

Руководство (ведение) на пути всегда имеет свои границы, как в ведущем, так и в ведомом, а пробуждение и прорыв сути всегда есть милость. Этот прорыв нельзя «сделать», но можно «готовить» его возможность. Он заблокирован, если помощник робок (пристрастен) в представлениях и взглядах, в которых суть не воспринимается серьезно как основная сила и источник жизни ни для себя, ни для других. Решающим является стремление сути, ускоряющей внутреннее (духовное) созревание в тайном, найти доступ в сознание человека. В большинстве случаев суть становится вратами, которые уже открыты, через них нужно лишь пройти, когда позвуют. Так Учитель видит своего ученика. По блеску его глаз, по тембру его голоса, по потоку мимики (жестов) чувствует (распознает) он своеобразие и местоположение его сути на пути к проявлению в реальном «Я». Прежде всего он направлен (ориентирован) на эту суть, и каждое средство для него хорошо, чтобы обратиться к ней от сердца к сердцу (от сути к сути; от существа к существу) и заставить зазвучать ее в другом. Из этого отношения, в котором он в основном един со своим учеником, открывается ему богатство его первоначальных (исконных) идей, а также сила надличностной (сверхличностной, überpersönlich) любви, излучение и строгость которой все снова и снова вызывают суть другого.

Большими буквами написано «Все или Ничего» над порогом, через который переступает ученик, входя в помещение для тренировки. Все оставляет он после себя, и только тогда он может понять, что то, что он встречает в Учителе, не есть произвол, а есть созерцательная мудрость, которая, будучи направлена прямо на его суть, пускает в ход любые средства, чтобы вызвать ее к жизни; так как смысл умирания, постоянно требуемого от него, есть не смерть, а жизнь, которая находится по ту сторону жизни и смерти.

VII МЕДИТАЦИЯ И МЕДИТАТИВНАЯ ЖИЗНЬ

СМЫСЛ МЕДИТАТИВНОГО УПРАЖНЕНИЯ

Сегодня люди делают много упражнений, которые имеют кажущийся (мнимый) медитативный характер: упражнения на расслабление, успокоение, хатха-йога, трансцендентальная медитация, аутогенная тренировка, дзадзен (ца-цзен, Za-Zen) и другие. Как бы такие упражнения не назывались, всегда нужно задать вопрос: «По какой причине и для какой цели они фактически делаются?» Смысл, если всмотреться внимательнее, почти исключительно практический! Тренирующийся пытается с помощью этих упражнений восстановиться после какого-то вреда (ущерба, потери), который нанесла ему его слишком беспокойная и суровая жизнь. «Упражнения» должны помочь человеку снова стать здоровым, удачливым (благополучным), работоспособным, снова «быть в форме». Они должны наделить его способностью беспрепятственно соответствовать требованиям мира, победоносно отражать нападки мира, переносить стрессы без ненужной суматохи (суетни), выносить травлю и тревогу (слухи, сплетни), не заболев, приходить в себя от чрезмерных требований (запросов) и т. д. Это все очень естественно и понятно и может быть полезным при условии, что натренированность в расслаблении не является, как сказал однажды один тренирующийся, «важной для того, чтобы потом остаток дня снова можно было напрягаться, не подвергаясь опасности заболеть». Тогда, конечно, упражнения на расслабление выстраиваются в сплошное целое всех тех средств, которые подчас кажутся смыслом современного промышленного производства: изготовлять во все больших количествах средства, которые делают человека способным безболезненно остаться на своей неверной позиции (закрепиться в неверном поведении, отношении). Тогда все целое становится ужасным (дьявольским, адским). Страдание становится оправданием неверных путей.

Упражнения не имеют ничего общего с путем, поскольку (если) они, как правило, проводятся под знаком прагматического, а не инициального смысла, т. е. служат самосохранению внешнего, а не развитию внутреннего человека. Поэтому, когда речь идет об «упражнениях», то вопрос: «Как осуществляется тренировка, с какой целью и кто тренируется?» — имеет преимущество перед вопросом: «Что тренируется?» Это относится также и к той форме тренировки, которая находит все большее распространение, к тренировке тишины.

Все чаще люди собираются вместе, чтобы просто вместе помолчать (побыть в тишине), тихо и неподвижно посидеть вместе, так, например, для тренировки по ца-цзен (дза-дзен) или без особых указаний на определенную осанку (поведение), просто тихо посидеть. Входят ли (присутствуют ли) в эту тренировку предметы восприятия (сознания, памяти), например слово, образ, мысль, неважно, главное здесь быть тихим (Still-Sein).

Нет сомнения в том, что это упражнение (тренировка) представляет собой нечто особое и является целительным (благотворным), целительным в глубоком смысле этого слова. Оно помогает сделать человека снова цельным (целым). И другие упражнения медитации должны всегда начинаться с этого упражнения (тренировки) неподвижности тела (Leib). Умение может стать здесь искусством, значение которого далеко выходит за рамки

(превосходит) благословения (счастья), которое оно представляет собой для тела (Körper). В качестве тренировки тела (Leib), которым человек является, это искусство служит становлению целостности личности.

Сначала способность выдерживать неподвижность тела (Leib) имеет тесные границы. Пять или десять минут кажутся новичку вечностью. Чем больше он затем увеличивает время неподвижности, тем больше приближается миг, когда он больше не может выдерживать и может взорваться. Страх объемлет его, и человек впадает в состояние, которое он может подавить только силой, или в вакуум, в котором он боится потерять сознание, и тогда своевременно начинает щекотать в горле, хочется чихнуть или необходимо кашлянуть, или появляется невыносимая боль, которая как бы дает законное разрешение (право) прервать или вовсе оборвать «тишину», превратившуюся в «судороги (конвульсии)». Если же, напротив, в ходе дальнейшей тренировки неподвижности такого рода преодолеваются помехи, и тренирующийся без затруднений и не засыпая почти неограниченно может сидеть неподвижно (в «хара» есть и тренировка неподвижного состояния), то это может быть началом глубоко идущих воздействий (последствий), если тренировка осуществляется в верном духе. Но именно здесь снова нужно спросить: «Для чего в конечном итоге совершается тренировка тишины?» Есть три мотива, которые являются человеческими и очень естественными, но которые упускают инициальный смысл:

1. Тренирующийся не ищет ничего кроме тишины, т. е. он хочет отдохнуть от «шума» мира и, кроме того, обрести состояние, в котором он, не теряя сам внутренней тишины, может оказать противодействие внутреннему или внешнему шуму его жизни. Это понятное стремление. Его исполнение служит только сглаживанию и сохранению нынешнего фасада мира «Я», особенно если это исполнение происходит без устранения неосознанного. Но это ничто для того, кто стремится выйти за границы горизонта своего «Я», да, оно может, как и все, что облегчает беспрепятственную жизнь в мире, замедлить или вовсе помешать прорыву в другое царство (другой мир).

2. Человек ищет в тренировке тишины, какого бы происхождения эта тренировка не была, приятных (прекрасных) впечатлений. Это — опять же очень понятное стремление, но именно это стремление блокирует более глубокую благодать (глубокое счастье), которая может содержаться в медитационном упражнении, проводимом в верном (правильном) духе. Человек нашего времени в своей оторванности от сути находится в ссылке (изгнании). Он ищет свою собственную, свою бесконечную родину, которая начинается только по ту сторону границ его существования и восприятия (сознания) и которая только тогда, когда он нашел ее, может быть открыта внутри этих границ. Конечно, присутствие прародины в переживании становится известным (проявляется) в приятных (блаженных) свойствах (качествах) пережитого. Таким образом, понятно, что ему кажется подходящим любое средство, чтобы перешагнуть границу возможности светских (нечестивых, мирских) переживаний. И здесь имеются в виду «прекрасные впечатления» (ощущения), которых ищут сегодня в таблетках (наркотиках), в «вылазках» («Тір»), в экстатических танцах, как всегда искали в алкоголе и сексе, а теперь еще и в тренировке тишины. Этот соблазн не в последнюю очередь вызывается чтением трудов, в которых, особенно при изображении восточных занятий медитацией, сообщается об экстатических и чудесных состояниях, Samadhi (самадхи), Satori (сатори) и др., и дилетант думает, что такие сверхмерно приятные ощущения (переживания), взрывающие все границы, и есть основное обещание, которое содержится в медитативных упражнениях. Таким образом, он видит в исполнении этого обещания их собственный смысл. Однако это далеко не так!

Так же как большой покой может быть результатом долгой тренировки, также может при медитативной «тренировке» появиться приятное ощущение (переживание), но сделать его смыслом тренировки значит пройти мимо смысла, который ищет тот, кто действительно имеет в виду другое царство (другой мир); кто подразумевает превращение на инициальном пути.

3. Третье стремление, которое заставляет человека наших дней заниматься так называемой медитативной тренировкой, это образование (формирование), совершенствование больших способностей. Однако что тут общего с внутренним (духовным) путем? Таким вопросом ответил один восточный Учитель на мой вопрос, как он относится к чудесным успехам (достижениям) «великих факиров». «Было бы чудом,— так сказал он,— если бы люди, которые десятилетиями, может быть, с детства, а, может быть, и на протяжении нескольких поколений семьи тренировались бы в приобретении “больших способностей” и в конце концов не добились бы успехов в том, что неискuschenному кажется чудом. Но что же здесь общего с внутренним путем? Наоборот, если кто-то продвигается по этому пути, достигая все более высокой ступени, то он сможет в конце делать вещи, которые кажутся другим чудом, но это происходит, между прочим, чаще всего втайне. Именно в этом проявляется Учитель. Может быть он иногда сознательно пользуется чудом, чтобы разбудить другого, но затем снова отказывается от него, оттого, что другой не встал на неверный путь, на котором он с самого начала ищет, что ему причитается лишь в конце пути как плод долгого созревания и что достается ему как бы между прочим». Итак, «большие способности» могут возникать при длительной тренировке великой (большой) тишины, но их развитие (создание) не должно быть смыслом тренировки. Так как в этом случае тренировка служит, в конечном счете, властолюбивому миру «Я», и ... и человек сбивается с пути. Так как, когда человек намерен употребить свою власть в добрых целях, он может это сделать без ущерба «для своей души» только тогда, когда его «Я», ищущее власти и наслаждений, отступает (отходит) под знаком жизни. Это утверждение не исключает того, что тренировка сверхчувственных способностей, как например телепатии, ясновидения, т. е. совершенствование природного дара, которым одни люди обладают в большей степени, чем другие, и который сегодня в быстро прогрессирующей мере поощряется (стимулируется) военными и политическими тайными службами во всем мире,

может быть полезно и для внутреннего пути, а именно по следующей причине: условием доказательства (подтверждения) всех сверхчувственных способностей является временное исключение предметно фиксирующего «дуалистического» сознания. Так как способность к преодолению преобладания предметного сознания есть главное условие для продвижения по пути в другое измерение, то каждая тренировка непредметного осознания (восприятия) может быть полезной. Но тогда смысл такой тренировки есть осуществление важной для инициального человека формы сознания, способствующей прозрачности для трансцендентности, а не способность к ясновидению и телепатии как таковая.

МЕДИТАЦИЯ

Медитация как тренировка на духовном пути имеет свой смысл только как тренировка для превращения! Смысл медитации как тренировки превращения есть состояние, в котором весь человек и как дух (разум), душа и тело (Leib) становится проницаемым для божественного бытия, присущего ему в его сути, становится способным осознать самого себя в своем переживании и через себя проявиться в мире. Смыслом медитации как тренировки превращения является обеспеченная для бытия проницаемость личности, чтобы бытие могло в ней и через нее звучать в мире. Личность подразумевает форму, проницаемую для божественного бытия, сформированную (имеющую форму) проницаемость всего человека для свидетельства (доказательства, проявления) его божественного начала в конечном существовании.

В обычном смысле под медитацией понимают духовную тренировку, когда тренирующийся концентрируется на священном слове, образе (изображении), месте из священного писания, короче говоря, на предметно данном содержании и рассматривает его особым образом и с особой позиции. Медитация как предметное рассмотрение, т. е. обстоятельное занятие «содержанием», заданным для углубленного познания (понимания) и для углубленного исполнения, есть и всегда будет способом духовной тренировки, называемой «медитированием». Решающим, однако, является вопрос, что такая медитация вызывает в медитирующем.

Если медитация, как любая духовная тренировка, должна содействовать человеку на пути его единения с Великой Тайной, то этой медитации, как и любой другой тренировке, надо задать вопрос, только ли она обогащает человека благодаря углубленному познанию или она действительно преобразует (превращает) его.

И тут мы должны задать себе вопрос: «Как может случиться, что один человек, например монах, годами “предметно” медитирует, не превращаясь, т. е. не находя прорыва к сути, а другой человек, медитирование которого проходит под знаком превращения, в медитации, превосходящей фазу предметной концентрации, может подвергаться изменению своего общего состояния так, что когда он, возвращаясь из медитативного состояния, открывает глаза, он видит, что камень, лежащий перед ним, начинает светиться изнутри!» Почему? Потому, что в освобождении от смысла (содержания), заданного ему предметно, т. е. «извне», у него открылось внутреннее око, око сути (третий глаз)! Что же здесь произошло? Ничего, кроме того, что предмет, камень в силу превращения, произошедшего в человеке, раскаляется в сути, спрятанной в его предметности. Это может произойти и с образом (изображением), и со священным словом. Но это ведь означает, что противопоставление предметной и непредметной медитации в смысле непреодолимой противоположности основывается на ошибке (недоразумении) и что обвинение в том, что только «восточной» медитации, которая проходит через пустоту, свойственна непредметная медитация, неуместно, и что требование о том, что христианская медитация всегда должна быть предметной, ложно. Наоборот, если христианская медитация, как и вообще христианская позиция (отношение, манера) считает важным по-настоящему принимать (со) творение (созидание), данное и предназначенное нам в предметности (реальности) окружающего нас мира, и открывать его, как скрытое присутствие Бога, то это может подразумевать только один способ «восприятия», в котором воспринимающий сквозь поверхность явления подходит к тайному и для главного в тайном, к вечно непредметной сути, к «слову» предметно данного, словно освобождает его для переживающего из плена его предметной оболочки, делая ее проницаемой для подлинной основы (суть). Но этого не может увидеть обычный, только предметно видящий глаз.

Пока человек не выйдет однажды из формы своего естественного, т. е. предметного сознания, которое необходимо ему для преодоления своего бытия в мире (In-der-Welt-Seins), но которое, если оно царит исключительно, удерживает человека от восприятия потустороннего в вещах, до тех пор он не может подходить к ней подлинно «христианским» образом, т. е. образом, воспринимающим слово. Тогда и «встреча друг с другом во Христе» является невыполнимым требованием или пустыми словами. До сути предметов он может добраться лишь в той мере, в какой он, освободившись сначала в самом себе от любого содержания, от всяческого нечего, т. е. образов, мыслей, желаний, представлений, становится восприимчивым для соприкосновения с помощью «святого духа», с помощью того, кто открывает другому глаза и готовит путь. Так как люди сегодня понимают это, то тренировка цзен, цза-цзен (дзен, дза-дзен) получает все большее распространение. Искомая в них бесконечность (пустота, вакуум, Zeere) не является привилегией Востока. Разница заключается в том, что для буддиста встреча и единение (соединение) с сутью (называемой там природой Будды) является конечным смыслом (инстанцией), а для христианина же они являются опытом (познанием) того, что он может и должен засвидетельствовать в мире, т. е. открыть, освободить и сделать принципом своей жизни, любви и поведения (образа жизни, формы) (VI). Единение в сути является тогда только переходом, а не концом.

На этом пути нас сопровождают обычно два высказывания, высказывание одного восточного Учителя и

высказывание Новалиса (Novalis). Когда первого спросили об особенности восточной мудрости, он сказал: «Мудрость зрит вовнутрь, обычное знание — наружу. Но когда вовнутрь смотрят так же, как и наружу, то внутреннее превращают во внешнее». Эти слова нельзя воспринимать достаточно серьезно! «Наружу» — это ведь как раз и означает «предметно»! Но то, что находит свое воплощение в подлинной мудрости, есть нечто, что открывается, и именно «непредметно», только тогда, когда его предметно ищут. Это понимание нужно логично додумать дальше: нужно научиться смотреть наружу так же, как нужно было бы смотреть вовнутрь — непредметно и исходя из предмета — для того, чтобы увидеть суть в противостоянии (в предметах, Gegen-Ständen). Таким образом, речь идет о внутреннем во внешнем, обо всем внутреннем, имеющемся во всем внешнем. И впредь речь идет также о внешнем, воспринимаемом в отношении внутреннего.

Слова Новалиса (Novalis) гласят: «Все видимое есть невидимое, возведенное в ранг тайного (в состоянии тайны)». Эти слова можно варьировать: «Все слышимое есть неслышимое, возведенное в ранг тайного. Все данное во времени и пространстве есть все внепространственное и вечное, возведенное в ранг тайного. Все земное, конечное есть потустороннее, бесконечное, возведенное в ранг тайного, и именно этому возведению человек подчинен в силу своего бесконечного начала! И так же, как верен и чудесен тезис о молитве: «Молиться значит выражать бесконечную тоску конечной сути о своем бесконечном начале», — также верно и неизбежно требование о том, что призванный на путь имеет назначение искать бесконечное в конечном, находить и доказывать (свидетельствовать) его. Превращение в состояние, в котором человек способен на это, и есть смысл Великой медитации и неотделимо от нее — смысл медитативной жизни!

МЕДИТАТИВНАЯ ЖИЗНЬ

Засвидетельствовать бесконечное в конечном — условием этого является понимание, приобретаемое только в основной медитативной установке, что весь мир, который мы познаем и в середине которого мы сами, может восприниматься, как бесконечная попытка бесконечного (про) явиться в конечном! Каждая вещь, каждый цветок, дерево, животное, человек, как все, что есть или живет, полно силы жизни, которая намерена непрерывно проявляться и появляться в особом виде (образе). Как-нибудь однажды человек, пробудившийся к сути, в свой звездный час, который ошеломит и одновременно осчастливит его, сможет убедиться в том, что и он участвует в этой жизни, которая в качестве Божественного хочет продолжаться в нем и через него в неповторимом человеческом образе (виде, способе). Что же иное, чем возможный опыт, обещание (предсказание, обет), предназначение, может означать тезис, что мы — сыновья (дети) Бога? В качестве детей (сыновей) Бога мы сами являемся чем-то совсем другим относительно «мира» и одновременно являемся жизнью, обретающей в нем образ (форму). Мы являемся этим (таковым) не в противоположность миру, а мы призваны испытать (доказать) себя в себе, в нем и к нему, как «совершенно другое», сначала удерживаемое втайне, но предназначенное для проявления (обнаружения). Для человека, пробудившегося к пути, это не благочестивый тезис, а теплокровное знание, наполняющее новой энергией его жизнь (дни и ночи), как опыт, обещание и предназначение.

Стремление врожденного бесконечного проявиться в конечном — это и есть наша подлинная (истинная) середина! Открываться для нее, сохранять ее при соприкосновении (контакте), жить, ориентируясь на нее и исходя из нее, среди мира, среди того, что прячет от нас середина — это и есть смысл медитативного. И это не ограничено отдельной (обособленной) тренировкой, не говоря уже о сидении без дела при медитации. Медитативное не отличается от немедитативного бытия в мире (In-der-Welt-Sein) как ничегонеделание от деятельности. Оно проявляется скорее как недействие (бездействие) в действии, как тихое свершение, остающееся в соприкосновении и ответственности для бытия, даже и среди шумных дел. Таким образом, сражаться мечами, стрелять из лука, ваять, валить деревья — все это тоже может быть медитативным действием, и, как гласит древнебуддийское изречение, «каждая (любая) ситуация становится самой лучшей из всех возможностей» для засвидетельствования верности бытия среди существования, т. е. в смысле «проживать каждый миг, как кусочек вечности».

ПЯТЬ СТУПЕНЕЙ

Если ученик на инициальном пути способен правильно воспринимать себя в теле (Leib), если он понял и может допустить правильный центр тяжести, правильное соотношение напряжения и разрядки и правильное дыхание, тогда он готов начать через тело (Leib) превращение, о котором идет речь на этом пути: превращение в форму, проницаемую для сути. Это является собственным смыслом всех духовных тренировок (упражнений) и, в частности, медитации.

Опыт учит, что форма бытия личности, подразумеваемая на инициальном пути, есть результат превращения (движения превращения), которое, если рассматривать его схематично, осуществляется на пяти ступенях (этапах).

I. Первый шаг касается освобождения от господства мира «Я», цепко держащегося за свои позиции. Это требует в первую очередь освобождения от всего, с чем едино «Я», обращенное к миру, от всего, за что оно держится. Человек должен расстаться со своими теоретическими и этическими представлениями и порядком (укладом). Он должен отказаться от своего упрямства (своеволия) и от того сердца, чья любовь состоит в привязанности (приставании). За этим освобождением (в теле — Leib — это подразумевается «наверху») следует

оседание (опускание) в другом месте (в теле — это таз). Это оседание (опускание) сливается в полной связи и доверительном единении с «основой» (почвой)! Почва (основа), в которой человек хочет остаться, принимает его только в той мере, в какой он исповедует «хара» (находится в «хара»). «Хара» означает тогда также и таз, чашу (лоно), которая принимает и превращает освобождаемое и освобождающегося (покидаемое и покидающего).

Движение превращения, осуществляющееся в «хара», само состоит из трех шагов:

1. Прием освобождающегося в материнское лоно (чашу).

2. Открывание вниз в тазу, которое позволяет проникнуть космическим силам, благодаря чему происходит очищение от любого предметного содержания в единении с Великой природой. Это функция «хара» как космической чаши (лона).

3. В освобождении (очищении) от всех вещей создается девственная (первозданная) чаша, обращенная, в свою очередь, вверх, понимание которой открывает человека для восприятия (зачатия) «священного духа» (geistlicher Geist).

Эти три шага в развитии «хара» от материнского через космическое к девственному (первозданному) лону составляют первую ступень в инициальном движении превращения, как оно тренирует в медитативном упражнении сидения, служащего очищению (опустошению).

II. Второй шаг есть опыт проникновения священного духа: переживание света, организующего все по-новому, несущего в себе зародыши форм новой жизни, единение с духом, который оплодотворяет готового к зачатию по ту сторону всех привычных порядков (укладов), образов, мыслей и представлений.

III. Плодом этого единения (слияния) «Неба и Земли» является познание (опыт) новорожденности как дитя Неба и Земли; так осуществляется третий шаг. «Место» этого опыта — сердце. Но не то сердце, что находится «слева», а сердце в середине, которое олицетворяет освободившегося, нашедшего себя (пришедшего к себе). Этим опытом (познанием), там, где он появляется, кажется достигнутой кульминация возможного. Человек чувствует себя новорожденным, поистине сыном Неба, пришедшим к самому себе в сути (нашедшего самого себя в сути). И очень понятно, что его вдохновляет желание остаться собой, защищенным от любого беспокойства (расстройства), вызванного миром, противопоставленным потустороннему. Но здесь как раз требуется нечто другое, так как это переживание превращения не создает еще превращенного, просветление (озарение) не рождает еще озаренного.

IV. Будучи слабым и незащищенным как новорожденный, он не может еще выполнить свое предназначение в мире — еще ни один ангел не смог изменить мир. Для того, чтобы стать способным показать себя в мире «сыном Бога», человек должен — и это есть четвертый шаг, — планомерно работать над превращением. Для этого он должен вернуться обратно «в мир», должен отважиться на разрушение только что завоеванного, должен, образно говоря, вступить в борьбу с драконом и, купаясь в крови дракона, закалиться для борьбы со всеми формами проявления дьявола в мире. То «темно», к которому должен явиться новорожденный, т. е. пробудившийся к сути, есть собственная тень. Нигде не встречается человек с сумраком своей души так неизбежно и с такой пугающей отчетливостью, как в зеркале божественного света, открывшегося ему.

V. Плодом этой интеграции, «темного мира», четвертого шага, «четырёхкратности» (C. G. Jung) является пятый шаг как квинтэссенция: сердце, закаленное «снаружи» и «изнутри» во встречах с темным, в силу чего человек способен, будучи homo faber более высокого порядка, засвидетельствовать и исполнить свое предназначение, свое бытие в существовании. Для христианского Запада инициальный путь не заканчивается в избавляющем единстве (All-Einen), а через него в абсолютной (совершенной) личности (Voll-Person), освобожденной от чар «Я» и способной к индивидуальному свидетельствованию своего Божественного начала.

VIII ОБЛАСТИ (СФЕРЫ) ИСПЫТАНИЯ

БУДНИ КАК ТРЕНИРОВКА

Главное поле доказательства (испытания) открывается на пути, как только человек действительно решился и готов жить в мире под знаком своего назначения, т. е. жить службой потустороннему бытию. Он должен впредь свидетельствовать о своем бесконечном начале в своем конечном существовании. Он должен понимать, что он может быть невредимым, только сохраняя верность этой службе. Пока он живет ради своей безопасности (уверенности), счастья и своей службы миру, он не может найти истинного (правильного). Только, если во всем познании, действии и служении речь для него идет о проявлении жизни в мире, то он попадает (вступает) на путь. И тогда будни (повседневность) превращаются в единственное поле тренировки. Пока в тренировке человек ищет чего-то для себя, будь это приобретение больших способностей, прекрасные (приятные) ощущения (впечатления) или спокойствие и гармония, или даже свое собственное благо (спасение, счастье), и пока речь для него идет о завершении дела безотносительно бытия, он сходит с пути.

Повседневность в качестве тренировки означает всегда вхождение в возвращение, отказ от мира и допускание сути. И если мы однажды почувствуем самую глубокую основу нашего «Я», и в нас проснется суть, то

мы ощутим тогда и суть (сущность) вещей, и среди земного (мирского) существования нам повсюду встретится бытие.

Когда мы осознаем (понимаем) суть, то чувствуем себя по-другому. Мы раскованны и свободны, наполнены силой, ясны и исполнены рождающейся жизни. Что было для нас только что грузом, теряет свою тяжесть, что приводило нас в ужас (вселяло в нас страх), не угнетает (не преследует) нас больше. То, что приводило нас в отчаяние, теряет свою резкость (смягчается). Там, где все было закрыто, кажется открытым. Если мы только что были бедны, мы чувствуем себя богатыми, и среди шума становится в нас самих вдруг странно мирно и тихо. Мы чувствуем себя как бы погруженными в невидимый свет, который просветляет нас и согревает, мы находимся в сиянии, освещающем все. Это может появиться внезапно (молниеносно) и также быстро снова исчезнуть. Мы не можем ни сделать, ни удержать все это, но, если мы правильно прислушаемся, то сможем осознать позицию, которая препятствует такому, а также любому другому опыту, который готовит нас к такому переживанию, и потренироваться в нем, и не только в особые часы, но целый день!

Мир, в котором мы живем, не является юдолью печали, отделяющей нас от вершин Божественного, а является мостом, который связывает нас с ним. Мы должны только рассеять туман восприятия, который закрывает нам вид на него, и снести стены, которые преграждают нам путь к нему. В этом заключается смысл требования проживать будни в качестве тренировки. Для этого не нужно особого времени. Каждый мир призывает нас к испытанию и размышлению (осознанию, призывает одуматься). И нет никакого действия, внешней цели которого служило бы то, что не имеет для нас шанса все больше углубиться в истину. Что бы мы ни делали, ходим ли мы, стоим или сидим, пишем ли, говорим или молчим, нападаем ли или защищаемся, помогаем или служим, неважно, какому делу — все и каждое скрывает в себе шанс осуществить это в манере и установке, которые все больше свидетельствуют о соприкосновении (контакте) с бытием, устанавливают и укрепляют этот контакт и таким образом служат увеличению прозрачности для трансцендентности.

Если будни проживаются как тренировка, то как и при любой духовной тренировке, которая не искажает ее смысла, «колесо превращения» в каждый миг вращается по пяти этапам (шкагам) и по одному и тому же закону:

1. Испытание критической наблюдательности (бодрствования, Wachheit).
2. Отдавание и жертвование тем, что препятствует становлению пронцаемости.
3. Единение с преобразующей основой (почвой).
4. Возобновление идеала, выходящего из него.
5. Свидетельство и испытание в повседневности (неудача которых снова воспринимается критической наблюдательностью).

Каждый отрезок (этап) этого вращения по-своему служит возникновению состояния, в котором человек все больше и больше становится прозрачным для бытия. Ни один шаг не должен отсутствовать. В каждом шаге, если он действительно осуществляется, содержатся все другие шаги. И все же каждый шаг имеет свой собственный смысл. Так, начинающий, а каждый был им какое-то время своей жизни, правильно делает, будь это в повседневной тренировке или в особые ее часы, когда переносит центр тяжести то на один шаг, то на другой. Одного только нельзя никогда забывать: превращение есть только тогда, когда колесо превращения не перестает вращаться. Каждый шаг становится плодотворным только в течение непрерывного вращения колеса. Созревание подразумевает вечное вращение (оборот).

Сила для никогда не прерывающегося вращения никогда не исходит только из одного «впечатления» («переживания»), в котором бытие избавляюще и обязующе захватило нас в особый час. Скорее мы должны постоянно по-новому познавать и понимать смысл пережитого побуждения (стимула, мотива), «свидетельствовать о бытии в существовании», утверждать его исполнение во все новых решениях, основывать на совести и воле. И только на основе верности «превращению без остановки» существуют жизненно важные наблюдательность (Wachheit), отказ (освобождение, оставление), отдача, единение, возобновление (становление нового) и свидетельствование в буднях (повседневности) (VI).

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Профан часто задает вопрос о том, не обращает ли каким-либо образом человек к самому себе «внутренний путь», на котором он, будучи «обращенным вовнутрь», заботясь о своей сути, пытается найти контакт (соприкосновение) с ней и сберечь при всех обстоятельствах так, что он перестает разбираться в том, что происходит вокруг него, и в большей или меньшей степени эгоцентрически забывает о своих близких и обществе. Сам вопрос уже свидетельствует о неопытности спрашивающего.

«Суть», которая на инициальном пути выходит на середину (в центр) ответственного сознания, не является тем «Эго», которое со своим «Я есть я и хочу им остаться, отличаясь от другого и отрешаясь от него» отстраняется от всего, а является способом участия в том одном, что живо во всем. Так, как раз в той мере, в какой «суть» раскрывается в понимании и как понимание, просыпается осознание единства в сути в отношении к окружающим (близким) и миру, осознание связанности друг с другом, зависимости друг от друга и отрешенности друг от друга, правда, на новом, т. е. инициальном уровне! Если человек приходит на инициальный путь, действительно встает на него, это означает абсолютное (тотальное) изменение, поворот «вовнутрь», который заставляет человека искать на некоторое время одиночества. Но древней ошибкой является то мнение, что большое изменение

(поворот) может выражаться в совершенстве личности, которая живет в мире эгоцентрически и без любви. Напротив, человек с материалистическим мировоззрением может открыться в бескорыстном служении обществу с целью наибольшей безопасности (уверенности) и наивысшего благосостояния для большинства, может по-человечески сделать много хорошего, но все же это не имеет ничего общего в смысле инициального на внутреннем (духовном) пути. То, что он может также заявить о себе в жизненной форме, проявляющейся «этически», не означает, что она характеризует его суть. Правильно понятое христианство есть нечто большее, чем совершенная социальная работа, а смысл креста Христова есть нечто другое, чем «Красный крест», возведенный в ранг смысла жизни.

Если человек вступает на внутренний путь, т. е. на основе опыта (познания) сути вдруг понимает то, что, собственно говоря, предназначено ему в глубине души, то меняется вся его жизнь. Будучи «учеником на пути», он стал совершенно другим, он смотрит на жизнь другими глазами и совсем по-другому, чем до сих пор: это касается его окружения не меньше, чем его самого. Все получает свой смысл и свое значение из его отношения к бытию. Таким образом, становится сомнительной большая часть существовавших до сих пор связей, дружб, многолетних привязанностей: семья, кровное родство, мирские объединения (союзы) теряют свое безусловно обязующее значение. Вращаясь отныне вокруг нового центра (середины), человек, которого коснулась и призвала суть, отходит от всего, что относительно центра является периферией. Тогда он кажется другому часто странно изменившимся, вероломным (неверным) и, может быть, даже не совсем нормальным. Для того, кто однажды познал два начала своего человеческого бытия, воспринял свое божественное начало как обещание и принял как предназначение, в корне меняется отношение к окружающим (близким) и миру. Он меньше, чем раньше, делит с другим радость и страдания этого мира, но он доверен (вручен) ему как брат на пути в царство, которое не от мира сего! Это означает: он находится с другим и для другого в ином измерении, т. е. в опыте, обещании и предназначении его засвидетельствования в этом мире как раз в совместности с жизнью. «Сочеловечность» (сопричастность с другими людьми) приобретает новый смысл, если «небесное» (божественное) начало человека перестает быть делом только религиозной (благочестивой) веры. Тот, кто живет под знаком пути, неизбежно притягивает других, которые ищут путь, так как его манера (способ, образ) реагировать на что бы то ни было, обращаться в разговоре к этому, а к тем не обращаться, а также его манера спрашивать, произвольно направляет внимание другого на то, что «в корне» важно для него, но что он осознает только теперь. Быстро узнает один в свите другого, и ищущие путь скоро становятся спутниками. Ближний! Это утратило в «новом времени», идущем к концу, свое доброе (хорошее) звучание. Оно противоречило и противоречит миру, в котором царит радио. Дух этого мира суров и бездушен, реален (разумен), в нем нет места душе. Для холодного духа нашего времени «сочеловечность» (сопере-живаемость, сопричастность) означала нечто слишком мягкое, теплое, отдающее милосердием (соучастием). Оно означает что-то вроде «благотворительности» (*Caritas*). Это слово создает неловкость (вызывает неприятные чувства) для одних из-за того, что вызывает у них угрызения совести, напоминает им о чем-то, что они должны были сделать, но чем пренебрегли, для других из-за того, что они не хотят благотворительности, а хотят только того, что им причитается. «Сочеловечность» в новом смысле — это преклонение перед другим в его сути.

Человек запрограммирован на диалог. В человеческой жизни все происходит в виде вопроса (зова, вызова, оклика) и ответа. Но он спрашивает себя: «На каком уровне? Кто зовет и кто отвечает?» Если человек заново открывает себя в сути, т. е. на новом уровне, он заново открывает и своего ближнего как партнера, и его предназначение как спутника и брата на пути. Для того, кто ничего не знает о пути, зов и ответ происходят только на уровне «мира» и его стремлений (требований) и нужд (бед). Но только те, у кого открылся «внутренний слух», могут узнать, что соотношению зов — ответ вечно подчиняется и превосходит его вызов и зов домой Бога: «Адам, где ты?» — и что человек только в ответе на этот зов полностью становится человеком и ближним. Только там, где в отношениях человека к его ближнему потусторонняя жизнь становится фактором, определяющим смысл и направление, может отношение человека к человеку стать в глубочайшем смысле правильным и плодотворным (плодоносным). Сопричастная (*mitmenschlich*) жизнь может состояться ведь только там, где открывается ее истинный смысл: открыть в другом, среди мира — потустороннее, т. е. любить, но не той любовью, что «мила» (приятна), а той, что в служении бытию освобождает, требует, оплодотворяет.

Сопричастное (*mitmenschlich*) поведение на ступени (уровне) естественного человека означает помощь другому, исполнение трех основных стремлений жизни к надежности, смыслу и защищенности в той форме, которая соответствует естественному миру «Я». Это значит содействовать другому в обеспеченной жизни, помогать ему найти толковое (рациональное) место в служении делу или обществу, утешать его в беде и помогать обрести защищенность в любви мирской (земной) общности. Каждая роль или ситуация, в которой человек встречает другого, дает возможность соответствовать (удовлетворять) этой сочеловеческой (*mitmenschlich*) задаче в земном существовании другого. Нужно только думать (помнить) об этом. Но так же, как человек не идентичен своему миру «Я», а становится самим собой только, если обретает осознанное соприкосновение со своей потусторонней сутью, так и подлинная сочеловечность (*Mitmenschlichkeit*) исполняется только там, где она выдерживает испытание под знаком потусторонней сути. Мы должны четко отличать сочеловеческую (*mitmenschlich*) задачу, которая выпадает на нашу долю как миру «Я», обусловленному судьбой (фаталистическому), перед лицом шансов (возможностей) мира и беды существования другого, от задачи, которая возникает для нас в отношении сути другого, затемненной или вытесненной этим «Я», и относительно беды и

обещания (предсказания), вытекающих из этого. Таким образом, можно двумя способами быть обязанным другому, как товарищ по судьбе (несчастью) и как брат.

Сочеловечность в более высоком смысле значит узнать (распознать) друг друга в истине нашего Божественного начала и воспринять с той любовью, которая под знаком святого, т. е. потусторонне познанного духа и его света, присущего нам, может быть строгой и суровой при уничтожении фасадов, которые под предлогом защиты гладкой гармоничной жизни препятствуют проявлению потустороннего (X).

СТАРЕНИЕ

Как правило, для человека, связанного с соблазнами, страданиями и обязательствами этого мира, потустороннее есть нечто, что нисходит в часы тишины или появляется и призывается в пограничных ситуациях. Там, где человек стареет правильным образом, расширяются ячейки сети, которая удерживает нас только в мирских (земных) отношениях и то, что до этого казалось второстепенным и странным, все чаще выступает как истинное (первоначальное) при условии, что стареющий человек может освободить и допустить то, что его ждет.

Двойное начало человека особым образом проявляется там, где его старение означает не старость, а зрелость. В единении с Божественным началом теряет свое значение то, что обусловлено временем и пространством, и на первый план выступает надвременное и надпространственное (вечное). Для человека на пути через перегородку земного существования, становящуюся все тоньше, все отчетливее просвечивает потустороннее. В той манере (образе, способе), как он смотрит на жизнь, как хладнокровно соглашается с тем, что она приносит и забирает, как в каждой ситуации использует шанс засвидетельствовать более высокий смысл, проявляется тот факт, что для него большее значение приобретает другая, более высокая (возвышенная) жизнь.

Повсюду, где жизнь еще или снова цельная (благополучная), она проницаема для более высокой жизни. Эта прозрачность для Божественного бытия, стремящаяся к проявлению в нас и через нас, которая в конечном счете является целью всего духовного развития, становится для старого человека, если он остается на стадии созревания, подлинным (истинным) и в конечном итоге единственным смыслом его существования.

Смысл старости, как и ее достоинство, не привязаны больше к действию, направленному наружу, в мир, а привязаны к прозрачности для присущего нам Божественного бытия, которое сияет как внутренний свет, потусторонняя сила, мудрость и доброта. Плодом зрелой человечности является благословение (одобрение) излучения, которое без всякого действия, по ту сторону действия или не-действия, исходит от человека.

С глубочайшим смыслом завершить свою жизнь может лишь тот, кто до конца не переставал совершенствоваться и созреть. И наоборот, как только мы останавливаемся и приковываемся к уже свершившемуся, а особенно к представлениям, которые мы составили себе о своей жизни и ее смысле, мы закрываем себя для того, что в нас и через нас стремится из самой глубины нашей сути на свет божий. Заглушая тоску своего собственного сердца, мы поневоле впадаем в жуткий страх и считаем свою жизнь горькой и безнадежной. Там, где стареющий человек принимает свое старение и готов преобразовываться до самого конца, там он может понять, что как раз угасание его природных сил облегчает проявление потустороннего в нем. Он, если освободится и отдастся этому, может ощутить, как другая, большая (более возвышенная) жизнь обращается изнутри к нему и, если он сумеет услышать, то она осчастливит его совершенно новым звучанием. Там, где сердце освобождается от всего, к чему привязано, начинает проявляться полнота и сила не от мира сего (которые не принадлежат этому миру). Это — тайности, уязвимости и одиночества дает богатство, опору и защищенность. И тогда окружающие с изумлением могут увидеть, как своеобразно изменился и стал прозрачным (раскрылся, осветился) старый человек. Вместо того, чтобы стать суровым (ожесточенным и замкнутым), себе и другим в тягость, он становится все свободнее, спокойнее, веселее и добрее. Что проявляется в этом? То, что человек перерастает свою земную природу, коренящуюся в его земном начале, которая вынужденно (неотвратимо) страдает из-за окончания своей маленькой жизни, а из осознания потусторонней природы своей сути, которая свидетельствует о Божественном начале, и сейчас выходит на свет Божий и рождается новый человек, приятный для себя и других. В подтверждении присущего нам Божественного бытия завершает (исполняет) себя возраст в зрелой человечности и приносит благословенный плод, который падает нечаянно и без всяких усилий, как созревшие яблоки с дерева. Такой плод есть сокровенный (тайный) результат (дело, произведение) внутреннего пути.

Вся действительность (реальность) этого мира, если человек понимает ее и овладевает ею, является только «светской» (мирской, нечестивой), преддверием к храму более глубокой действительности. Эта действительность не подчинена нам больше, как мир в свободе духа, который преодолевает зависимость (кабалу) от нашей праприроды, а мы подчинены действительности, которая теперь открывается нам. Но если мы выдержим испытание как ее слуги, то она сделает нас владыками (господами) этого мира в совершенно новом смысле, дав нам способность воспринимать (wahr-zunehmen) мир так, что он посреди своих далеких от Бога отношений познается и начинается в своей потусторонней силе; создавать условия, в которых потустороннее может приобретать законченный вид (образ).

Стареющий человек живет в преддверии смерти. В том, как он это воспринимает, проявляется его зрелость.

Близость смерти возвещает о приближении жизни, из которой мы приходим и в которую мы снова уходим,

и которая никогда (пока живы) не отпускает нас в течение этой жизни. Но то, что всю нашу жизнь двигало нами неосознанно, в старости все больше пытается стать осознанным. И правильно (верно) стареет тот человек, который допускает это осознание. В конце все больше проясняется смысл его земной формы быть медиумом, который в противоречии с бытием заставляет его говорить.

УМИРАНИЕ И СМЕРТЬ

Как человек умирает, зависит от того, как он жил. Насколько различна жизнь людей, настолько различна и смерть. В отношении человека к смерти отражается его отношение к жизни. Когда жизнь идет к концу, становится ясным, что человек понимал под «жизнью» и чего в конечном итоге было больше в его жизни: Божественного или земного начала.

Кто считает, что жизнь во времени и пространстве есть все, для того страдания не имеют смысла, а смерть является только врагом. Он боится смерти. Кто через эту жизнь, обусловленную временем и пространством, научился ощущать другую, потустороннюю жизнь, для того становится жизнь во времени доказательством жизни, которая присутствует во всем времени и над всем временем и которая есть по ту сторону жизни и смерти. Она становится преддверием жизни, которая оставляет смерть позади себя. Однако эта жизнь открывается в человеке только в той мере, как его жизнь, обусловленная временем, может закончиться. Всю жизнь это и есть истинный смысл всего умирания, а также и смерти физической. В сознании человека жизнь созревает в жизни и смерти по мере того, как сознание перешагивает за пределы (горизонт) мира «Я».

Благодаря своему Божественному началу человек принадлежит жизни, которая находится по ту сторону жизни, которой присуща смерть. Только в страдании из-за ограниченности этой жизни в человеке просыпается осознание Великой жизни, она осознает самое себя в человеке. Только в страданиях, ломающих человека, он обретает силу свидетельствовать о ней во времени и пространстве. Больше всего свидетельствует о жизни тот человек, которого она озарила при умирании.

В умирании первоначальное (простое, стихийное) «Я» становится еще раз сильным. Подойдя к границе своей жизни, оно вновь собирает все силы природы, чтобы удержаться в этой жизни. Достаточно часто человек, совершенно готовый сам по себе к смерти, не избегает борьбы со смертью. Но как раз там, где этот бунт против смерти силен, может в угасании (уходе) «Я» особым образом открыться (расцвести) большая жизнь. Только на границе мы очень близки тому, что находится по ту сторону границы, и в тьме конца нас может коснуться вспышка начала, а в мучительном конце конечного нас может найти бесконечное, которое избавит нас от всех мук.

Если духовник (пастырь) сострадающе принимает участие в умирающем, то он воспринимает приговоренного к смерти как своего ближнего, который как и он страдает в своем мире «Я» и боится смерти. Если он сострадательно (сочувственно, как близкий человек) поддерживает человека в агонии, то он помогает умирающему без страха и с полным доверием освободиться от всего, что тяготит его. Он может свободно выговориться и признаться в том, что огорчает (гнетет) его и просить, что ему требуется. Если провожающий открывается просто как близкий человек, даже, может быть, рассказав о собственной беде и своей вине, то он помогает другому освободиться от всех оков, которые до последнего момента заставляют человека сохранять «почтенный» («достойный») мир «Я». Он помогает умирающему освободиться от заблуждения (иллюзии), перешагнуть «величественно» («внушительно, значительно») порог. И тем самым он помогает ему обрести внутреннюю (духовную) истину, разрушить (обрушить) все фасады и нагишом открыться тому, кто неизбежно в качестве таинственного незнакомца приближается к нему.

Но тот, кто провожает умирающего, может сделать еще один шаг: он может присоединиться к нему от сути к сути (от сердца к сердцу) как брат или сестра по бытию. Он не должен поддаться чувству смертельной опасности (агонии), воспринимаемой им сопричастно (как близким человеком). Но он также не должен, выходя за рамки личной беды, безлично свидетельствовать об обещании (обете, предсказании) веры. Он должен доверчиво-любяще, но и вместе с тем строго относясь к сути другого, позвать его в свое собственное самобытие (бытие «Я»), может быть, молча показать ему границы правды и придать ему силы, чтобы тот мог вынести мучительное угасание своего «Я», окончательно страдающее от необходимости оставить все (отказаться от всего, освободиться от всего). Это может быть помощью для того, чтобы в конце существования в этой земной (мирской) жизни вспыхнуло великолепие (величие) потусторонней жизни.

Присутствие в соответствии с сутью при угасании «Я» предъявляет к провожающему наивысшие требования. Как и в начале жизни, так и в конце человеку нужна акушерка (акушер). Последний не может взять на себя ни само рождение, ни сопровождающие его муки (боли). Он может только помочь создать условия, при которых может родиться тело, ставшее восприимчивым при умирании, и быть благословенным. Для этого он должен проявить себя в более высокой надличностной любви. Ради нее он сам должен, что зачастую достаточно трудно, отказаться от малого выражения (свидетельства) любви, проявляющей сочувствие (участие) только в земном смысле. Существует любовь, которая лечит раны в мире, снимает заботы, осушает слезы, а также ласково (нежно) лжет только для того, чтобы уменьшить или облегчить человеку страдания. Для этой любви нет больше места. Нельзя лишать умирающего муки (боли) правды. Сама правда всегда менее ужасна, чем страх перед ней. И не должен ли умирающий более, чем кто-либо другой, знать правду?

Умирание может быть шансом последнего, а может быть первого доказательства абсолютной

человечности (гуманности) и высшим испытанием личной свободы. Умиравший может либо в упрямом самоутверждении еще раз попытаться сохранить себя, либо свободно, с полным доверием и ничего не скрывая, отдаться на волю высшей силы. Он имеет свободу выбора: либо жестко упорствовать в своей старой позиции, в своем естественном праве на жизнь и в своей неверии, либо в предчувствии милости, как раз сейчас коснувшейся его, и высшего (более высокого) смысла без ограничений и оговорок открыться чему-то, еще ему самому неизвестному. Наконец, он может совершенно замкнуться в себе и ожесточиться в отрицании того, что происходит, либо осознав поток бесконечной любви, мощно устремленный на него, отдаться с последним проблеском своей свободы.

Над всем безмерным процессом умирания неумолимо, требовательно и многообещающе светит холодная звезда истины (правды). Это есть истина бесконечного, конец начала, вызывающего конечное. Так как это есть такая правда, то человек в этот миг может познать ее не только как суровый зов, но и ощутить как обещание избавления, которое несет его навстречу его новому бытию. Конечно, близость смерти еще раз активизирует «Я», привязанное к жизни. Но это как раз и есть тот миг, когда провожающий должен заставить, настойчиво и безболезненно для другого, звучать голос правды. Поскольку как бы умирающий не относился к тому, что ему предстоит, это есть час истины. Только так может он, вероятно, обрести свободу сказать «да», чтобы затем узнать, что приближение смерти, сметающей все преграды, открывает врата для всеизбавляющей любви, которая совершенно неожиданно может устремиться к человеку (влиться в человека). Уже намек на правду может через миг ужаса привести к пониманию сути, и смерть перестает быть ужасной.

Я никогда не забуду такой случай. Один из моих друзей после тяжелой операции умирал. Врачи, которые знали это абсолютно точно, уверили его, что он может рассчитывать на то, что на следующей неделе он выйдет из больницы, чтобы подготовиться к новой операции, которая излечит его окончательно. Этим сообщением встретили меня его родственники, которые дежурили около него. Я подошел и понял, что это была ложь. Человек уже был отмечен смертью. Я попросил его жену выйти, чтобы остаться с ним наедине. Он говорил о том, что он надеется скоро, как и было запланировано, сделать доклад или, по крайней мере, он сможет своевременно продиктовать его, чтобы этот доклад за него прочитал бы кто-нибудь другой. Отчетливо чувствовалась за этими словами неправда, ощущаемая им самим. Я набрался мужества и сказал: «Дорогой друг! Я думаю, Вам было бы лучше вместо того, чтобы думать о докладе, отказаться (освободиться) от всего и настроиться на позицию, которая находится по ту сторону жизни и смерти. Послушайте,— повторил я,— по ту сторону жизни и смерти». Воздействие этого слова (смерть) оказалось волнующим. Он закрыл глаза. На его лице появилась новая жизнь. Пепельная бледность уступила место розоватому блеску. Сияние разлилось по его лику (лицу). Затем он открыл глаза и с выражением бесконечного покоя (мира) протянул мне руку и просто сказал: «Спасибо». Затем он снова закрыл глаза, я ушел и сказал его жене, что она может рассчитывать всего на несколько дней. Для этого человека, который не боялся смерти и обладал зрелостью, чтобы с открытым забралом готовиться к ней, умирание было испорчено. Чем ближе был миг смерти, т. е. времени, когда ему была нужна наибольшая тишина, тихая общность (общение) со спутницей своей жизни, и тишина, тишина, тишина для него самого, тем усерднее приходили и уходили сестры и активнее была работа медицинского аппарата, а также технической аппаратуры, чтобы еще на несколько часов продлить чисто физическую жизнь. Так в последний час у этого человека было отнято то, что он мог бы еще назвать своим собственным — его смерть.

Почему человеку не дают умереть с миром (спокойно), когда приходит его час? Зачем затруднять человеку его вступление при умирании в его божественную (небесную) родину и в преобразование новой жизни?

ЭПИЛОГ

В нас — два начала, конечное и бесконечное, Божественное и земное. Однако где же, собственно говоря, мы дома (где наш дом)?

Существует опыт возвращения домой в потустороннее абсолютное из изгнания в светски (мирски) обусловленное. Он существует без всякого повода, просто как внезапное пробуждение и как опыт избавления от смерти, отчаяния и безутешности этой жизни в неожиданном познании (знании, узнавании) присущей нам жизни, жизни по ту сторону жизни и смерти, по ту сторону тьмы и света, по ту сторону одиночества и общности. Существует опыт (познание) Божественного начала, как нашей собственной (подлинной) родины, которую мы осознаем, если нам удастся освободиться от господства нашего мира «Я» и впустить в себя то, от чего оно нас отделяет. Оно отделяет нас от сути, в которой мы участвуем в жизни, которая хочет проявиться в мире в нас и через нас, очевидно, как созидающе-избавляющая сила, как совесть и любовь, которая не принадлежит этому миру (не от мира сего).

Мы по нашей сути — дети Божественного бытия, граждане царства, которое не принадлежит этому миру (не от мира сего), братья во Христе (братья Христа). Мы можем осознать это, ошеломленные и очастливленные, и освобожденные для новой ответственности, если мы сможем освободить себя от преобладания в нас того, что обособляется и выявляется из прародины нашей сути. Это — «Я», которое отделяется и говорит: «Я есть я и хочу

им остаться». Это то «Я» из своего положения «Я» (Ich-Stand), из всего, что оно воспринимает, делает противоположное (Gegen-Stand). Это то «Я», которое фиксирует, вращается вокруг постоянного (установившегося) и устанавливает (констатирует) даже то, что по своей природе не поддается констатации (установлению, fest-stellbar). Это то «Я», которое своим желанием остаться противится любому превращению, сопротивляется основному закону жизни, вечному «умри и воскресни», вечному рождению и умиранию, и как таковое является грехом по отношению к жизни. Сознанием, имеющим центр в этом «Я», является такое сознание, в котором бесконечное застывает в конечном, потустороннее бытие, бытие вне времени и пространства, скрывается в пространственно-временном существовании! Таким образом, наша жизнь конечна не потому, что она смертна, ведь в «умри и воскресни (стань)» для листьев живет вечное дерево. А то, что кажется нам противоположным и конечным, есть бесконечное единое (Eine) в призме раздваивающегося «Я». Таким образом, конечное начало есть не что иное, как продукт (результат) этого «Я», способ, в котором бесконечное сосредоточивается в мире «Я».

«Конечное» начало (происхождение) не означает, что мы зачаты родителями из плоти и крови. Иначе вся полнота земного мира имела бы «земное начало (происхождение)». Нет, Земля сама имеет Божественное происхождение (начало). Как раз в ее стань-умри-стань (Werde-Stirb-Werde) заключено свидетельство вечной жизни. Конечное начало человека — это скачок, в котором бесконечное в восприятии (сознании) человека застывает в конечном без конца, абсолютное в пространственно-временное относительное, а суть прячется (таится) в мире «Я». Конечное существование есть не только противоречие бесконечному бытию, но и место проявления человека, где он скрывается, приняв человеческий образ (облик), и по-человечески выражает страдания из-за своей скрытости.

Однако будь благословенно мое грешное «Я»; как узнал бы я без тебя, без страдания от отделенности (оторванности) о Том, кого ты заслоняешь, о своем бесконечном начале, и где, как не в этом мятежном мире, я смог бы доказать верность родине, бесконечной, и свидетельствовать о том Единственном, который есть?

Только в страдании от конечного осознается бесконечное, только в напряженности к конечному осознает само себя конечное, и таким образом в человеческом облике в них обоих раскрывается живое целое опыта, обещания и предназначения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Япония и культура тишины

(Издательство О. В. Барт, Вейльхайм, 5-е издание 1971 г.)

1. Тишина на Востоке и на Западе.
2. О сути японской тренировки.
3. Основопологающие упражнения тишины.
4. Испытание тишины в жизни.
5. Предметная тишина.
6. Тишина слияния.
7. Экзамен тишины.
8. Конец.

II. Под знаком Великого опыта

(Издательство Шерц, 3-е издание 1974 г.)

1. Отношение к жизни.
2. Призыв из бытия.
3. Путь к зрелости.

III. Прорыв к сущности

(Издательство Ханс Хубер, Берн — Штуттгарт, 6-е издание 1975 г.)

1. Дух человеческий — дух божий.
2. Душа в тени усиленного принуждения.
3. Работа и тишина.
4. Потеря душевности.
5. Духовное преодоление механического.
6. О разделяющем «Я» и соединяющей сущности.
7. Признак человеческой незрелости.
8. Восход сущности на этапе первой зрелости.
9. Звездные часы жизни.
10. В зеркале серьезности.
11. О сверхъестественном мире.
12. Человеческая зрелость с точки зрения психологической и религиозной.
13. Лечение от сущности к сущности.
14. Триада живого бытия в зеркале типологии.
15. Могущество, ранг и стадия человека.

IV. Переживание и превращение

(дополненное новое издание О. В. Барт, Мюнхен, 1978 г.)

1. Человек как посредник с сущностью.

2. Опыт сущности как предпосылка человеческого превращения.
3. Положение, напряжение и дыхание как выражение центральной жизненной формы человека.
4. Трансценденциальное значение реальности «Я».

V. Хара — средоточие Земли в человеке

(Издательство О. В. Барт, Вейльхайм, 7-е издание 1975 г.)

1. Хара в жизни японца.
2. Хара в своем общечеловеческом значении.
3. Подверженный опасности центр.
4. Хара как упражнение.
5. Человек и хара.
6. Взгляд на прошлое и вид.

VI. Будни как тренировка

(Издательство Ханс Хубер, Берн — Штуттгарт, 5-е издание 1972 г.)

1. Будни как тренировка.
2. Лечебная сила.
3. Колесо превращения.

VII. Дзен и мы

(Издательство О. В. Барт, Вейльхайм, 3-е издание 1976 г.)

(переработанное и дополненное издание тома 1539 в издательстве Фишер-Ташенбух, Франкфурт, 1974 г.)

1. Введение и забег вперед.
2. Беда и необходимость западного человека.
3. Дзен как ответ.
4. Дзен для Запада — Западный Дзен.

VIII. «Замечательная кошка» и другие тексты Дзен

(Издательство О. В. Барт, Вейльхайм, 3-е издание 1975 г.)

1. Введение.
2. О праве бороться.
3. Единство — Кен-Дзен.
4. Тао техники.
5. Замечательное искусство одной кошки.
6. Фукан-Дзадзен-Ги.
7. Об упражнении Дзен (Дзадзен).
8. О правильной позе сидя.

IX. Спортивный успех — человеческая зрелость

(Издательство Вильгельм Лимперт, Франкфурт-на-Майне, 3-е издание 1969 г.)

X. Надмировая жизнь в мире

(Издательство О. В. Барт, Вейльхайм, 2-е издание 1969 г.)

1. Цель
 - Совершеннолетие
 - Прозрачность
 - Образ
2. Путь
 - Инициальное
 - Восток и Запад
 - Духовное упражнение
3. Результат
 - Человечность
 - Созревший старец
 - Сопровождать умирающего

XI. Призыв Учителя

(Издательство О. В. Барт, Вейльхайм, 2-е издание 1974 г.)

1. Призыв Учителя
2. Путь Учителя и ученика.
3. Голос Учителя в жизни.
4. Внутренний Учитель в голосе центра.
5. Голос Учителя при встрече со смертью.

XII. Человек в зеркале руки

(в сотрудничестве с Урсолой фон Мангольдт, издательство О. В. Барт, Вейльхайм, 2-е издание 1966 г.)

1. Искусство действия (поступка) и наука.
2. Сущность и действительность человека.
3. Рука как зеркало человека.

XIII. Прозрачность как опыт

(Юбилейный сборник к 70-летию графа Дюркхайма, издано Марией Гиппиус, издательство О. В. Барт, Вейльхайм 1966 г.)

XIV. Статья: Результат упражнения — подарок милости

(В «Духе и жизни», издательство Эхтер, Вюрцбург, 1972 г.)

XV. Статья: Целостность человека как интеграция восточного и западного жизненного сознания

(Юбилейный сборник к 75-летию Ламы Анагаорика Говинда, издательство К.-Х. Готтманн)

XVI. О теле, которое мы есть, с точки зрения прагматической и инициальной

(В динамике тела, спец. выпуск журнала по практической психологии; издано Хиларон Петцольд, издательство Юнгферманн, Падерборн)

UCO2 SERVICES